

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

№ 4 (29)
2017

Научно-практический журнал

ISSN 2542-1735

Подписной индекс «Роспечать» 70589
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30491 от 5 декабря 2007 г.), Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельства о регистрации ПИ № ФС77-48047 от 30 декабря 2011 г., ПИ № ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Включен в систему РИНЦ 16 апреля 2013 г. (договоры № 188-04/2013, № 207-05/2017).

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Медведев Игорь Анатольевич, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания и Сибирской академии наук высшей школы, действительный член Академии информатизации образования Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики, директор института физической культуры, спорта и здоровья имени И.С. Ярыгина Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (г. Красноярск) (по согласованию);

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск) (по согласованию);

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений (г. Красноярск) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России (г. Казань) (по согласованию);

Чечётин Андрей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации (г. Санкт-Петербург) (по согласованию);

Шабанов Вячеслав Борисович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) (по согласованию);

Шишко Ирина Викторовна – доктор юридических наук, директор Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию).

VESTNIK of Siberian Law Institute of the MIA of Russia

№ 4 (29)

2017

ISSN 2542-1735

Scientific and practical journal

Subscription index «Rospechat» 70589
The journal is issued four times a year

Founder and publisher
Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and the Protection of Cultural Heritage (Registration Certificate PI No. FS77-30491 from December 05, 2007), the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificates PI No. FS77-48047 from December 30, 2011, PI No. FS77-68860 from February 28, 2017).

Journal indexing: RINTS contracts No. 188-04/2013 (16.04.2013), No. 207-05/2017 (10.05.2017).

The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman - Igor A. Medvedev, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman - Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary - Yuliya V. Leontyeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Vladimir A. Adolf, Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History and Siberian Higher Education Academy of Sciences, Full Member of Academy of Computerization of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Pedagogics, Director of Institute of Physical culture, sport and health named after I.S. Yarygin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk) (on agreement);

Vladimir A. Azarov, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk) (on agreement);

Sergey V. Grishaev, Doctor of Sociology, Full Member of Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Krasnoyarsk branch of the Academy of Labor and Social Relations (Krasnoyarsk) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yuri Yu. Komlev, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Kazan) (on agreement);

Andrey Ye. Chechyotin, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head of the Department of Constitutional Fundamentals of Criminal Justice, Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation (Saint Petersburg) (on agreement);

Vyacheslav B. Shabanov, Doctor of Law, Professor, Full Member of Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics, Belarusian State University (Minsk) (on agreement);

Irina V. Shishko, Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Железняк Н.С.</i> К вопросу об уточнении терминологии в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.....	7
<i>Кондрашев А.А.</i> Конституционно-правовая ответственность физических лиц с особым конституционным статусом (иностранцы, лица без гражданства): законодательные коллизии и дефекты реализации.....	14
<i>Монид М.В.</i> Деятельность органов предварительного следствия МВД России в «зеркале» ведомственной статистики.....	20
<i>Мальков С.М.</i> Воинский правопорядок и военная служба как элементы объекта преступления и основания систематизации преступлений против военной службы.....	27
<i>Шашин Д.Г.</i> Изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, содержащих сведения ограниченного распространения, при проведении оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.....	35
<i>Александрова О.П., Буданова Л.Ю.</i> Некоторые вопросы исполнения наказания в виде исправительных работ.....	39
<i>Ступина С.А., Юсупова О.А.</i> Некоторые вопросы ответственности сотрудников полиции за причинение вреда в результате применения огнестрельного оружия.....	45

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Цуканов Н.Н.</i> К вопросу о перечне категорий лиц, которые не могут быть направлены полицией на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения.....	55
<i>Лисихина Н.В.</i> К вопросу о проблеме смертельных отравлений различными психоактивными веществами в свете мониторинга наркоситуации.....	62

Зарубежный опыт

<i>Тармаева В.И., Тармаев Б.П.</i> О первых ювенальных судах в США.....	67
---	----

Взгляд. Размышления. Точка зрения

<i>Никитенко И.В.</i> Миграционная безопасность азиатской части России: частная парадигма криминологического исследования.....	71
<i>Петухов А.Ю.</i> Проблемы формирования информационной компетентности сотрудника полиции в рамках первоначальной профессиональной подготовки.....	78

Алгоритмы высшей школы

<i>Куприянчик Т.В., Арская М.В.</i> К вопросу о коммуникативных профессионально обусловленных ситуациях в контексте обучения иностранному языку для специальных целей в неязыковом вузе.....	82
<i>Евтихов О.В., Жильцов А.В.</i> Профессионально-управленческая компетентность и проблема лидерства младших командиров учебных групп образовательных организаций МВД России.....	87
<i>Силантьев В.В.</i> К вопросу о подготовке полицейских, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, путем моделирования ситуаций на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России.....	93

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

<i>Карлов А.Л.</i> Письменная (скрипто-конвенциональная) форма процессуального соглашения в уголовном процессе России: общие подходы и оригинальная интерпретация.....	98
<i>Шишкин П.Е.</i> О некоторых вопросах административной ответственности в области оборота гражданского пневматического оружия.....	103
<i>Чугаев В.В.</i> Английское просвещение о месте главы государства в системе государственного управления.....	110

Аннотации, Рецензии, отзывы

Отзыв официального оппонента о диссертации Саблиной Майи Александровны «Исполнитель преступления в институте соучастия», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (г. Москва, 2016. – 233 с.).....	116
Аннотированный указатель новых изданий СибЮИ МВД России.....	120
Перечень публикаций в научно-практическом журнале «Вестник Сибирского юридического института МВД России» за 2017 год.....	126

Приглашаем к сотрудничеству	134
--	-----

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Zheleznyak N.S.</i> To the issue of clarification of the terminology in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.....	7
<i>Kondrashev A.A.</i> The constitutional and legal responsibility of individuals with specific constitutional status (foreign citizens, stateless persons): legislative collusions and shortcomings of implementation.....	14
<i>Monid M.V.</i> The activities of the bodies of preliminary investigation of the MIA of Russia in the mirror of departmental statistics.....	20
<i>Malkov S.M.</i> Military law and order and military service as elements of object of crime and the grounds for systematization of crimes against military service.....	27
<i>Shashin D.G.</i> Seizure of documents, items, materials and messages containing restricted access information in the course of operational-search action inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles.....	35
<i>Alexandrova O.P., Budanova L.Yu.</i> Some issues of punishment execution in the form of corrective labor.....	39
<i>Stupina S.A., Yusupova O.A.</i> Some issues of police officers' liability firearm-related harm.....	45

Counteraction to Drug Threat: Problems and Ways of their Solution

<i>Tsukanov N.N.</i> To the issue of the list of categories of persons who cannot be sent by police to undergo medical examination for determining drug intoxication.....	55
<i>Lisikhina N.V.</i> To the issue of lethal poisoning with different psychoactive substances in the light of monitoring the drug situation.....	62

Foreign Experience

<i>Tarmayeva V.I., Tarmayev B.P.</i> On the first juvenile courts in the USA.....	67
---	----

Views. Reflections

<i>Nikitenko I.V.</i> Migration safety of the Asian part of Russia: the private paradigm of criminological research.....	71
<i>Petukhov A.Yu.</i> Problems of formation of police officer's informational competency in the frame of the initial professional training.....	78

Algorithms of Higher School

<i>Arskaya M.A., Koupriyanchik T.V.</i> To the issue of communicative professionally conditioned situations in the context of teaching a foreign language for special purposes at a non-linguistic higher educational institution.....	82
<i>Yevikhov O.V., Zhiltsov A.V.</i> Professional and administrative competence and the issue of junior commanders' leadership in study groups at educational institutions of the MIA of Russia.....	87
<i>Silantiev V.V.</i> To the issue of training of police officers assigned to participate in counter-terrorist operations in the North Caucasus region of the Russian Federation by simulating situations during their physical training at educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	93

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Karlov A.L.</i> Written (script and conventional) form of procedural agreement in criminal proceedings in Russia: the general approaches and initial interpretation.....	98
<i>Shishkin P.E.</i> On some issues of administrative liability in the sphere of trafficking civilian pneumatic weapon.....	103
<i>Chugaev V.V.</i> English awareness about the position of a head of state in the system of governmental authority.....	110

Abstracts and Reviews

The review of official opponent on the dissertation of Sablina Maja Aleksandrovna «The person committing the crime in the institute of complicity» submitted for conferring an academic degree of a Candidate of Law on the specialty 12.00.08 – Criminal law and Criminology; Criminal and Penal law (Moscow, 2016. – 233 p.).....	116
Annotated list of new publications issued at SLI of the MIA of Russia.....	120
List of publications in the scientific and practical journal «Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia» in 2017.....	126

We invite you to cooperation	134
---	-----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.4:343.102

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

zhns21@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE ISSUE OF CLARIFICATION OF THE TERMINOLOGY IN THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье автор рассматривает две группы терминов, используемых в решениях Конституционного Суда Российской Федерации в качестве синонимов: решение суда, разрешение суда и независимое одобрение судом; проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, и ограничения прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий, раскрывается авторская позиция относительно их содержания, вносятся предложения по уточнению ситуаций их применения.

The article considers two groups of terms used in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as synonyms: the decision of the court, the permission of the court and independent court's approval; carrying out operational-search activities restricting the constitutional rights of citizens and the limit of the rights of citizens when carrying out operational-search activities. The author's position with regard to their content is revealed, some proposals to clarify the situations of their use are made.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, решения, закон, оперативно-розыскная деятельность, терминология.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions, law, operational-search activity, terminology.

Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с определенными ему функциями в порядке, установленном Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», периодически рассматривает жалобы на нарушение конституционных прав граждан предписаниями различных законодательных актов. Особенно часто такая необходимость возникает

в связи с осуществлением уполномоченными правоохранительными органами и спецслужбами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Причем, как показывает практика, поводом для обращения в Конституционный Суд РФ выступают совершенно разные обстоятельства: от непрофессионализма сотрудников оперативных подразделений и их руководителей до явно злонамеренных действий, от пробелов в законодательстве

до возможности многовариантного толкования его норм. В этом смысле деятельность Конституционного Суда РФ, направленная на охрану прав граждан, исключительно важна не только для конкретного заявителя, но и для правоприменителя, использующего решения суда в повседневной юридической практике. Вместе с тем анализ самих актов Конституционного Суда РФ (особенно его раннего периода) свидетельствует, что не все они избавлены от возможности их различного толкования. Во многом это обусловлено использованием в решениях суда недостаточно выверенной терминологии. В качестве аргумента, подтверждающего этот вывод, рассмотрим фрагменты небезызвестного определения Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» (далее – определение по И.Г. Черновой).

Напоминаем, что значительная часть этого судебного акта посвящена формулированию правовой позиции Конституционного Суда РФ относительно роли судебных органов в ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Размышляя об этой функции суда, следует отметить, что в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) встречаются различные по смысловому содержанию формулировки, описывающие отмеченный нами процесс, связанный с ограничением конституционных прав граждан в оперативно-розыскной сфере.

Так, налицо фразеологическое противоречие между предписаниями ст. 8 и ст. 9 ФЗ об ОРД относительно предмета судебного санкционирования:

– проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина... (ч. 2 ст. 8);

– ...судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав гра-

ждан... при проведении ОРМ (наименование ст. 9);

– ... ограничение конституционных прав граждан... при проведении ОРМ (ч. 1 ст. 9);

– ... решение судьей вопроса о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан... (ч. 2 ст. 9);

– ... судья разрешает проведение... ОРМ, которое ограничивает конституционные права граждан... (ч. 4 ст. 9);

– ... судья отказал в проведении ОРМ, которое ограничивает конституционные права граждан... (ч. 6 ст. 9).

Таким образом, четыре формулировки описывают этот процесс как судебное санкционирование ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а две – как ограничение конституционных прав граждан при проведении ОРМ. В связи с этим возникает вопрос о том, что же все-таки подлежит судебному санкционированию в рамках оперативно-розыскной деятельности: проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан, или ограничение конституционных прав граждан при проведении ОРМ?¹

Очевидно, что при более точном законодательном закреплении первого варианта оперативно-розыскная практика не претерпит существенных изменений ввиду того, что, по нашим данным, сегодня судом санкционируется именно проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Если же полагать, что речь может идти о судебном санкционировании ограничения конституционных прав граждан при проведении ОРМ, то такой подход изменит само представление о проведении этих ОРМ. В частности, при получении судебного разрешения на ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, сотрудники оперативного подразделения смогут параллельно проводить сразу четыре ОРМ: прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых

1 Наличие этой правотворческой проблемы уже звучало в юридической литературе [7].

отправлений, телеграфных и иных сообщений и получение компьютерной информации. Не менее информативным в этом случае будет ограничение права на неприкосновенность жилища, поскольку позволит не только проникнуть в него, но и ознакомиться с находящимися там почтовыми отправлениями, записями на автоответчике телефонного аппарата, сведениями, содержащимися в мобильном телефоне, содержимым персонального компьютера и т.д.

Более точной по сравнению с законодательной в этой части представляется, хоть и не ярко выраженная, позиция Конституционного Суда РФ, неоднократно проявляющаяся в отмеченном выше определении по И.Г. Черновой следующими фразами:

– ... судебное решение на право проведения оперативно-розыскного мероприятия;

– ... проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения;

– ... не обязан давать разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий;

– ... испрашивающий разрешение на проведение оперативно-розыскного мероприятия, связанного с ограничением конституционных прав граждан;

– ... наделение суда полномочием по осуществлению процедуры независимого одобрения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничениями конституционных прав граждан;

– ... испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий;

– ... решение о проведении оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан;

– ... судебная санкция на прослушивание телефонных переговоров.

Как видим, все восемь представленных в определении по И.Г. Черновой позиций однозначно подтверждают, что судебному санкционированию подлежит не ограничение конституционного права гражданина, а проведение ОРМ, ограничивающего это право.

Однако как это согласуется с предписаниями ст. 23 и 25 Конституции РФ, где речь идет о судебном решении, позволяющем *ограничить права граждан* (здесь и далее курсив наш. – Н.Ж.) на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища?

Вместе с тем в определении по И.Г. Черновой содержится и такая фраза: при проведении любых оперативно-розыскных мероприятий, в том числе наблюдения, *конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища не может быть ограничено без судебного решения, т.е. нельзя проникать в жилище иначе, как на основании судебного решения*. Означает ли она, что судебным решением ограничивается конституционное право гражданина (первая часть предложения) или все же санкционируется ОРМ (вторая часть)?

Для уяснения позиции Конституционного Суда РФ по рассматриваемой проблеме осуществим попытку анализа его более поздних решений в области ОРД.

Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2007 г. № 178-О-О: Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, *допускает возможность ограничения этого права только на основании судебного решения (статья 23); предусматривая в качестве обязательного условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, наличие разрешения суда*, – эти нормы вместе с тем не предполагают необходимость принятия специального судебного решения об использовании в рамках проведения таких мероприятий технических и иных средств.

Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 102-О-О: Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), устанавливает, что *ограничение прав на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность*

частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, а также некоторых других прав возможно только на основании судебного решения (статьи 22, 23, 25 и др.); необходимость же закрепления в законе требования о вынесении соответствующего судебного решения в качестве обязательного условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, не связанных с ограничением указанных конституционных прав, непосредственно из Конституции Российской Федерации не вытекает.

Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 460-О-О: результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены судом.

Определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 326-О-О: исключая возможность ознакомления указанных органов и лиц с содержанием передаваемого сообщения без судебного решения и помимо воли граждан, его передающих или принимающих...

Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2010 г. № 844-О-О: право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений принадлежит конкретному лицу, а судебное решение о прослушивании телефонных переговоров также выносится в отношении конкретного лица.

Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № 732-О: норма пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не устанавливает неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом, поскольку она

предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности.

Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2016 г. № 1136-О: судья не может дать разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий лишь на основе поступившего к нему постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, если не приходит к выводу о необходимости такого разрешения, его обоснованности и законности; обязанность же обосновывать перед судом необходимость оперативно-розыскных мероприятий, влекущих ограничение прав, гарантированных названными статьями Конституции Российской Федерации, возлагается Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые, запрашивая разрешение на их проведение, должны опираться не только на предположения о наличии признаков противоправного деяния и относительно его субъектов, но и на конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие обоснованность таких предположений.

Определение Конституционного Суда РФ от 8 марта 2017 г. № 568-О: проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, без предварительного судебного решения в случаях, которые не терпят отлагательства, на основании части третьей статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предполагает, после обязательного уведомления об этом суда (судьи), разрешение вопроса об обоснованности ограничения прав граждан при их проведении в порядке, предусмотренном статьей 9 этого Федерального закона.

В восьми представленных нами актах Конституционного Суда РФ по вопросам ОРД, датированных последним десятилетием (2007-2017 гг.), дважды упоминается получение

ние судебного согласия на ограничение конституционных прав граждан при проведении ОРМ и девять раз – санкционирование проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Отдельного анализа заслуживает постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П [4], в котором содержатся следующие фразы:

– постановлением судебной коллегии в составе трех судей... дано разрешение на ограничение прав судьи на тайну телефонных и иных переговоров, на неприкосновенность занимаемых им служебных и жилых помещений, служебного и личного автотранспорта и проведение в отношении него соответствующих оперативно-розыскных мероприятий;

– федеральный законодатель вправе, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, предусмотреть и специальные правила о подсудности таких дел с учетом специфики оперативно-розыскных мероприятий и необходимости защиты конституционных прав граждан, ограничение которых допускается только по судебному решению;

– установление специального судебного порядка получения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судей служит дополнительной гарантией;

– пункт 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», как следует из его содержания, определяет родовую подсудность вопроса о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи;

– соблюдение секретности требуется и при получении судебного разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий;

– на процедуру, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, не распространяются в полной мере правила, действующие в судебном разбирательстве по уголовному делу;

– рассмотрение судом вопроса о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

– рассматривать материалы о проведении в отношении судьи районного суда оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением его гражданских прав или нарушением его судебской неприкосновенности, должна судебная коллегия в составе трех судей;

– правомочие суда принять решение о проведении в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением его гражданских прав или нарушением его судебской неприкосновенности;

– о даче разрешения на проведение таких оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи;

– при решении вопроса о проведении в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением его гражданских прав или нарушением его неприкосновенности;

– о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи районного суда;

– о даче разрешения на проведение в отношении судьи районного суда оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением его гражданских прав или нарушением его неприкосновенности;

– внести в регулирование правил подсудности вопроса о даче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судьи изменения;

– допускающие рассмотрение материалов о проведении в отношении судьи районного суда оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением его гражданских прав или нарушением его неприкосновенности, судебной коллегией в составе трех судей.

Очевидно, что в одном правовом акте относительно предмета судебного решения формулировка «проведение ОРМ» применяется 16 раз, «ограничение прав» – 2 раза.

Также остается неясным вопрос о статусе судебного акта на право проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Так, в ФЗ об ОРД встречаются следующие его аналоги:

– ... судебное решение (ч. 2 , 3, 10 ст. 8, ч. 5 ст. 9, ч. 3 ст. 12);

- ... решение судьей вопроса (ч. 2 ст. 9);
- ... судья разрешает (ч. 4 ст. 9).

Таким образом, в законодательном акте используется два похожих, но не идентичных термина: решение и разрешение.

Что касается анализируемого определения по И.Г. Черновой, то в нем для описания рассматриваемого вида судебной деятельности трижды применяется термин *решение*, трижды – *разрешение* и по одному разу – *независимое одобрение* и *санкционирование*.

В представленных выше восьми определениях Конституционного Суда РФ семь раз упоминается слово «решение» и четыре – «разрешение».

В постановлении Конституционного Суда РФ в отношении И.В. Аносова используются термины «разрешение» – 11 раз, «решение» – 2, «рассмотрение материалов» – 2, «рассмотрение вопроса» – 1, «решение вопроса» – 1.

Чтобы оценить их семантическую сущность и, следовательно, приемлемость применения в правотворческом процессе, представляется логичным использовать следующие определения, сформулированные в Новом словаре русского языка толково-словообразовательном и адаптированные к исследуемой проблеме:

решение – заключение, вывод из чего-либо, избранный путь действия после обдумывания;

разрешение – предоставленное право на совершение чего-либо, позволение;

одобрение – признание хорошим, правильным, положительный отзыв, похвала;

независимое – самостоятельное, не находящееся в зависимости или в подчинении, свободное;

санкционирование – утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение.

Оценка содержания предложенных терминов позволяет прийти к выводу, что судья не может принимать решение о проведении ОРМ, иначе он должен быть причислен к субъектам ОРД. Действительно, достаточно странной выглядела бы ситуация, при кото-

рой судья решал, какое ОРМ и в каком случае следует провести для достижения целей ОРД. Что касается остальных терминов, то наиболее приемлемым для употребления представляется термин «разрешение», поскольку *независимое одобрение* и *санкционирование* могут быть его структурными элементами или аналогами.

Исходя из логики законодательного регулирования ОРД, сложившейся и позитивно зарекомендовавшей себя оперативно-розыскной практики, становится очевидным, что *решение о необходимости проведения ОРМ*, ограничивающего конституционные права граждан, в соответствии с ч. 1 ст. 15, ч. 1, 5 ст. 6, ст. 7 и 8 ФЗ об ОРД *принимает сотрудник оперативного подразделения*, мотивированное постановление с ходатайством о проведении такого ОРМ согласно ч. 2 ст. 9 ФЗ об ОРД выносит уполномоченный руководитель органа, осуществляющего ОРД, а *разрешает (или не разрешает) его проведение* на основании ч. 4 ст. 9 ФЗ об ОРД *федеральный судья*. [1]

В связи с этим сформулированный в определении по И.Г. Черновой и многих последующих решениях Конституционного Суда РФ вывод: «...решение о проведении оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан, принимает не руководитель ходатайствующего органа, а суд», в части определения предмета¹ и субъекта принятия решения в области ОРД² представляется ошибочным и нуждающимся в корректировке.

Понятно, что в работе Конституционного Суда РФ должна соблюдаться преемственность в толковании законодательных предписаний. Вместе с тем закрепленное в судебных актах недостаточно выверенное коллективное мнение членов Конституционного Суда РФ не может быть извечным догматом, а должно трансформироваться в соответствии с развивающейся наукой, изменяющимися условиями существования общества и государства.

1 Конституционные права граждан или ОРМ, ограничивающие эти права.

2 Сотрудник, уполномоченный руководитель органа, осуществляющего ОРД, или судья.

Это тем более важно, что правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в определениях и постановлениях, тиражируется в последующих актах высших судебных органов [см., напр.: 2; 3] и принимается как данность.

Еще в середине XIX в. французский писатель Г. Флобер высказал исключительно по-

лезную для данного исследования мысль: «В языке существует только одно точное слово для обозначения предмета, один эпитет для его определения, один глагол для выражения его действия». Этот принцип должен стать основой формирования судебных актов, и в первую очередь решений высших судебных органов.

Библиографический список

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.Н. Дудченко на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 № 560-О.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифоновой Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2004 № 394-О.
3. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 4.02.1999 № 18-О
4. По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П.
5. Решение Верховного Суда РФ от 11.09.2009 № ГКПИ09-1065.
6. Железняк, Н.С. О необходимости уточнения терминологии в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Железняк // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности. – СПб.: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, 2011.
7. Черных, А.А. Модернизация процесса судебного санкционирования при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека / А.А. Черных // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов XII международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 19-20 февраля 2009 г.) : в 3 ч. / отв. ред. Д.Д. Невирко : Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. – Ч. 3. – С. 19-24.

УДК 342.4

Андрей Александрович КОНДРАШЕВ,
проректор по административной и правовой работе
Сибирского федерального университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор

legis75@mail.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ С ОСОБЫМ КОНСТИТУЦИОННЫМ
СТАТУСОМ (ИНОСТРАНЦЫ, ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА):
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ И ДЕФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

**THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY
OF INDIVIDUALS WITH SPECIFIC CONSTITUTIONAL STATUS
(FOREIGN CITIZENS, STATELESS PERSONS): LEGISLATIVE
COLLUSIONS AND SHORTCOMINGS OF IMPLEMENTATION**

В статье анализируются коллизии законодательного регулирования конституционно-правовой ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, приводятся основания для разграничения административного выдворения (меры административной ответственности) и депортации (конституционной санкции), обозначены проблемы смешения оснований ответственности и оснований для применения мер защиты (безопасности). Автором предложено детализировать процедуру и основания применения конституционных санкций по отношению к иностранным гражданам и лицам без гражданства.

The article analyzes the conflicts of legislative regulation of the constitutional and legal responsibility of foreign citizens and stateless persons, provides the grounds for delineating administrative deportation (administrative responsibility measures) and deportation (constitutional sanction), outlines the problems of confusion of grounds for responsibility and grounds for the application of protection measures. The author proposes to detail the procedure and grounds for applying constitutional sanctions against foreign citizens and stateless persons.

Ключевые слова: статус иностранного гражданина, ответственность иностранных граждан, депортация, административное выдворение, конституционная ответственность.

Keywords: the status of a foreign citizen, the responsibility of foreign citizens, deportation, administrative expulsion, constitutional responsibility.

Как широко известно, иностранцы и лица без гражданства обладают определенным конституционно-правовым статусом, вытекающим из совокупности прав и обязанностей, которые они несут в соответствии с требованиями российского законодательства. Обычно по отношению к таким гражданам действует так называемый национальный режим с определенными исключениями, которые касаются условий нахождения на территории России и реализации ими политических и социальных прав. Таким образом, соответствующая группа физических

лиц обладает пусть и ограниченным по сравнению с гражданами Российской Федерации статусом, однако также состоящим из трех основных элементов – прав, обязанностей и ответственности.

Нас интересует именно ответственность, налагаемая на этих лиц в соответствии с нормами конституционного законодательства Российской Федерации. При этом конституционно-правовая ответственность граждан, а равно и неграждан, преимущественно связана с лишением или отказом в предоставлении соответствующего конституционного субъек-

ективного права (или определенных правомочий, составляющих содержание или ядро права), в основном социально-политического характера, наступающими вследствие совершения конституционного правонарушения.

Иностранцы граждане и лица без гражданства в подавляющем большинстве случаев политическими правами не обладают,¹ а социальными – только в определенной части. Общим условием определения их правового статуса является та или иная форма пребывания на территории Российской Федерации, в частности получение вида на жительство (ст. 8 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), приобретение статуса беженца (ст. 8 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»). Соответственно, можно сделать вывод, что применение конституционных санкций в отношении них происходит главным образом посредством аннулирования их права пребывания (проживания) на территории Российской Федерации.

В отношении лиц, которые желают получить специальный конституционно-правовой статус пребывания (проживания) в Российской Федерации, также установлены требования соблюдения закона и пребывания на территории Российской Федерации или в определенной ее части, и их статус можно назвать предварительным (временно-разрешительным), в частности статус лица, обратившегося с ходатайством о признании беженцем, и статус лица, выразившего желание приобрести гражданство Российской Федерации в порядке признания или приема в гражданство Российской Федерации.

Таким образом, конституционно-правовые статусы, связанные с той или иной формой пребывания на территории Российской Федерации или в определенной ее части, следует разделить на два вида: специальный и предварительный.

Общие вопросы ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства

Главным вопросом, обсуждаемым в науке уже почти 20 лет, является проблема природы санкций, налагаемых на иностранцев. В научной литературе вопрос об определении вида ответственности физических лиц, в том числе лиц с особым статусом пребывания на территории Российской Федерации или в ее части, носит дискуссионный характер. По мнению одних ученых, физических лиц следует считать обладателями конституционного статуса, субъектами конституционного правонарушения [3; 4; 10; 12]; с точки зрения других, обозначаемый статус носит административно-правовой характер [6]. По нашему мнению, санкции, предусмотренные в отношении иностранцев, в основном (за исключением административного выдворения) имеют именно конституционно-правовую природу и являются последствием конституционного деликта.

Депортация – конституционно-правовая санкция или нет?

В законодательстве, регулирующем правовое положение иностранных граждан, встречаются 2 санкции, схожие иногда до степени смешения. Это такие меры, как депортация и административное выдворение. А.М. Цалиев и М.С. Басиев именуют депортацию мерой конституционно-правовой ответственности [12], а Ю.В. Паукова и депортацию, и административное выдворение определяет как меры административного принуждения [8]. В нормативных актах, устанавливающих ответственность за нарушение иностранцами режима пребывания на территории нашего государства, а также в юридической литературе наряду с термином «административное выдворение» часто используется термин «депортация», подразумевающий, в принципе, одно юридическое последствие – высылку иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы

¹ Например, в соответствии с международным договором Российской Федерации на обособной основе может быть разрешено голосовать иностранным гражданам, имеющим постоянное проживание в Российской Федерации, на местных выборах.

территории Российской Федерации. Именно поэтому в административном праве России термин «депортация» применяется как синоним «выдворения». [1]

По нашему мнению, депортацию всё же следует относить к мерам конституционно-правовой ответственности, а не какой-либо иной. Каковы же аргументы в пользу этого утверждения?

1. Депортация применяется к иностранным гражданам, в отношении которых вынесено решение о нежелательности пребывания, а также в отношении граждан, которым въезд в Россию не разрешен. Решение о депортации может быть принято, если срок проживания или временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации сокращен (такие лица обязаны выехать из Российской Федерации в течение трех дней), если разрешение на временное проживание или вид на жительство, выданные иностранному гражданину либо лицу без гражданства, аннулированы (такие лица обязаны выехать из Российской Федерации в течение пятнадцати дней). Лица, не покинувшие территорию Российской Федерации в установленный срок, подлежат депортации. Депортации также подлежат иностранные граждане, утратившие в соответствии с Федеральным законом «О беженцах» законные основания для пребывания на территории Российской Федерации и отказывающиеся от добровольного выезда. Иными словами, налицо неисполнение конституционных обязанностей, зафиксированных нормами специального закона.

Таким образом, основанием для принятия решения о депортации в отношении иностранных граждан является невыполнение обязанности по выезду с территории Российской Федерации в случае принятия решения о нежелательности пребывания или в случае утраты иностранным гражданином законного основания для нахождения на территории Российской Федерации. [9]

Административному выдворению подлежат только иностранные граждане и лица

без гражданства, совершившие административное правонарушение, предусмотренное нормами КоАП РФ (гл. 18). Данный вид административного наказания заключается в принудительном и контролируемом перемещении иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – в контролируемом самостоятельном выезде из Российской Федерации. Административное выдворение может быть назначено как в виде основного, так и в качестве дополнительного наказания. Различают следующие формы административного выдворения: самостоятельный контролируемый и принудительный контролируемый выезд из Российской Федерации. [2]

2. Депортация с точки зрения процедуры производится по решению должностного лица ФМС России; выдворение – на основании судебного решения. [13] Выдворению предшествует целый ряд процессуальных действий. Учитывая, что выдворение – наказание, предусмотренное за нарушение установленных правил поведения, оно применяется только при условии доказанности вины иностранного гражданина в совершении правонарушения. Несмотря на то, что КоАП РФ возлагает обязанность по доказыванию вины на государственный орган, процесс доказывания носит состязательный характер, и у иностранного подданного имеется возможность предоставить доказательства своей невиновности, попросить суд не применять к нему выдворение в силу наличия исключительных обстоятельств, как правило, связанных с личной жизнью.

При вынесении решения о депортации иностранный гражданин не присутствует. Решение о депортации принимается должностным лицом ФМС России единолично при наличии к тому оснований (ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федера-

цию» (ред. от 29.07.2017))¹. Обстоятельства личной жизни иностранца при принятии решения о депортации, как правило, не учитываются.

3. Выдворение не может быть применено к лицу, если истекли сроки привлечения к административной ответственности (1 год). А решение о депортации может быть вынесено в отношении иностранца в любой момент.

4. Решение, на основании которого производится выдворение, может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном порядке (в течение 10 суток с момента его вручения), а также в порядке надзора (без ограничения срока). Решение о депортации обжалуется в порядке главы 18 КАС в течение 3 месяцев со дня, когда иностранному гражданину стало известно о наличии такого решения, а в порядке подчиненности путем подачи жалобы вышестоящему должностному лицу – без ограничения срока.

Здесь, правда, часто возникает другой вопрос: к какому виду деликтов следует отнести неисполнение обязанности, предусмотренной Федеральным законом о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации? По мнению Г.А. Трофимовой, как и «в случае с административным выдворением, основанием депортации также выступает административное правонарушение, заключающееся в неисполнении обязанности покинуть территорию Российской Федерации в установленные законом, в частности Федеральным законом о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, сроки. По сути, это то же самое правонарушение, что закреплено ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП, – уклонение от выезда из Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания» [11]. С нашей точки зрения, автор несколько прямолинейно решает эту проблему. Никто не спорит, что по правовым последствиям эти меры почти иден-

тичны, но основания их применения всё же сильно различны. Нельзя согласиться с тем, что невыполнение специальной обязанности, установленной в законе (например, в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан» или в Федеральном законе «О беженцах»), по природе неотличимо от совершения административного правонарушения, установленного КоАП. Депортация – это именно конституционная санкция, выступающая последствием нарушения конституционной обязанности, возлагаемой на иностранного гражданина, выехать за пределы Российской Федерации при отсутствии оснований нахождения в стране.

Смещение оснований ответственности с санкциями иной правовой природы

Основания аннулирования присвоенного статуса можно признать основаниями применения ответственности, но лишь в том случае, если они указывают на виновное поведение соответствующего иностранца. Безвиновное поведение влечет применение мер, которые именуются мерами защиты или безопасности.

Так, согласно ст. 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан» к числу оснований, которые могут рассматриваться как нарушение конституционной обязанности (совершение конституционного правонарушения), можно отнести только пп. 1-7 и пп. 13 п. 1 указанной статьи.

Все остальные основания – наличие заболеваний, отсутствие дохода, отсутствие жилого помещения или выезд для постоянного проживания в другую страну – не могут квалифицироваться как конституционные правонарушения. Необходимо вывести эти основания в отдельную статью и указать, что их наличие не связано с виновными действиями соответствующих лиц.

Также к числу оснований применения ответственности следует отнести п. 1.2 ст. 7,

¹ Исходя из правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 55-О «По жалобе гражданина Грузии Тодуа Кахабера на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 7 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"», российские власти при принятии решений о депортации, разлучающих семью, ограничивающих право на уважение частной и семейной жизни, а также на защиту этого права от неоправданного вмешательства властей, должны проверять, является ли в данном случае решение о депортации оправданной мерой, соблюдается ли баланс частных и публичных интересов и насколько данная мера ответственности соответствует характеру правонарушения, его последствиям.

где указывается, что разрешение на временное проживание иностранному гражданину и лицу без гражданства аннулируется в случае принятия в установленном порядке решения о нежелательности пребывания (проживания) или решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранного гражданина и лица без гражданства. Основания принятия такого решения предусмотрены федеральным законом о порядке въезда из Российской Федерации и въезда в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации нежелательно, если это создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц (абз. 4 ст. 25.10). Однако данное положение вовсе не указывает на обязательность наличия вины лица, в отношении которого может приниматься соответствующее решение; например, лицо может иметь гражданство государства, с которым возникает какая-то конфликтная ситуация. Таким образом, лишь виновные поступки лица, влекущие угрозу защищаемым субъектам, можно считать правонарушением и, соответственно, основанием применения ответственности.

Нет однозначной позиции и в отношении таких мер, как отклонение заявления о приобретении конституционно-правового статуса, связанного с правом пребывания (проживания) на территории Российской Федерации или в определенной ее части; отмена решения о предоставлении статуса. Например, по мнению одних исследователей, данного рода меры относятся к мерам конституционно-правовой ответственности [12], с точки зрения других, – к мерам защиты [7].

Так, согласно позиции Г.А. Трофимовой, «если право на получение статуса гражданина Российской Федерации (иного конституционно-правового статуса, связанного с пребыванием на территории Российской Федерации или в определенной ее части) ограничено на основании совершения лицом виновного деяния, поступка, не совместимого с обладанием статусом, ходатайство на предоставление которого было заявлено, то отклонение соответствующего заявления можно рассматривать в качестве несоблюдения нормы закона, то есть не как санкцию, а как реализацию определенного законом положения. Санкцией же является лишение права на получение статуса в результате совершения правонарушения, одним из правовых последствий которого является лишение конституционного права» [11].

По нашему мнению, автор предельно усложняет конструкцию применения мер конституционно-правовой ответственности к иностранным гражданам. Отклонение ходатайства о выдаче разрешения на временное проживание или на постоянное жительство, равно как и аннулирование этого разрешения (вида на жительство) – это применение конституционной санкции вследствие совершения конституционного нарушения. В результате наложения данной санкции иностранец не может приобрести искомый конституционный статус или теряет уже приобретенный. В данном случае нет речи о какой-то «реализации определенного законом положения» или некоей «мере, направленной на реализацию положения закона, то есть техническом элементе в исполнении закона», это элементарное непредоставление особого конституционного статуса или лишение оно.

Библиографический список:

1. Большой юридический словарь / под ред. проф. А.Я. Сухарева. – 3-е изд-е, доп. и перераб. – М.: ИНФРА, 2006.
2. Бондарь, Е.О. Практика применения в отношении иностранных граждан меры административного воздействия в виде депортации или административного выдворения за пределы Российской Федерации / Е.О. Бондарь, Р.А. Брунер // Современное право. – 2015. – № 10. – С. 30-35.
3. Виноградов, В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование / В.А. Виноградов. – М., 2000.
4. Гороховцев, О.В. Конституционная ответственность в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Гороховцев. – М., 2008.
5. Кондрашев, А.А. Конституционно-правовая ответственность иностранных граждан в Российской Федерации / А.А. Кондрашев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 2(6). – С. 71-75.
6. Малышев, Е.А. Некоторые особенности административно-правового статуса иностранного гражданина / Е.А. Малышев, А.Л. Васильев // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2009. – № 1(17).
7. Мусаткина, А.А. К вопросу о конституционных санкциях / А.А. Мусаткина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 3.
8. Паукова, Ю.В. Депортация иностранных граждан и лиц без гражданства как мера административного принуждения / Ю.В. Паукова // Правовая культура. – 2012. – № 2(13). – С. 181-185.
9. Паукова, Ю.В. Административное выдворение, депортация и реадмиссия как механизм удаления иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации / Ю.В. Паукова // Административное право и процесс. – 2012. – № 1. – С. 55-57.
10. Пугачев, А.Н. Конституционно-правовые санкции и их особенности / А.Н. Пугачев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 1.
11. Трофимова, Г.А. Конституционно-правовая ответственность физических лиц с особым статусом пребывания на территории РФ / Г.А. Трофимова // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 11.
12. Цалиев, А.М. Конституционно-правовая ответственность: современное состояние и проблемы совершенствования / А.М. Цалиев, М.С. Басиев. – М.; Владикавказ, 2009.
13. Шерба, С.П. Основания и процедуры выдворения, депортации и экстрадиции: сходства и различия / С.П. Шерба, М.А. Фролова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 4.

УДК 343.1:330.101.52

Марина Владимировна МОНИД,
доцент кафедры уголовного процесса Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук

marmonid@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ МВД РОССИИ В «ЗЕРКАЛЕ» ВЕДОМСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ

THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF THE MIA OF RUSSIA IN THE MIRROR OF DEPARTMENTAL STATISTICS

В статье на основе анализа содержания нормативных актов, устанавливающих критерии оценки результатов деятельности органов предварительного следствия МВД России, рассмотрены отдельные недостатки, связанные с выбором статистических показателей и методами их подсчета, которые не позволяют обеспечить корректное отражение результатов работы следователей, оказывают негативное влияние на правоприменительную практику и организацию деятельности органов предварительного следствия. По итогам сформулированы предложения о возможных путях решения обозначенных проблемных вопросов.

On the basis of the analysis of the content of regulations, setting out criteria for assessment of results of activity of the bodies of preliminary investigation of MIA of Russia the article considers some shortcomings related to the choice of statistical indicators and their calculation methods, which do not allow to provide correct reflection of the results of the work of investigators, and have a negative impact on law enforcement practices and organization of activity of bodies of preliminary investigation. As a result the author proposes possible solutions to the problems mentioned above.

Ключевые слова: оценка результатов деятельности, орган предварительного следствия, законность, качество предварительного следствия, профилактика преступлений.

Keywords: assessment of activity results, body of preliminary investigation, legality, quality of preliminary investigation, prevention of crimes.

Сложность, многоаспектность деятельности следователя, в том числе в системе МВД России, чрезвычайно затрудняет определение методики оценки ее эффективности. Тем не менее вопрос выбора конкретных критериев, определение инструментария для их измерения – это не только проблема ведомственной оценки того или иного подразделения, руководителя и конкретного следователя, не только основа для принятия управленческих решений. Данный выбор становится своеобразным отражением социальных ожиданий, которым должны соответствовать результаты работы следователя, устанавливает приоритеты, ориентирует правоприменителя.

Собственный опыт работы автора в информационно-аналитическом подразделении следственного управления позволяет утверждать, что критерии ведомственной оценки остаются значимым фактором в выборе руководителем стратегии работы органа предварительного следствия. Этот тезис подтверждается и результатами исследований, проведенных другими авторами. Так, по итогам опроса сотрудников ОВД сделан вывод, что деятельность в условиях количественного подхода ведет к тому, что большинство сотрудников нацелены на удовлетворение внутрисистемных установок. [1] При изучении мнения руководителей следственных подразделений 100% опрошенных согласились,

что на текущий момент статистика первична, а деятельность, для анализа которой она служит, – вторична. При этом 48,2% отметили, что стараются совмещать как решение задач уголовного судопроизводства, так и достижение высоких оценочных показателей. [4]

Таким образом, нельзя недооценивать влияние выбранных критериев и методик на организацию ведомственного процессуального контроля и деятельность отдельного следователя, в том числе и процессуальную.

На сегодняшний день основу системы оценки деятельности органа предварительного следствия формируют приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» и распоряжение МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России».

Рассматривая существующую методику оценки, хотелось бы остановиться на отдельных моментах, которые представляются наиболее проблемными, чрезмерно формализованными и способными оказывать негативное влияние на практическую деятельность.

Учитывая название распоряжения МВД России № 1/5072, назначение рассматриваемого ведомственного нормативного акта – оценка эффективности деятельности следственных подразделений. Также через понятие эффективности определяется цель оценки деятельности территориальных органов МВД России (п. 2 Инструкции по оценке деятельности управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам, Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации на транспорте, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040).

Вместе с тем указанные нормативные акты не дают определения понятия «эффе-

тивность». Среди ученых отсутствует единство мнений о понимании эффективности правоохранительной деятельности, но для целей проводимого анализа наиболее обоснованным представляется определение, приведенное в работе В.Т. Томина и А.П. Попова. Эффективность уголовного судопроизводства трактуется как достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. [5] Также следует согласиться с В.К. Зникиным, который определяет эффективность предварительного расследования как результат выполнения целевых задач (назначения) уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях. [2]

Не противоречит этим положениям и содержанию ст. 6 УПК РФ сформулированная в методике ведомственной оценки (приложение № 1 к распоряжению МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072) цель оценки деятельности органов предварительного следствия. Она понимается как определение эффективности обеспечения доступа граждан и организаций, потерпевших от преступлений, к правосудию; защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод.

В приложении № 2 к вышеуказанному распоряжению МВД России № 1/5072 предусмотрены 7 основных направлений, статистические показатели по которым используются для оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия.

Каждой группе показателей в рамках обозначенных направлений присвоен условный коэффициент значимости (от 1 до 3). При расчете общей оценки эффективности деятельности органа предварительного следствия сумма баллов эффективности по отдельным показателям должна умножаться на коэффициенты значимости: показатели результативности (3), качества следствия (2), сроков расследования уголовных дел (1), законности при производстве предварительного следствия (3), деятельности по раскрытию преступлений (1) и возмещению причиненного преступлением материального ущерба (1),

а также по предупреждению преступлений (1). В результате позитивные или негативные изменения по показателям с большим коэффициентом значимости должны оказать более существенное влияние на итоговую оценку работы следственного подразделения.

Эту совокупность критериев дополняет приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040, устанавливающий такие показатели, как «доля преступлений, уголовные дела по которым направлены в суд, в общем числе предварительно расследованных» (коэффициент значимости 8, при максимуме 10), «число оправданных и лиц, дела в отношении которых прекращены судом за отсутствием события, состава преступления, а также в связи с непричастностью (на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам)» (коэффициент значимости - 8) и другие. Из распределения указанных коэффициентов наглядно видно, какие показатели являются приоритетными.

Значимость ведомственной статистики нельзя недооценивать. К примеру, в соответствии с Методикой организации и проведения проверок направлений деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России (приложение № 3 к распоряжению МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072) направление деятельности будет оценено неудовлетворительно, если дана отрицательная оценка показателю в результате анализа статистической информации, характеризующей этот показатель.

Вместе с тем из анализа содержания приведенных нормативных актов следует, что не всегда используемый инструментарий позволяет корректно оценить эффективность деятельности органов предварительного следствия.

Неоднозначным следует признать выбранный подход к оценке результативности предварительного следствия, а именно путем использования критериев «нагрузка на 1 штатную единицу следователя по направленным в суд уголовным делам», а также «удельный вес уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, с постановлением

о прекращении уголовного преследования и возбуждения перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия в порядке ч. 1 ст. 427 УПК РФ, от числа оконченных производством дел». Причем эти два критерия, наравне с критериями, характеризующими состояние законности, имеют максимальные коэффициенты значимости – 3. Таким образом, правоприменитель исподволь ориентирован на обеспечение «вала» уголовных дел, направляемых в суд. Прекращаемые производством уголовные дела, в том числе по нереабилитирующим основаниям, по-прежнему воспринимаются как своеобразный «брак» в работе, расцениваются как снижающие результативность. При применении указанного подхода остается без внимания, что для принятия законного, обоснованного решения о прекращении уголовного дела также необходимо произвести объективное всестороннее расследование, которое требует временных и трудовых затрат, зачастую не меньших, чем по уголовному делу, направляемому в суд. Не принимается в расчет, что прекращение уголовных дел может быть обусловлено объективными обстоятельствами, например смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, объявлением акта амнистии. Кроме того, как совершенно справедливо отмечалось ранее в отношении оценки результативности работы следователей тогда еще Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, такого рода подход не способствует «экономии уголовной репрессии» [3]. Эти выводы актуальны до настоящего времени и в отношении органов предварительного следствия системы МВД России. Даже если есть возможность на стадии предварительного расследования прекратить уголовное дело по нереабилитирующим основаниям, следователю с позиции улучшения статистических показателей «выгоднее» направить уголовное дело в суд.

Непоследовательно такого рода подход выглядит и с учетом сформулированного в ст. 6 УПК РФ нормативного положения о назначении уголовного судопроизводства. Отказ от уголовного преследования не-

виновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в полной мере отвечают назначению уголовного судопроизводства. Следовательно, и направление уголовного дела в суд для решения вопроса о принятии мер уголовно-правового характера, и законное, обоснованное решение о прекращении уголовного дела должны восприниматься как итог деятельности, соответствующий назначению уголовного судопроизводства и целям предварительного расследования, а значит, и учитываться при оценке результативности работы.

Исходя из изложенного, целесообразно нагрузку на штатную единицу следователя оценивать все-таки в пересчете на общее количество оконченных уголовных дел.

Другой дополнительный фактор, ориентирующий следователей и руководителей следственных подразделений на авральную работу – это выбор методов оценки такого критерия, как сроки расследования. Сформулирован он как «удельный вес уголовных дел, оконченных расследованием в срок свыше 2-х месяцев (за исключением дел, возобновленных производством из числа ранее приостановленных по пп. 1-3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), от числа дел, направленных прокурору с обвинительным заключением, постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, прекращенных производством и направленных в суд с постановлением о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия в порядке ч. 1 ст. 427 УПК РФ». Несомненно, важный критерий, который должен предупредить нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства. Тем не менее он вместе с используемым методом оценки результативности порождает неоднозначную ситуацию, когда для достижения положительной оценки следственному подразделению предпочтительно выдать значительное количество уголовных дел, что называется, «на-гора». Как уже упоминалось, коэффициент значимости показателей, характеризующих результатив-

ность, составляет 3, но при этом показатель «сроки расследования уголовных дел» – 1. Поэтому в приоритете оказываются уголовные дела, не представляющие большой сложности в расследовании, которые можно окончить в срок до 2-х месяцев. Более сложные уголовные дела, сроки следствия по которым уже продлены, могут быть отложены, тем более что дальнейшее продление по ним сроков расследования никак не скажется на оценке рассматриваемого показателя. В стремлении обеспечить высокую результативность в очередном отчетном периоде следователи работают «с колес», что не может не отразиться на качестве расследования, а в ряде случаев – и на законности при производстве по уголовному делу, создает авральные режимы к концу календарного месяца.

Таким образом, при определении методов оценки показателя «сроки расследования уголовных дел» представляется необходимым как минимум изменение приоритетов.

Нельзя оставить без внимания вторую важную группу показателей, имеющую коэффициент значимости 3, – обеспечение законности при производстве предварительного следствия по уголовным делам. Для оценки принимается во внимание число лиц, производство по делам о деяниях которых прекращено следствием, судом по реабилитирующим основаниям и оправданных судом, в расчете на 1000 лиц по направленным в суд делам. Дополнительно аналогичным способом рассчитывается показатель, характеризующий число таких лиц, содержащихся под стражей. При этом для расчета первого из обозначенных показателей учитываются не любые лица, в отношении которых принимались решения о прекращении уголовного преследования, а лишь те, которым было предъявлено обвинение либо в отношении которых избиралась мера пресечения.

Используемый метод можно было бы признать достаточно корректным для анализа и оценки результатов деятельности, если бы не проблема процессуального характера. Перечень оснований приобретения лицом статуса подозреваемого четко определен УПК РФ и является исчерпывающим. В связи с этим, если в отношении конкретного лица следователем

не возбуждалось уголовное дело и отсутствуют основания для задержания по подозрению в совершении преступления, единственный способ придать такому лицу статус подозреваемого и обеспечить реализацию предусмотренных законом прав – избрать меру пресечения независимо от наличия или отсутствия к тому фактических оснований. Однако в случае неподтверждения подозрения и прекращения уголовного преследования сведения об этом факте будут учтены как нарушение законности, поскольку прекращено уголовное преследование лица, в отношении которого избиралась мера пресечения. Таким образом, используемый подход к оценке состояния законности ставит правоприменителя перед сложной дилеммой. При необходимости принятия безотлагательного решения в условиях недостаточной информации что хуже: обеспечить права лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, с риском «испортить» ведомственную статистику или нарушить УПК РФ, придав статус подозреваемого посредством применения иной меры процессуального принуждения? Как нарушение законности учитывается именно факт избрания меры пресечения, хотя при прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого, если он приобрел указанный статус при вынесении в отношении него постановления о возбуждении уголовного дела или в результате задержания в соответствии со ст. 91 УПК РФ, это не повлияет на ведомственную оценку эффективности деятельности подразделения. Можно предположить, что выбор связан с характером ограничения прав лица. Действительно, следователь может применить в отношении подозреваемого любую меру пресечения, в связи с чем и степень ограничения прав также может быть различной. Тем не менее в этом случае мера пресечения применяется по общему правилу на срок не более 10 суток, если не будет предъявлено обвинение. При этом анализируемым распоряжением МВД России № 1/5072 установлено, что факт избрания меры пресечения обвиняемому, уголовное преследование в отношении которого прекращено, будет расценен как нарушение законности только в том случае, если

избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Он подлежит учету при расчете числа лиц, содержащихся под стражей, уголовное преследование в отношении которых прекращено. Здесь также будут учтены и подозреваемые, которым избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу и впоследствии уголовное преследование было прекращено.

Таким образом, системный анализ содержания рассматриваемых норм порождает многочисленные вопросы. Почему используются разные подходы при оценке по сути идентичных процессуальных решений, ограничивающих конституционные права обвиняемого и подозреваемого? Есть ли необходимость учитывать как нарушение законности факт избрания в отношении реабилитированного подозреваемого любой меры пресечения независимо от вида и характера накладываемых при этом ограничений? Тем более, как было отмечено выше, указанное решение следователя при определенных условиях является вынужденным ввиду отсутствия альтернативных возможностей для придания лицу статуса подозреваемого. И главный вопрос: что в контексте эффективности деятельности следователя должно рассматриваться как мерило минимального ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство?

С учетом отмеченных проблемных вопросов представляется, что используемый при оценке уровня законности подход должен быть подвергнут существенной корректировке.

Требуют пересмотра и отдельные положения в методах, которые выбраны для оценки эффективности профилактической деятельности следователей. Основной показатель для ее определения – удельный вес уголовных дел, по которым внесены представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, от числа оконченных производством дел. С методом подсчета рассматриваемого показателя нельзя согласиться в полной мере. В соответствии с уже неоднократно упомянутым распоряжением МВД России для вычислений применяются данные, отраженные в форме федерального статистического наблюдения

1-Е (приложение № 2 к приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 20 февраля 2015 г. № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е "Сведения о следственной работе и дознании" и 1-ЕМ "Сведения об основных показателях следственной работы и дознания", а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ»). При этом соотносятся данные о количестве уголовных дел, по которым внесены представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона, с общим количеством окончанных уголовных дел (с учетом повторных решений). В соответствии с инструкцией, утвержденной этим же приказом Генерального прокурора РФ, дела, по которым внесены представления, отражаются в отчете только один раз, независимо от количества внесенных представлений и принятых решений об окончании предварительного расследования. Таким образом, даже если по всем впервые оконченным уголовным делам будут внесены по одному или несколько представлений в порядке ст. 158 УПК РФ, но хотя бы по одному уголовному делу в отчетном периоде решение будет принято повторно, рассматриваемый показатель не может составлять 100%. Соответственно, он не может отражать ситуацию объективно. Для получения более корректных данных необходимо как минимум соотносить количество окончанных уголовных дел, по которым внесены представления, с числом впервые оконченных уголовных дел. Но и этот подход не лишен недостатков, если говорить об эффективности деятельности. Не по всем оконченным уголовным делам объективно возможно внести представление. Однако стремление добиться положительной оценки приводит к установке о направлении представления по каждому окончательному уголовному делу и большому количеству формализованных представлений на имя руководителя органа внутренних дел. Эти представления, по сути, не оказывают реального влияния на устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений,

но требуют времени для составления и подготовки не менее формальных ответов на них.

Другой недостаток рассматриваемого показателя – оставление без внимания уголовных дел, приостановленных производством, по которым также могут быть внесены представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и иных нарушений закона. Справедливости ради следует отметить, что эти сведения учитываются в ином разделе, но подход к их оценке выбран еще более неудачный.

В распоряжении МВД России № 1/5072 используется целый ряд дополнительных индикаторов, характеризующих результаты профилактической деятельности следователей, как процессуальной, так и непроцессуальной. При этом применяется метод, который можно рассматривать как своеобразное наследие «палочной» системы, а именно – сравнение целого ряда абсолютных показателей с данными за аналогичный период предыдущего года, несмотря на то, что используемые методы по остальным оцениваемым направлениям ориентированы на использование долевых и нагрузочных показателей. Представляется, что используемый для оценки профилактической деятельности подход требует переосмысления. К примеру, число выступлений в средствах массовой информации, перед населением и в образовательных учреждениях целесообразно учитывать не в абсолютных показателях, а в пересчете на штатную единицу численности следователей подразделения.

Бесспорно, затронутые в настоящей публикации вопросы отражают лишь частные проблемы отдельных показателей, используемых для оценки результатов деятельности следователей, но даже они позволяют говорить о необходимости совершенствования применяемых методик оценки деятельности органов предварительного следствия. Разрешение этих вопросов требует не столько корректировки способов подсчета отдельных показателей, сколько пересмотра подходов в целом с точки зрения назначения уголовного судопроизводства, задач уголовно-процессуальной деятельности следователей, защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Бунов, Е.Г. Социальная эффективность деятельности органов внутренних дел в условиях реформирования системы управления МВД России : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Е.Г. Бунов. – М., 2014.
2. Зникин, В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования / В.К. Зникин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 1 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-effektivnosti-i-kachestva-predvaritelnogo-rassledovaniya>.
3. Назаров, А. Критерии оценки деятельности сотрудников и подразделений Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации. Фонд «Общественный вердикт» / А. Назаров. – URL: <http://publicverdict.ru/topics/research/8286.html>.
4. Попова, О.А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений / О.А. Попова // Современные проблемы науки и образования : электронный научный журнал. – 2015. – № 1 (часть 1). – URL: <https://science-education.ru/article/view?id=18246>.
5. Томин, В.Т. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты / В.Т. Томин, А.П. Попов. – Пятигорск, 2003. – С. 114.

УДК 343.2/7:344.2

Сергей Михайлович МАЛЬКОВ,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
sergeymalkov@mail.ru

ВОИНСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСНОВАНИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

MILITARY LAW AND ORDER AND MILITARY SERVICE AS ELEMENTS OF OBJECT OF CRIME AND THE GROUNDS FOR SYSTEMATIZATION OF CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

В статье анализируются понятия «воинский порядок» и «военная служба» как элементы объекта преступлений против военной службы, исследуются виды и содержание видового и непосредственного объекта преступлений, его методологическое значение, конкретизируется структура общественного отношения как объекта преступлений против военной службы. Показан механизм причинения вреда при совершении преступлений против военной службы. Раскрыта роль объекта преступления в систематизации преступлений против военной службы. Предложены научно обоснованные критерии систематизации преступлений против военной службы и их классификация.

The article analyses the concepts «military law and order» and «military service» as elements of the object of crimes against military service; studies types and the content of specific and direct object of crimes, its methodological significance. The structure of public relation as an object of crimes against military service is specified. The author shows the mechanism of infliction of harm while committing crimes against military service and offers scientifically reasonable criteria of systematization of crimes against military service and their classification.

Ключевые слова: военная служба, воинский порядок, военно-служащие, преступления против военной службы, общественные отношения, объект преступления, систематизация преступлений.

Keywords: military service, military law and order, servicemen, crimes against military service, public relations, object of crime, systematization of crimes.

Объектом преступлений против военной службы в соответствии со ст. 331 УК РФ выступают охраняемые государством общественные отношения, регулирующие порядок прохождения военной службы.

В юридической литературе порядок прохождения военной службы отождествляется с таким понятием, как «воинский порядок». [22, с. 5] Общественная опасность преступлений против военной службы определяется прежде всего тем, что они посягают

на общественные отношения, существующие в Вооруженных Силах и регулируемые военным законодательством, нанося этим отношениям серьезный ущерб, ослабляют воинскую дисциплину и боевую готовность войск, порождают и создают условия для совершения многих других преступлений. Порядок прохождения военной службы представляет совокупность отношений, обеспечивающих успешное выполнение задач вооруженной защиты государства. Строгое соблюдение этого порядка составляет основу воинской

дисциплины, которая обеспечивает выполнение задач, возложенных на Вооруженные Силы, другие войска и воинские формирования Российской Федерации.

Особенности воинского правопорядка выражаются в следующем:

1) воинский правопорядок формируется на основе таких правовых норм, которые специально предназначены для регулирования специфических общественных отношений, возникающих в области строительства, жизни и деятельности Вооруженных Сил. Эти нормы содержатся в различных актах военного законодательства;

2) воинский правопорядок имеет специфическое содержание. Он включает только те общественные отношения, которые возникают в процессе боевой подготовки войск, при несении военнослужащим внутренней и караульной службы, в ходе выполнения боевых задач в военное время;

3) данные общественные отношения по своему содержанию характерны только для военной организации и не имеют распространения в условиях гражданской жизни. [9, с. 211]

Стоит отметить, что на порядок прохождения военной службы также могут посягать и иные факты противоправного поведения, например административные правонарушения и дисциплинарные проступки. Кроме того, ряд действий военнослужащих подпадают под регулирование гражданского законодательства, поэтому отличие рассматриваемых преступлений от других деяний необходимо проводить по материальному и юридическому критериям. В основе материального критерия необходимо рассматривать общественную опасность, юридическим критерием разграничения являются уголовно-правовые нормы, находящиеся в главе 33 УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ и ст. 331 УК РФ не являются преступлениями против военной службы деяния, формально содержащие признаки преступления, которое предусмотрено уголовным законодательством, но в силу малозначительности не представляет большой общественной опасности. Кроме того, совершение военнослужащим любого другого преступления, не связанного

с посягательством на порядок прохождения военной службы, не образует преступлений против военной службы и квалифицируется как иные, например общеуголовные преступления (причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности; оскорбление военнослужащего не в связи с исполнением обязанностей военной службы).

Специфика уголовной противоправности данных преступлений состоит в том, что все эти преступления, будучи бланкетными, нарушают не только соответствующий уголовно-правовой запрет, но и правила военной службы, закрепленные в воинских уставах, других законах и иных нормативно-правовых актах. [11, с. 19]

Совершение военнослужащим любого другого преступления, не связанного с посягательством на порядок прохождения военной службы, не образует преступлений против военной службы и квалифицируется как общеуголовное преступление: хищение оружия и военной техники, неправомерное завладение военным автомобилем без цели хищения, неосторожное уничтожение или повреждение военно-технических средств, не повлекшее тяжких последствий. [3, с. 57]

Также не образуют состава преступлений против военной службы действия, которые хотя и нарушают порядок прохождения военной службы, но не предусмотрены в качестве преступлений против военной службы. [14, с. 10]

Таким образом, видовым объектом анализируемых преступлений является охраняемая уголовным законом от преступных посягательств военная безопасность, представляющая собой состояние боевой готовности военной организации государства, гарантирующее вооруженную защиту конституционному строю, независимости, суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации от внешних и внутренних угроз. [4, с. 82]

При рассмотрении объекта преступления не менее актуальным является вопрос о юридической природе понятия «военная служба».

Категория «военная служба» для понимания проблем уголовной ответственности за преступления против военной службы яв-

ляется основополагающей и имеет важное методологическое значение. [6, с. 10-11] В уголовно-правовой науке обозначились три подхода к рассмотрению данной категории.

Первый – легальный (официальный), в соответствии с которым военная служба отнесена к особому виду федеральной государственной службы, исполняемой гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах исполнительной власти (ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе»). Этот подход рассматривает военную службу в узком смысле.

Второй – традиционный – рассматривает военную службу в качестве самостоятельной отрасли права, с присущим самостоятельным предметом, методом, принципами, целями и задачами военной службы. [16, с. 13] По смыслу данного подхода военной службе придается широкое понимание. Преступления против военной службы по родовому объекту при таком подходе возможно отнести к преступлениям против государственной власти.

Третий подход – авторский. В юридической литературе военная служба отождествляется с такими понятиями, как «воинский порядок» [22, с. 5] или «военная безопасность» [9, с. 9-10]. Порядок прохождения военной службы представляет собой совокупность отношений, обеспечивающих успешное выполнение задач вооруженной защиты государства. [20, с. 17] Строгое соблюдение этого порядка составляет основу воинской дисциплины, которая обеспечивает выполнение задач, возложенных на Вооруженные Силы, другие войска и воинские формирования Российской Федерации.

Несмотря на различное содержание указанных подходов к рассматриваемому понятию, следует отметить, что все они отражают различные грани военной службы как системного социально-правового явления. [10, с. 15] Легальный и традиционный подходы обращают внимание на субъектов военной службы и деятельность военной организации. Авторский подход подчеркивает роль общественных отношений как определяющий признак сущности преступлений против военной службы.

Концептуальные наработки, касающиеся понятия «военная служба», нашли отражение в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 25 декабря 2014 г., федеральных законах от 31 мая 1996 г. «Об обороне», от 24 января 1997 г. «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе», от 27 мая 1998 г. «О статусе военнослужащих», Общевоинских Уставах Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г., Положении о порядке прохождения военной службы от 16 сентября 1999 г. и других, которые составляют правовую основу рассматриваемого понятия. Так, согласно ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военная служба является особым видом федеральной государственной службы, исполняемым гражданами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах исполнительной власти.

Рассмотрим особенности и специфику дефиниции «военная служба», к которым относятся:

во-первых, место и роль военной службы в системе социально полезной и необходимой деятельности людей. Военной службе присущи все основные свойства и признаки государственной службы, а именно:

– законность, т.е. осуществление военной службы в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством;

– внепартийность военной службы;

– обязательность решений вышестоящих органов военного управления и должностных лиц;

– подконтрольность и подчиненность органов военного управления и военнослужащих;

– равный доступ граждан к военной службе в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой;

– ответственность военнослужащих за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей;

– социальная защищенность военнослужащих и стабильность военной службы;

во-вторых, обязательность военной службы для лиц, поступающих на службу по призыву, либо во время прохождения военных сборов гражданами, пребывающими в запасе. Данная обязательность обеспечивается государственно-правовым механизмом привлечения граждан к военной службе, базирующимся на содержании ст. 59 Конституции РФ, в соответствии с которой защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации;

в-третьих, правовое положение военной службы как особой сферы деятельности, которая реализуется только личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации. Реализация воинской обязанности, осуществляемой вне Вооруженных Сил, не является военной службой. Так, нельзя признавать военной службой военно-патриотическое воспитание граждан, медицинское освидетельствование и медицинское обследование при постановке на воинский учет, получение начальных знаний в области обороны, подготовку граждан по военно-учетным специальностям, обучение по программам подготовки офицеров запаса на военных кафедрах, занятие военно-прикладными видами спорта и др.;

в-четвертых, специфическое содержание военной службы, заключающееся в повседневной деятельности, включающей непосредственное участие в бою, учебные занятия и тренировки, полеты и морские походы, стрельбы и пуски ракет, обслуживание разнообразной техники и уход за ней, несение боевого дежурства, выполнение требований внутренней, гарнизонной и караульной служб [5, с. 236];

в-пятых, специфика реализации условий прохождения военной службы: строго определенное место прохождения военной службы, служебные отношения и служебная дисциплина, установленные сроки пребывания на военной службе, минимальный и максимальный возраст военнослужащих, требования, предъявляемые к состоянию здоровья военнослужащих, назначение на воинские

должности и освобождение от них, присвоение воинских званий, ношение установленной формы одежды и знаков различия, приведение к военной присяге, направление военнослужащих в командировки, аттестация, подготовка, переподготовка и повышение квалификации военнослужащих;

в-шестых, возможность поступления на военную службу Российской Федерации по контракту иностранных граждан.

Таким образом, военная служба включает в себя совокупность общественных отношений, возникающих в процессе жизни и боевой деятельности войск, закрепленных в законах, военной присяге, воинских уставах, положениях о прохождении службы различными категориями военнослужащих и других актах военного законодательства. [8, с. 14]. Именно это составляет существо воинской дисциплины, строгое соблюдение которой является необходимым условием поддержания постоянной боевой готовности войск и сил флота. Последствия нарушения воинской дисциплины – это всегда вред, связанный с ослаблением обороноспособности войск, неисполнением тех задач, которые стоят перед воинским подразделением, созданием угроз для различных объектов, защиту которых воинское подразделение осуществляет. [18, с. 55-56]

Особую значимость представляет непосредственный объект. Выделение непосредственного объекта, то есть конкретных общественных отношений, позволяет раскрыть характер конкретного охраняемого блага, установить специфические особенности и механизмы преступного посягательства. Кроме того, непосредственный объект дает возможность правильно решить вопрос о цели норм, предусматривающих ответственность за анализируемые преступления.

Несмотря на неосязаемость как явления и абстрактность понятия, общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны можно конкретизировать посредством субъектов и предметов отношений, а также социальной связи.

Особое внимание обращают на себя субъекты отношений. Мнения ученых, исследо-

вавших их, существенно расходятся. Некоторые авторы к ним относят, с одной стороны, лиц, несущих обязанности по военной службе, с другой – неопределенный круг граждан, которые могут пострадать в результате нарушения обязанностей по военной службе. [1, с. 7] Другие в системе субъектов отношений выделяют государство в лице соответствующих органов, обладающих определенным статусом, и отдельных граждан. [15, с. 18-20]

Анализ приведенных суждений позволяет отметить общую, в основном верную позицию, заключающуюся в том, что система участников включает в себя как физических, так и юридических лиц, наделенных определенными правами и обязанностями. Вместе с тем отнесение к субъектам данных отношений неопределенного круга лиц, которые могут пострадать в результате неисполнения обязанностей по военной службе, неоправданно. Общественные отношения призваны регулировать отношения между конкретным кругом лиц.

По нашему мнению, к участникам общественных отношений следует отнести, с одной стороны, всех владельцев предмета отношения, соответственно – и предмета преступления, в обязанность которых входит соблюдение установленных правил обращения с ним. Ими могут быть государственные и негосударственные организации, их представители, а также отдельные граждане. Благодаря такому понятию участников возможно провести отграничение хищения предметов вооружения от незаконного их приобретения. Хищение может быть совершено только из определенного владения этими предметами, что не всегда можно обнаружить у незаконного приобретения.

Понятие предмета отношения в основном связано с его свойствами. По мнению автора, к нему следует отнести предметы военного имущества, а особенности этих предметов заключаются в потенциальной опасности при обращении с ними. [21, с. 13]

Актуальным в исследовании социальной связи выступают ее формы, то есть проявление. В юридической литературе они рассматриваются «либо в определенной деятельнос-

ти людей, либо в определенном состоянии, которое занимает субъект отношения» [19, с. 38]. Присоединяясь к такому суждению, можно сделать вывод о том, что социальная связь, образующая ядро объекта преступления против военной службы, может проявляться одновременно и в определенной деятельности субъектов, и в определенном их состоянии.

Определенную деятельность можно охарактеризовать как требуемое поведение субъектов, от которых общество ожидает нужного результата, то есть надлежащего исполнения субъектами отношений своих обязанностей по военной службе. Безусловно, такая форма социальной связи относится к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, а также к лицам, призванным на военные сборы. В основе определенного состояния, на наш взгляд, лежит обязанность выполнения установленных правил пребывания на военной службе, состоящая из запрета на уклонение от прохождения военной службы.

Методологическое значение непосредственного объекта заключается в том, что, во-первых, он выступает в качестве основного критерия систематизации преступлений против военной службы на основании однородности общественных отношений; во-вторых, позволяет оценить характер и степень общественной опасности и установить вредоносный характер последствий рассматриваемых преступлений; в-третьих, позволяет конкретизировать субъективную сторону преступлений, и в частности интеллектуальный момент вины.

На содержание объекта преступления и его учет при систематизации норм уголовного права, как отмечается в уголовно-правовой науке, нередко указывают особенности предмета преступления. [12, с. 267-269] Вместе с тем уголовное законодательство, как любая система, при конструировании (система как процесс) и реализации (система как результат) предполагает учитывать постоянство своих действий и целенаправленность (предназначенность). [7, с. 28-29] Поэтому систематизация уголовного законодательства о преступлениях против военной службы

в первую очередь должна проявляться в целенаправленном развитии и эффективности функционирования общественных отношений, на что указывает содержание непосредственного объекта. Кроме того, систематизация позволит установить криминологически обоснованную дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности за преступления против военной службы.

Ценность систематизации преступлений против военной службы заключается в обусловленности наиболее важных и устойчивых функциональных связей с различными отраслями права. [2, с. 23] В частности, система преступлений против военной службы позволяет провести некую правовую идентификацию с отраслевыми системами права, например с законодательством о военной службе, административным правом, полицейским правом и др., через такие законы логики, как понятие, суждение и умозаключение.

Теоретическая ценность систематизации заключается в эффективном технико-юридическом закреплении норм о преступлениях против военной службы, их унификации, дифференциации и расположении их в определенной последовательности. [13, с. 53] Практическая ценность систематизации заключается, во-первых, в правильной квалификации преступлений против военной службы, поскольку формулирование конкретной уголовно-правовой нормы позволяет провести различие между преступлениями против военной службы и непроступными деяниями, иными правонарушениями (административными, гражданско-правовыми), дисциплинарными проступками, конкурирующими, смежными и коллизионными уголовно-правовыми нормами; во-вторых, в полноте, четкости и ясности содержания уголовно-правовыми нормами; в-третьих, в простоте и легкости для понимания правоприменителем. [23, с. 164-166]

При рассмотрении систематизации актуальным представляется вопрос о выделении конкретных групп преступлений против военной службы.

В связи с этим возможно выделить как уголовно-правовые, так и криминологические классификации преступлений против

военной службы. В частности, в литературе можно встретить классификацию преступлений против военной службы, в основе которой лежат конкретные виды посягательства: нарушение уставных правил, самовольное оставление части или места службы, обращение с общеопасными предметами; категории субъектов преступления: солдаты по призыву и контракту, офицеры, должностные лица. [17, с. 10]

По нашему мнению, группировку преступлений против военной службы необходимо проводить с учетом структуры общественно-го отношения как непосредственного объекта данных деяний.

Участники общественного отношения позволяют выделить преступления против порядка пребывания на военной службе. С учетом того, что участники общественного отношения совпадают по содержанию с субъектом преступления (военнослужащими), данные преступления следует отнести к общим преступлениям против военной службы. Предмет общественного отношения связан со свойствами предметов военного имущества либо предмета преступления. Поэтому в основе отдельных групп преступлений следует рассматривать военно-технические средства (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, специальная техника) или военное имущество. Социальная связь как практическая деятельность военнослужащих по поводу реализации функций военной службы позволяет обратить внимание на преступления, связанные с нарушением уставных правил взаимоотношений, и посягательства на отдельные или специальные виды военной службы.

В связи с этим нам представляется целесообразным выделение следующих групп (видов) преступлений против военной службы:

1) общие преступления против военной службы (ст. 337, 338, 339 УК РФ);

2) преступления против военной службы, сопряженные с противодействием осуществлению обязанностей по военной службе (преступления, посягающие на установленные правила взаимоотношений между военнослужащими) (ст. 332, 333, 334, 335, 336 УК РФ);

3) преступления, посягающие на специальные виды военной службы (ст. 340, 341, 342, 343, 344 УК РФ);

4) преступления, посягающие на правила безопасности использования военно-технических средств:

– преступления, против военной службы, посягающие на отношения в сфере обращения оружия, боеприпасов, взрывчатых

веществ и иных предметов, представляющие повышенную опасность (ст. 349 УК РФ);

– преступления, против военной службы, посягающие на правила эксплуатации специальной техники (ст. 345, 350, 351, 352 УК РФ);

– преступления, против военной службы, посягающие на порядок сбережения военного имущества (ст. 346, 347, 348 УК РФ).

Библиографический список

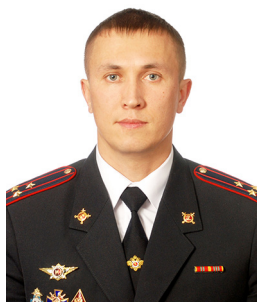
1. Антипов, В.И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность / В.И. Антипов. – Киев, 1987.
2. Баранов, В.М. Система права, система и систематизация законодательства и правовой системе России / В.М. Баранов, С.В. Поленина. – Н. Новгород, 2002.
3. Васильев, Н.В. Воинские преступления. Преступления против установленного порядка пользования военным имуществом / Н.В. Васильев. – М., 1954.
4. Военная администрация : учебник / под ред. Г.Н. Колибаба. – М., 1980.
5. Военно-уголовное законодательство / под ред. М.К. Кислицина. – М., 2002.
6. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебная практика / Б.В. Волженкин. – СПб., 2005.
7. Гайдес, М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ) / М.А. Гайдес. – М., 2005.
8. Закон об уголовной ответственности за воинские преступления : комментарий / под ред. А.Г. Горного. – М., 1986.
9. Зателепин, О.К. Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук / О.К. Зателепин. – М., 1999.
10. Зателепин, О.К. Понятие преступления против военной службы (комментарий ст. 331 УК РФ) / О.К. Зателепин // Право в Вооруженных Силах. – 2002. – № 4.
11. Кочешев, С.П. Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / С.П. Кочешев. – Иркутск, 2002.
12. Кругликов, Л.Л. Унификация в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, Л.Е. Смирнова. – СПб., 2008.
13. Кругликов, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – СПб., 2005.
14. Мальков, С.М. Преступления против военной службы / С.М. Мальков. – М., 2015.
15. Мальков, С.М. Преступления против военной службы, посягающие на правила безопасности использования военно-технических средств / С.М. Мальков. – Красноярск, 2008.
16. Мигачев, Ю.И. Военное право / Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. – М., 2005.
17. Нафиков, Г.А. Комплекс мер по предупреждению воинских преступлений / Г.А. Нафиков, В.А. Микерин // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 4.
18. Преступления против военной службы / В.М. Борисенко [др.]. – СПб., 2002.

19. Тер-Акопов, А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... докт. юрид. наук / А.А. Тер-Акопов. – М., 1982.
20. Тер-Акопов, А.А. Уголовная ответственность за воинские преступления / А.А. Тер-Акопов. – М., 1978.
21. Тихий, В.П. Уголовная ответственность за нарушение правил обращения с общепасными предметами / В.П. Тихий. – Киев, 1989.
22. Фалеев, Н.И. Цели воинского наказания / Н.И. Фалеев. – СПб., 1902.
23. Шаргородский, М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д. Шаргородский. – СПб., 2003.

УДК 343.102

Даниил Георгиевич ШАШИН,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

**ИЗЪЯТИЕ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДМЕТОВ, МАТЕРИАЛОВ И СООБЩЕНИЙ,
СОДЕРЖАЩИХ СВЕДЕНИЯ ОГРАНИЧЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ,
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ,
УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

**SEIZURE OF DOCUMENTS, ITEMS, MATERIALS AND MESSAGES
CONTAINING RE-STRICED ACCESS INFORMATION
IN THE COURSE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTION INSPECTION
OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES, TERRAIN AND VEHICLES**

В статье рассматриваются проблемные вопросы изъятия документов, предметов, материалов и сообщений, содержащих сведения ограниченного распространения (коммерческая тайна), при проведении оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. На основе анализа действующего российского законодательства в данной сфере автор работы приходит к выводу, что изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, содержащих коммерческую или иную охраняемую законом тайну, должно осуществляться на основании судебного разрешения. Системное толкование нормативных правовых актов (федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции», УПК РФ) в их взаимосвязи указывает на то, что такое судебное разрешение необходимо.

The problematic issues of seizing documents, items, materials and messages containing restricted access information in the course of operational-search action inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles are considered in the article. Based on the analysis of current legislation in the given field the author comes to the conclusion that the seizure of documents, items, materials and messages containing commercial or other secrets, protected by law, must be performed according to the court resolution. Systemic interpretation of normative and legal acts (of federal laws «On Operational Search Activity», «On Police», Criminal Procedure Code of the Russian Federation) in their correlation indicates the necessity of such court resolution.

Ключевые слова: изъятие, сведения ограниченного распространения, оперативно-розыскные мероприятия, органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность.

Keywords: seizure, restricted access information, operational-search action, Internal Affairs bodies, operational-search activity.

При решении задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и

сообщений (ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД)).

В ОРД нередко возникают вопросы, не урегулированные нормами законодательства, что затрудняет процесс проведения и документирования ОРМ.

Зачастую в работе правоохранительных органов возникает необходимость изъятия предметов, документов, ценностей, имеющих значение для решения задач ОРД, содержащих сведения ограниченного распространения.

Значительное количество изъятий в практике работы оперативных подразделений происходит при проведении такого ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (п. 8 ч. 1 ст. 6 закона об ОРД; далее по тексту – обследование).

Проведение ОРМ возможно только при наличии оснований, прямо предусмотренных в законе об ОРД. Основания, равно как и условия проведения ОРМ, являются одними из важных факторов признания их проведения законным, а также определенным элементом в механизме соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

МВД России 1 апреля 2014 г. был принят приказ № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – Инструкция).

Инструкция регламентирует порядок подготовки и проведения обследования, оформления изъятия предметов, веществ или документов в ходе обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Отметим, что конкретного перечня помещений и порядка их обследования, которые могли бы стать объектом обследования, ни в законе об ОРД, ни в Инструкции, ни в каком-либо ином нормативном акте, регулирующем правоотношения в сфере ОРД, не существует. В конечном счете такого перечня объектов и не должно быть ввиду их разнообразия. Более того, в процессе осуществления ОРД может возникнуть (и возникает) необходимость обследования помещений и изъятия из них документов, предметов, веществ, которые по своим признакам подпадают под признаки информации, содержащей сведения ограниченного распространения.

Ограничение доступа к информации в России регулируется ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где указано, что ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В настоящей работе мы попытаемся ответить на вопрос: в каком порядке может быть изъята при проведении обследования информация, содержащая сведения ограниченного доступа (коммерческая, профессиональная, налоговая, банковская, врачебная тайна). В России перечень источников информации, содержащих сведения ограниченного распространения или составляющих охраняемую законом тайну, довольно широк, но мы заострим внимание лишь на некоторых из них.

Условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую, служебную и иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также ответственность за ее разглашение устанавливаются федеральными законами.

Так, являются основаниями отнесения сведений к категории:

– «коммерческая тайна»: Федеральный закон 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и ст. 12 Федерального закона от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»;

– «персональные данные» (любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных): ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»;

– «налоговая тайна»: ст. 102, 313 Налогового кодекса РФ;

– «банковская тайна»: ст. 857 Гражданского кодекса РФ, ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ст. 57 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»;

– «врачебная тайна»: ст. 13, 92 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 15 Семейного кодекса РФ, ст. 9 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ст. 14 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», ст. 13 Закона РФ от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов», ст. 26 Федерального закона от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации».

Естественно, органы, организации и учреждения, обладающие такой информацией, ссылаются зачастую на законодательные акты, которые приведены выше, и отказывают органам, осуществляющим ОРД, в доступе к искомой информации, а также в ее изъятии, осуществляя тем самым противодействие деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Вопрос о доступе к информации ограниченного распространения и возможности её изъятия в практике ОРД ОВД в настоящий момент является достаточно дискуссионным.

Согласно одной точке зрения, оперативно-розыскное законодательство не требует судебного решения для изъятия документов, содержащих коммерческую тайну (ст. 15 закона об ОРД). Следовательно, получать судебное решение и предъявлять его кому бы то ни было нет необходимости.

В обоснование такой позиции правоохранительные органы и суды Российской Федерации:

– не обращают внимания на доводы заявителей о неправомерном изъятии у них документов, содержащих сведения ограниченного распространения [1; 2; 3];

– ограничиваются общим указанием на то, что оперативно-розыскным мероприятием не был нарушен Федеральный закон «О коммерческой тайне», поскольку действия сотрудниками оперативных подразделений ОВД были совершены в рамках их компетенции и в пределах, предоставленных действующим законодательством [4].

Согласно другой точке зрения, действия сотрудников оперативных подразделений ОВД недопустимы, они не вправе изымать документы, содержащие коммерческую или иную охраняемую законом тайну, если у них нет на то соответствующего разрешения суда.

Истцы, обращающиеся в суды за защитой своих прав и законных интересов, зачастую ссылаются на ч. 3 ст. 183 УПК РФ, где указано, что выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, производится на основании судебного решения.

Возможно ли распространение требований УПК РФ о выемке на изъятие документов в рамках обследования?

Поскольку закон об ОРД не содержит норм, регламентирующих вопрос о необходимости получения судебного разрешения о проведении изъятия предметов и документов, содержащих коммерческую или иную охраняемую законом тайну, представляется, органы, осуществляющие ОРД, могут получить судебное разрешение на это по принципу аналогии закона.

Согласно п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях.

Например, при решении вопроса об изъятии документов, содержащих банковскую тайну, вполне возможно использование принципа применения закона по аналогии.

Толкование нормативных правовых актов (закона об ОРД, Федерального закона «О полиции», УПК РФ) в их взаимосвязи указывает на то, что это вполне возможно.

Из пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 закона об ОРД во взаимосвязи со ст. 1, 2, 8 ч. 2 и 10 закона об ОРД вытекает, что под противоправным деянием закон об ОРД подразумевает только уголовно наказуемое деяние, то есть преступление.

А ст. 2 закона об ОРД под задачами ОРД понимает выявление, предупреждение, пре-

сечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Согласно ч. 1 ст. 15 закона об ОРД при решении задач ОРД органы, осуществляющие ОРД, имеют право проводить гласно и негласно ОРМ, производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений.

В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных ОРМ должностное лицо, осуществившее изъятие, должно составить протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства (абз. 2 ч. 1 ст. 15 закона об ОРД).

Результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находятся уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств (абз. 2 ст. 11 закона об ОРД).

В силу ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Таким образом, системное толкование нормативно-правовых актов в их взаимосвязи указывает на то, что ОРМ, проводимые в целях раскрытия преступлений, должны быть максимально приближены к требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Изъятие документов, содержащих сведения ограниченного распространения (коммерческая, банковская, врачебная, налоговая тайна), без судебного разрешения недопустимо еще и в силу того, что при последующей оценке результатов ОРД, представленных органу дознания, следователю или в суд, они могут быть признаны недопустимыми по вышеуказанным соображениям. Кроме того, по этим вопросам в России уже имеется определенная судебная практика. [5] При этом изъятые документы, содержащие сведения, отнесенные к охраняемой законом тайне, должны быть изъяты, упакованы и храниться таким образом, чтобы доступ к ней был невозможен.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 11.11.2014 по делу № 22-6526/14.
2. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан от 21.08.2012 по делу № 22-321.
3. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Орловского областного суда от 06.04.2011 по делу № 33-495.
4. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 21.04.2011 по делу № 22К-1739.
5. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 16.05.2012 по делу № 22к-2294/2012.

УДК 343.847.5

Ольга Павловна АЛЕКСАНДРОВА,

доцент кафедры правового и организационного обеспечения судопроизводства юридического факультета Псковского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

pavlovna.76@mail.ru

Людмила Юрьевна БУДАНОВА,

преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России

milabudanovapskov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

SOME ISSUES OF PUNISHMENT EXECUTION IN THE FORM OF CORRECTIVE LABOR

В настоящей статье рассматриваются отдельные правовые и организационно-управленческие проблемы, возникающие при исполнении наказания в виде исправительных работ. Авторы рассматривают ряд причин совершения осужденными к исправительным работам повторных преступлений, в частности недостаточное изучение личности подучетных лиц, выбор недостаточно эффективных мер индивидуального воздействия на них, а также низкий уровень внешнего взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций.

Certain legal, organizational and managerial issues arising in the course of punishment execution in the form of corrective labor are considered in the article. The authors consider an array of reasons for committing repeat crimes by person having been already sentenced to corrective labor, namely insufficient examination of registered offenders' personalities, choice of non-effective measures of influence, as well as the low level of external interaction between criminal executive inspectorates.

Ключевые слова: наказание в виде исправительных работ, правовые основы, организация исполнения наказания без изоляции осужденного от общества.

Keywords: punishment in the form of corrective labor, legal bases, organization of execution of punishment without isolation of the convict from society.

Гуманизация уголовной ответственности, сопряженная с развитием уголовно-исполнительной системы (УИС), обусловила широкомасштабное применение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Так, федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р, в качестве основной задачи выде-

ляет «расширение сферы применения судами наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы».

В 2009 г. всего были осуждены 901554 лица, причем к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, исполнение которых отнесено к компетенции уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), – 52,16%. В 2010 г. эти цифры составили 864624 человека и 53,08% соответственно, а в 2015 г. – 762958 и 56,98%. В 2016 г. всего

были осуждены 740380 лиц, 57,03% из них – к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, исполнение которых отнесено к компетенции УИИ. [5]

Необходимость гуманизации карательной политики государства предопределяется тем, что наказание в виде лишения свободы ложится на бюджет, влечет разрыв социально полезных связей осужденного, порождает криминализацию общества. В настоящее время одним из наказаний без изоляции осужденного от общества, наиболее значимым по объему применения, является наказание в виде исправительных работ. В этом наказании сочетаются карательное и воспитательное воздействие как на осужденного, имеющего место работы, так и нетрудоустроенного, что позволяет наладить социально полезные связи в трудовом коллективе нетрудоустроенных осужденных и не лишать профессиональных навыков уже работающих осужденных. [2, с. 166-167] Так, по данным ФСИН России на 1 января 2016 г., из 93310 осужденных к наказаниям без изоляции от общества, состоящих на учете в УИИ, исправительные работы исполнялись в отношении 24324 человек. [4]

Исполнение уголовного наказания в виде исправительных работ отнесено к компетенции уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

В 2014 г. в России к исправительным работам были привлечены 53535 человек, что вдвое больше, чем осужденных к работам обязательным – 21687 осужденных. В 2015 г. – 28090 осужденных к исправительным работам лиц, что на 3 тысячи больше, чем осужденных к обязательным работам – 24677. В 2016 г. на учете в УИИ состояли 24324 осужденных к исправительным работам лиц, что на 15 тысяч осужденных меньше, чем к обязательным работам – 39344 человека. [4] Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что количество осужденных к исправительным работам уменьшается, однако увеличивается привлечение лиц к обязательным работам, и позволяют сделать вывод о существующих проблемах в организации исправительных работ, в связи с чем суды отдают предпочтение назначению обязательных работ.

При оценке эффективности организации деятельности УИИ по исполнению наказаний основным критерием является совершение повторных преступлений, прежде всего тяжких и особо тяжких.

Согласно официальным статистическим данным ФСИН России, в 2016 г. в России зафиксирован резкий рост численности лиц, осужденных к исправительным работам, в отношении которых возбуждены уголовные дела, – 1207 человек (2015 г. – 903). [4]

Совершение осужденными к исправительным работам повторных преступлений может быть связано с недостаточным изучением личности подучетных лиц, выбором недостаточно эффективных мер индивидуального воздействия на них, а также низким уровнем внешнего взаимодействия УИИ.

К основным проблемам, влияющим на сохранение уровня повторной преступности осужденных к наказанию в виде исправительных работ, можно отнести следующие:

- отсутствие вакантных рабочих мест по месту жительства осужденного в организациях, согласованных УИИ с органами местного самоуправления;
- ликвидация муниципальных предприятий либо предприятий, согласованных с органами местного самоуправления для отбывания наказания в виде исправительных работ;
- нехватка количества выделяемых на предприятиях мест для трудоустройства осужденных к исправительным работам или невозможность их трудоустройства на рабочие места, выделяемые органами местного самоуправления, обусловленная профилем их подготовки и характером совершенного преступления;
- нехватка квалифицированных кадров, осуществляющих ежедневный контроль за трудовой деятельностью осужденных к исправительным работам;
- недостаточно эффективный механизм воздействия на осужденного к исправительным работам в случае нарушения им трудовой дисциплины в организации. Так, к нарушениям порядка и условий отбывания наказания ст. 46 УИК РФ относит прогул или появление на работе в состоянии опьянения (наркотического, алкогольного, токсического

го), т.е. в случае умышленной порчи имущества организации осужденным он несет установленную гражданскую, административную или же – при нанесении крупного ущерба – уголовную ответственность, но к нарушениям порядка и условий отбывания наказания данные деяния не относятся, равно как употребление нецензурной речи в организации, которое повлечет только административную ответственность.

В настоящее время в практической деятельности в существующем широком спектре правовых и управленческих проблем одним из ключевых вопросов остается организация деятельности УИИ по исполнению отбывания осужденными исправительных работ, о чем свидетельствует нарушение ими установленного порядка и условий отбывания данного наказания. Так, в 2016 г. федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями по первой инстанции были удовлетворены 17793 ходатайства о замене исправительных работ иными видами наказания. [5]

Показатель привлечения осужденных к исправительным работам при надлежащей организации деятельности УИИ должен составлять 100%, но существующие в настоящее время организационно-правовые механизмы не обеспечивают полного и своевременного привлечения осужденных к отбыванию данного наказания.

В настоящее время правовое и организационное обеспечение деятельности УИИ по исполнению наказания в виде исправительных работ нуждается в совершенствовании, поиске новых возможностей по привлечению осужденного к исправительным работам, новых методов осуществления контроля за осужденным, разработке мер воздействия и поощрения осужденного.

Так, ряд исследователей считают целесообразным назначать исправительные работы лицам, проходящим военную службу по контракту, так как в отличие от службы по призыву контрактная основа является в первую очередь работой. [3, с. 88] С таким мнением трудно согласиться, так как наказание в виде ограничения по военной службе, назначаемое лицам, служащим по контракту, по содержанию схоже с исправительными ра-

ботами и не требует замены, так как и в том, и в другом случае из заработка осужденного удерживается доход в размере до 20%, а с учетом специфики военной службы целесообразно оставить контроль за исполнением данного наказания органам военной полиции Вооруженных Сил РФ.

Неприменение наказания в виде исправительных работ к беременным женщинам ряд авторов также считают противоречащим нормам уголовного законодательства, так как тем самым для беременных женщин круг назначаемых наказаний без изоляции от общества сужается. Кроме того, в случае наступления беременности у женщины уже после назначения судом ей исправительных работ она находится в более привилегированном положении относительно еще не судимой беременной женщины. [2, с. 166-167] Однако уголовное наказание, назначаемое судом, должно быть выполнено на момент вынесения приговора. С учетом того, что беременная женщина при уходе на больничный по беременности и родам получает социальную выплату, а не зарплату, с которой не может быть удержан процент, назначение данного наказания беременной женщине нецелесообразно, так как карательное содержание исправительных работ заключается именно в удержании определенной части заработной платы осужденного. В случае разрешения назначения исправительных работ беременной женщине, не имеющей места работы, возникнут существенные трудности по подбору УИИ подходящего ей места работы, так как выделяемые органами местного самоуправления места в организациях и на предприятиях для отбывания наказания в виде исправительных работ, как правило, связаны с выполнением физической работы. Таким образом, позиция законодателя в вопросе о назначении беременным женщинам наказания в виде исправительных работ представляется обоснованной.

Кроме того, в случае трудоустройства осужденного до постановки на учет в УИИ в какую-либо организацию самостоятельно УИИ согласовывает с органом местного самоуправления данную организацию в качестве места для отбывания исправительных

работ. Однако Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденная приказом ФСИН России от 20 мая 2009 г. № 142 (далее – Инструкция), не устанавливает, с каким именно органом местного самоуправления УИИ должна согласовать трудоустройство осужденного: по месту нахождения УИИ, или месту жительства осужденного, или по месту нахождения организации. Кроме того, возникают вопросы по поводу исчисления срока отбывания осужденным в данном случае наказания: срок исправительных работ должен исчисляться с момента получения организацией копии приговора, определения или постановления суда, но УИИ должна направить эти документы после согласования организации с органами местного самоуправления, однако срок такого согласования законодательно не урегулирован.

Непосредственно правовая регламентация исполнения наказания в виде исправительных работ нуждается в законодательном совершенствовании в сфере применения к осужденному мер воздействия при неподчинении законным действиям инспектора УИИ при постановке осужденного на учет и проведения с ним первоначальной беседы, а также при определении основного места работы для отбывания осужденным наказания.

Так, при проведении первоначальной беседы с осужденным инспектор УИИ устанавливает его личность, осуществляет его дактилоскопирование, разъясняет порядок и условия отбывания им наказания, право на обжалование в суд, а также составляет анкету о месте жительства осужденного, его контактах, окружении. Как отмечают сотрудники УИИ, нередки случаи отказа осужденного от сообщения данных, необходимых для анкеты, при этом УИИ не вправе вынести ему предупреждение за неподчинение требованиям инспектора, так как ст. 46 УИК РФ предусматривает ответственность за уклонение от наказания в виде исправительных работ только при неявке осужденного на работу или же грубом нарушении им трудовой дисциплины.

В связи с этим целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 46 УИК РФ, дополнив ее

следующим положением: «За нарушение осужденным к исправительным работам порядка и условий отбывания наказания, указанных в п. 1 ст. 46 УИК РФ, а также за отказ осужденного выполнять требования федеральных законов, определяющие порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов уголовно-исполнительная инспекция может предупредить его в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также обязать осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации».

Кроме того, УИИ организует проведение с осужденным воспитательной работы. К воспитательной работе с осужденными к исправительным работам в первую очередь относится проведение профилактических бесед о недопустимости нарушения порядка и условий отбывания наказания. С осужденными, склонными к употреблению спиртных напитков, инспектор УИИ проводит профилактические беседы накануне государственных праздников и приуроченных к этим праздникам выходных.

Воспитательно-профилактическая работа с осужденными к исправительным работам организуется УИИ в соответствии с характером преступления, совершенного осужденным, основаниями возникновения трудовой деятельности (отбывание наказания по месту основной работы или трудоустройство уголовно-исполнительной инспекцией), рода профессиональной деятельности, а также с учетом психологического воздействия на осужденного назначенного наказания, которое выражается в ограничении его права на смену места работы, уменьшении заработной платы.

В настоящее время, пишут И.Н. Смирнова, Л.Н. Тарабуев, отмечается недостаточная эффективность воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к исправительным работам, о чем свидетельствуют уровень повторных преступлений рассматриваемой категории осужденных и количество уклонений от отбывания наказания. О значительных упущениях в организации воспитательно-профилактической работы с

осужденными к наказанию в виде исправительных работ свидетельствует также анализ оснований, по которым эта категория осужденных была снята с учета в УИИ. [6, с. 32]

Для повышения эффективности воспитательной работы УИИ с осужденными к исправительным работам представляется целесообразным определить ее виды в Инструкции, так как ее п. 81 устанавливает только необходимость ее проведения. Также представляется целесообразным закрепить обязанность оказания ряда профилактических воспитательных мер на осужденного организацией, в которой он трудоустроен, самостоятельно либо совместно с УИИ с оформлением такой работы протоколами заседания комиссий и совместных профилактических бесед или собраний.

Деятельность УИИ при злостном уклонении осужденного от отбывания наказания в виде исправительных работ заключается в подготовке представления в суд о замене наказания более строгим его видом, а также документов, подтверждающих обоснованность ходатайства УИИ, заявленного в представлении.

В практической деятельности для установления причин совершения осужденным нарушения порядка и условий отбывания наказания инспектор УИИ отбирает у него объяснение по фактам допущенных нарушений, в случае отказа от дачи объяснения – фиксирует отказ записью в личном деле, удостоверенной присутствующими лицами.

Однако порядок и сроки отобрания объяснения у осужденного по факту допущенного им нарушения порядка и условий отбывания наказания законодательно не регламентированы.

Кроме того, для подачи в суд материалов с представлением о замене осужденному наказания в случае злостного уклонения от его отбывания УИИ согласно Инструкции необходимо запросить в организации, где трудоустроен осужденный, информацию о допущенных им нарушениях трудовой дисциплины, о причинах его невыхода на работу, при этом инспектор УИИ обязан провести самостоятельно мероприятия, направленные на установление причин прогула осужденно-

го, однако перечень данных мероприятий и сроки их проведения законодательно не регламентированы.

Отметим, что суды при повторном трудоустройстве осужденного к исправительным работам зачастую не учитывают допущенные им нарушения порядка и условий отбывания наказания на предыдущем месте работы как не имеющие целью уклонение от отбывания наказания. Так, УИИ при обращении в суд с представлением о замене осужденному наказания в виде исправительных работ лишением свободы в обоснование ходатайства указывает, что осужденный является злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ, так как допустил повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявленного в письменной форме предупреждения и требует средств исправления, применяемых при изоляции от общества. Суд отказывает УИИ в замене осужденному исправительных работ лишением свободы на основании высказанного осужденным желания в дальнейшем отбывать наказание, наличия постоянного места работы и заработка после увольнения без разрешения УИИ, так как в настоящее время допущенные на предыдущем месте работы нарушения не могут рассматриваться как имеющие целью уклонение от отбывания наказания. [1]

Таким образом, деятельность УИИ при злостном уклонении осужденного от отбывания наказания в виде исправительных работ заключается в подготовке представления в суд о замене наказания более строгим его видом, а также документов, подтверждающих обоснованность ходатайства УИИ, однако УПК РФ не регламентирует порядок принятия судом указанного представления, а также сроки и порядок его рассмотрения. При этом замена исправительных работ лишением свободы является правом, а не обязанностью суда и осуществляется исходя из сложившейся правоприменительной практики с учетом выяснения судом всех причин и целей, допущенных осужденным нарушений порядка и условий отбывания наказания.

Вышеуказанное снижает эффективность принятия УИИ мер воздействия к осужденному, допустившему повторное нарушение

порядка и условий отбывания наказания в виде исправительных работ, так как совершение осужденным повторного нарушения порядка и условий отбывания наказания не влечет за собой неминуемой ответственности в виде замены судом исправительных работ более строгим наказанием.

Законодатель довольно четко регламентирует меры ответственности осужденных к исправительным работам. Как отмечает П.Н. Красоткин, эти меры могут эффективно предупреждать совершение осужденными новых проступков, а также в целом решать задачи частного и общего предупреждения нарушений. Угроза применения принуждения может выступать в качестве побудителя (стимула) позитивного, социально желательного поведения. [3, с. 14]

Согласно официальным статистическим данным, за 2016 г. сотрудниками УИИ были вынесены 60363 предупреждения о замене исправительных работ другим видом наказа-

ния, а была проведена такая замена только 29 315 осужденным. [4]

Однако к осужденным следует применять не только меры ответственности, но также и меры поощрения, так как «поощрение является инструментом непосредственного мотивационного воздействия на личность с целью повысить ее социально полезную активность. Поэтому в уголовно-исполнительном праве поощрение осужденных представляет собой средство исправительного воздействия и стимулирования их правопослушного поведения» [7, с. 39]. Соответственно, необходимо детально регламентировать порядок применения поощрительных мер воздействия, применяемых к осужденным без изоляции от общества, законодательно установив, какие виды поощрений могут быть применены, как письменно оформлены, а также при совокупности каких поощрительных мер УИИ вправе обратиться в суд о смягчении осужденному наказания.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Оренбургского городского суда от 1.03.2016. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/dTd8XohqjL5Y> (дата обращения: 22.05.2017).
2. Бова, Д.А. Некоторые проблемы назначения и исполнения наказания в виде исправительных работ / Д.А Бова // Российское правоведение: трибуна молодого ученого. – Томск, 2016. – Вып. 14.
3. Красоткин, П.Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ : дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Красоткин. – Рязань, 2014.
4. Обзор об исполнении уголовно-исполнительными инспекциями наказаний в виде исправительных и обязательных работ за 2016 год от 28.02.2017 исх. 08-12091.
5. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru>.
6. Смирнова, И.Н. Некоторые организационно-правовые проблемы воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к исправительным работам / И.Н. Смирнова, Л.Н. Тарабуев // Преступление и наказание. – 2013. – № 1.
7. Черенков, Э.А. Проблемы регламентации наказания в виде исправительных работ / Э.А. Черенков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 8. – С. 88.

УДК 358:351.753

Светлана Александровна СТУПИНА,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
sstupina@mail.ru

Ольга Анатольевна ЮСУПОВА,
начальник кафедры огневой и тактико-специальной
подготовки Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск), кандидат педагогиче-
ских наук, доцент

hudinov44ol@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

SOME ISSUES OF POLICE OFFICERS' LIABILITY FIREARM-RELATED HARM

В статье представлен комплексный анализ ответственности сотрудников полиции за вред, причиненный при применении ими огнестрельного оружия. Авторами рассмотрены вопросы соотношения положений ГК РФ, УК РФ и Федерального закона «О полиции». Основное внимание уделено отдельным вопросам гражданско-правовой ответственности сотрудников полиции. На основе проведенного исследования предложены варианты применения соответствующего законодательства Российской Федерации, а также некоторые пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

The comprehensive analysis of police officers' liability for firearm-related harm is presented in the article. The authors consider the issues of correlation between provisions of Civil and Criminal Codes of the Russian Federation as well as that of the Federal Law «On Police». The authors focus on particular questions of civil liability of police officers. Based on the research the authors propose some options for applying relevant legislation of the Russian Federation as well as certain ways to improve legislation and law enforcement practice.

Ключевые слова: вред, огнестрельное оружие, обстоятельства, исключающие преступность деяния, гражданско-правовая ответственность, уголовная ответственность, источник повышенной опасности.

Keywords: harm, firearm, criminal defenses, civil liability, criminal liability, source of increased danger.

Базой нормативно-правового регулирования законного применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия выступают нормы гл. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и пр. В случае правомерного использования сотрудниками полиции огнестрельного оружия, в

результате которого причинен вред, в первую очередь действуют положения ст. 16.1 ГК РФ о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, согласно которой в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица

правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации. Одним из таких предусмотренных законом случаев выступает положение п. 2 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определяющее, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Отметим, что в ГК РФ употребляется термин «ущерб», а в специализированном законе – «вред». Как верно указано Ю.Ю. Вахрамевой [2, с. 32-38], прямое обращение как к нормативным актам, так и к научным исследованиям не дают представления о соотношении понятий «вред», «ущерб» и «убытки», так как законодатель использует их все как синонимы или сходные понятия. Попытки правоведов исследовать эти термины через семантику или словари свидетельствуют о том, что эти понятия определяются друг через друга, и в настоящее время до сих пор нет единообразного мнения, что же такое вред, убытки и ущерб и как обоснованно и грамотно их соотносить.

Некоторые считают, что все эти категории являются синонимами [6, с. 281] или равнозначными терминами [10, с. 9]. Вместе с тем такое понимание неоднозначно, поскольку в ГК РФ используется понятие «вред» как для имущественной, так и для неимущественной сферы, что может свидетельствовать о неравнозначности исследуемых понятий.

О.С. Иоффе [4, с. 100] и В.В. Витрянский [1, с. 637] обоснованно, на наш взгляд, полагают, что эти понятия отделены друг от друга, являются самостоятельными, родовыми.

Как правило, в гражданско-правовом смысле понятие «вред» используется для обозначения неимущественных потерь, а понятие «убытки» – в основном для имущественных. О.А. Пешкова [9, с. 9-10] отмечает,

что понятие «вред» является межотраслевой категорией права, тем не менее легального его определения ни в одной из отраслей не существует.

«В целом вред как общая категория гражданского права представляет собой любое умаление (повреждение, порчу, уничтожение) охраняемого законом блага и делится на две составляющие: имущественный вред и неимущественный вред. Причинение имущественного вреда должно влечь за собой имущественную ответственность, а причинение неимущественного вреда – соответственно, неимущественную. При этом замена одного вида ответственности другим невозможна в силу компенсационной функции гражданско-правовой ответственности, что не исключает дополнение одного вида ответственности другим» [2, с. 36].

Таким образом, полагаем, что в ГК РФ понятие «вред» используется в отношении деликтов, а «убытки» – по отношению к договорным обязательствам. Понятие «ущерб» традиционно является составной частью понятия «убытки». Так, в ч. 2 ст. 15 ГК РФ прямой действительный ущерб указан в составе убытков.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «При разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реального ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Следует также учитывать, что уменьшение стоимости имущества истца по сравнению с его стоимостью до нарушения ответчиком обязательства или причинения им вреда является реальным ущербом даже в том случае, когда оно может непосредственно проявиться лишь при отчуждении этого имущества в будущем (например, утрата товарной стоимости автомобиля, поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия)».

Заметим в контексте, что в УК РФ меняется термин «материальный ущерб», в то время как ГК РФ использует понятие «реальный ущерб». Соответственно, с учетом вышеизложенного можно констатировать, что понятие «вред» по отношению к понятиям «убытки» и «ущерб» является более широким и отраслевым.

Вместе с тем сопоставление положений ст. 16.1 ГК РФ и ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» свидетельствует, что при правомерных действиях государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации именно имущественный вред. Считаем указанное не в полной мере соответствующим требованиям всесторонней защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате правомерных действий вышеуказанных лиц, и обоснованное внесение в ст. 16.1 ГК РФ изменений: «В случаях и в порядке, предусмотренных законом, вред, причиненный личности, или ущерб, причиненный имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации».

В дополнение следует отметить, что согласно ст. 1100 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда, в том числе и в случае, когда вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности.

Является ли огнестрельное оружие источником повышенной опасности? Вернее говорить: согласно положениям ст. 1079 ГК РФ является ли применение огнестрельного оружия деятельностью, осуществление которой создает повышенную опасность для окружающих?

В соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие

причинения вреда жизни или здоровью гражданина» «в силу статьи 1079 ГК РФ вред, причиненный жизни или здоровью граждан деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (источником повышенной опасности), возмещается владельцем источника повышенной опасности независимо от его вины.

По смыслу статьи 1079 ГК РФ, источником повышенной опасности следует признавать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами.

Учитывая, что названная норма не содержит исчерпывающего перечня источников повышенной опасности, суд, принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать источником повышенной опасности также иную деятельность, не указанную в перечне.

При этом надлежит учитывать, что вред считается причиненным источником повышенной опасности, если он явился результатом его действия или проявления его вредных свойств».

Вопрос о признании объекта источником повышенной опасности при необходимости может и должен решаться судом на основе заключений соответствующих экспертиз (технической, химической, электротехнической, радиационной и т.д.).

На уровне нормативного регулирования можно встретить исследуемые характеристики оружия в постановлении Правительства РФ от 28 апреля 1993 г. № 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»», утвердившем Перечень медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности. В этом перечне есть раздел – «Работники военизированной ох-

раны, служб спецсвязи, аппарата инкассации, работники системы Центрального банка Российской Федерации и других ведомств и служб, которым разрешено ношение и применение огнестрельного оружия».

Вместе с тем судебная практика еще с советских времен идет по пути непризнания оружия источником повышенной опасности. Подтверждением такой позиции являются и разъяснения, данные в определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20 октября 2016 г. № 212-КГ16-9, согласно которому состоявшееся апелляционное определение о взыскании денежной компенсации морального вреда, причиненного повреждением здоровья при несении караульной службы, отменено, в силу оставлено решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении заявленного требования, поскольку несение караульной службы, в том числе с огнестрельным оружием, признакам деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, не отвечает и не может ею признаваться.

В определении Верховный Суд РФ указал, что в гражданско-правовых отношениях под осуществлением деятельности граждан и юридических лиц, связанной с повышенной опасностью, понимается работа производства, предприятия, управление транспортными средствами и тому подобная деятельность, связанная с высокой вероятностью причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека. Несение же караульной службы, в том числе с огнестрельным оружием, указанным признакам не отвечает и в гражданско-правовом аспекте не может признаваться деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих. Соответственно, как вывод можно констатировать, что на сегодняшний день правомерное причинение сотрудниками органов внутренних дел вреда при применении оружия может повлечь обязанность в форме его компенсации только при пресечении террористического акта.

Чем же определяется правомерность причинения вреда при применении огнестрельного оружия сотрудником органов внутренних дел?

В первую очередь, глава 5 Федерального закона «О полиции» определяет порядок, условия и правомерность применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; в УК РФ содержится ряд обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые могут быть применены к определению правомерности причинения вреда. Так, в контексте анализируемого это такие обстоятельства, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ) и обоснованный риск (ст. 41 УК РФ).

Отметим, что по вопросу соотношения положений УК РФ и Федерального закона «О полиции» нет единого мнения ни среди представителей научной школы, ни среди практиков. Так, К.А. Волкова считает, что специальные нормы Федерального закона «О полиции» рассматриваются как дополнительные условия правомерности действий сотрудников полиции в рамках конкретного обстоятельства, исключающего преступность деяния, и поэтому следует учитывать презумпцию невиновности при оценке правомерности действий сотрудников, находящихся в состоянии необходимой обороны и уголовно-правового задержания. [3, с. 87]

Н.Н. Цукановым обоснованно отмечено, что Федеральный закон «О полиции» и УК РФ, составляющие правовую основу применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, не противоречат и не конкурируют между собой, а дополняют друг друга. При этом утверждение, что УК РФ и Федеральный закон «О полиции» в части правовой регламентации применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия – конкурирующие нормативные правовые акты, доминирующее значение среди которых имеет УК РФ, лишь на том основании, что это кодифицированный нормативный правовой акт, ошибочно. По его мнению, в Федеральном законе «О полиции» нашло отражение соотношение административного и уголовного законодательства. В частности, в соответствии с ч. 9

ст. 18 Федерального закона «О полиции» «сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами» [12].

В соответствии с положениями ст. 38 УК РФ и разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Таким образом, в случае установления превышения указанных мер потерпевший (в приведенном случае – задерживаемое лицо, совершившее преступление) имеет право на возмещение в гражданско-правовом порядке причиненного ему вреда согласно положениям ст. 1064 и 1069 ГК РФ.

Однако в том же постановлении указано, что «если лицу, совершившему преступление, при задержании был причинен вред меньший, чем это предусмотрено в ч. 2 ст. 114 УК РФ, действия задерживавшего лица не образуют состава преступления».

Как следствие – вопрос о законности и незаконности действий сотрудника, причинившего такой вред при задержании. От этого зависит применение положений ст. 1069 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет со-

ответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Отсутствие состава преступления по УК РФ не является однозначным ответом о законности в таком случае причинения вреда.

Полагаем, что необходима комплексная оценка обстоятельств, порядка и условий причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, со стороны суда.

Именно в этом случае на первое место и выступает анализ положений Федерального закона «О полиции», в соответствии с п. 9 ст. 18 которого сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, Федеральным законом «О полиции» и другими федеральными законами. В соответствии же с ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции», применяя физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, сотрудник полиции действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции должен стремиться к причинению минимального ущерба.

Вновь заметим, что Федеральный закон «О полиции» использует термин «ущерб». Но обоснованно ли говорить об ущербе в случае умышленного причинения легкого вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление? Нами уже ранее указывалось на неоднозначность отождествления таких понятий.

В п. 8 ст. 19 Федерального закона «О полиции» законодатель уже говорит о вреде, причиненном жизни и здоровью, равно как в ст. 23, посвященной вопросам применения оружия.

В целом отметим, что законодатель в формулировках Федерального закона «О полиции» не стал придерживаться достаточно существенных различий в понимании гражданско-правовой терминологии и в связи с этим, по нашему мнению, не во всех случаях системно использовал термины «вред» и «ущерб», например, употребив последний в рамках ст. 7 как возможность причинения ущерба авторитету полиции (выделено авторами), а в п. 8 ст. 43 как вред, причиненный имуществу, принадлежащему сотруднику полиции или его близким родственникам (выделено авторами).

На наш взгляд, например в п. 8 ст. 19 Федерального закона «О полиции» грамотно указано: «о каждом случае применения физической силы, в результате которого причинен вред здоровью гражданина или причинен материальный ущерб гражданину либо организации, ...» (выделено авторами).

Возвращаясь к возмещению вреда, причиненного сотрудником полиции при применении огнестрельного оружия, кратко резюмируем, что в случае умышленного причинения легкого вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, вопрос о гражданско-правовой ответственности должен разрешаться комплексно судом с учетом нормативного регулирования правомерности применения огнестрельного оружия.

При этом совершенно справедливо А.В. Никуленко отмечено: «следует обратить внимание и на сугубо технические, на первый взгляд, нормы, обязывающие сотрудника, применившего табельное оружие, уведомлять своего начальника и прокурора об обстоятельствах его применения (см., в частности, ч. 6 и 8 ст. 19 Закона «О полиции»). Тем самым сотрудник, по существу, должен доказать, что оружие применено правомерно. С учетом того, что уголовное дело, как правило, возбуждается в отношении лица, применившего оружие, а не посягателя, эта обязанность означает переложение бремени доказывания своей невиновности на это лицо. Это ущемляет право сотрудника на защиту своих интересов, поскольку противоречит принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ)» [8, с. 59].

Что касается причинения средней тяжести, тяжкого вреда здоровью либо смерти, то в случае превышения необходимых по ст. 38 УК РФ мер причинивший такой вред подлежит уголовной ответственности по ч. 2 ст. 108 УК РФ либо по ч. 2 ст. 114 УК РФ. Соответственно, его действия являются незаконными и подлежат возмещению, что и отражено в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «разрешая вопрос о возмещении вреда, причиненного в результате совершения преступлений, предусмотренных статьей 108 и статьей 114 УК РФ, суды должны учитывать, что вред в таких случаях возмещается на общих основаниях (ст. 1064 ГК РФ). При этом размер возмещения определяется судом с учетом вины как причинителя вреда, так и потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда. Суд, приняв во внимание имущественное положение лица, причинившего вред, вправе уменьшить подлежащую взысканию сумму (ст. 1083 ГК РФ).

При определении размера компенсации морального вреда, причиненного в результате совершения указанных преступлений, должны учитываться требования разумности и справедливости (ст. 1101 ГК РФ). Судам следует принимать во внимание степень вины причинителя вреда, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства (ст. 151 ГК РФ), к которым относится и степень вины потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда».

Что касается применения сотрудником полиции огнестрельного оружия в рамках необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, когда вред причиняется непосредственно посягающему, то следует учитывать, что уголовная ответственность наступает только в случае, когда умышленно причинена смерть или тяжкий вред здоровью при превышении пределов необходимой

обороны, и ответственность наступает по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ.

В случае же умышленного причинения сотрудником полиции при применении оружия легкого и средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны отсутствует состав преступления. По положениям ст. 1066 ГК РФ вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не подлежит возмещению, если при этом не были превышены ее пределы.

Таким образом, в соответствии со ст. 37 УК РФ умышленно причиненный легкий вред здоровью, а также средней тяжести, а равно любой вред, причиненный по неосторожности, но с соблюдением пределов необходимой обороны не подлежит возмещению в гражданско-правовом порядке.

Норма ст. 1066 ГК РФ определяет специальные правила по отношению к правилам генерального деликта по ст. 1064 ГК РФ. Но вопрос: имеет ли она преимущество перед специальными правилами ст. 1070 и 1069 ГК РФ – остается открытым.

Полагаем, что вопрос о законности и незаконности применения сотрудником полиции огнестрельного оружия, в результате чего причинен вред, следует оценивать комплексно судом в каждом конкретном случае.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указано: «отграничивая превышение должностных полномочий, совершенное с применением оружия или специальных средств, от правомерных действий должностных лиц, судам следует учитывать, что основания, условия и пределы применения оружия или специальных средств определены в соответствующих нормативных правовых актах Российской Федерации».

При этом считаем обоснованным в первую очередь исходить из преимущества положений УК РФ в оценке правомерности действий сотрудника полиции, применившего огнестрельное оружие.

Отдельно необходимо отметить, что в жизни встречаются случаи изменения основа-

ний для правомерного причинения вреда, что обуславливает возможность перехода одного обстоятельства, исключающего преступность деяния, в другое, а также случаи сочетания двух или более обстоятельств. Должное внимание этому сложному вопросу уделено в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», где анализируется ситуация совершения лицом нового посягательства во время попытки его задержания и сделан вывод о необходимости рассматривать причинение вреда задерживаемому по правилам о необходимой обороне. [11, с. 76]

Указанное важно учитывать и при определении оснований и условий возмещения вреда, причиненного сотрудником полиции при применении оружия в рамках того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Применение огнестрельного оружия почти всегда связано с риском. И, как верно отмечено А.В. Никуленко, «применительно к конфликтным ситуациям, в которых оказывается сотрудник полиции, можно с достаточной долей уверенности признавать возможность использования профессионального риска не менее чем в половине случаев» [7, с. 60].

Рассматривая ответственность за причинение вреда сотрудниками полиции при применении оружия при обоснованном риске, отметим, что, как правило, вопросы об ответственности возникают в случаях проведения различных спецопераций по предотвращению террористических актов и освобождению заложников.

При этом следует заметить, что действия сотрудников полиции, соответствующие требованиям Федерального закона «О полиции» и осуществленные в рамках условий и пределов обоснованного риска, являются правомерными.

В рамках указанного и действуют положения ст. 16.1 ГК РФ и Федерального закона «О противодействии терроризму», согласно

которым установлена государственная компенсация причиненного вреда.

В целом на сегодняшний день государство оказывает помощь в виде выплаты компенсации за различные жизненные риски. Это предусмотрено в ст. 18, 19 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», в постановлении Правительства РФ от 12 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом».

Несомненно позитивные изменения были внесены Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Федеральный закон «О противодействии терроризму», которым введен п. 1.1 ст. 18, определяющий, что «возмещение вреда, включая моральный вред, причиненного в результате террористического акта, осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о гражданском судопроизводстве, за счет средств лица, совершившего террористический акт, а также за счет средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества. На требование о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта жизни или здоровью граждан, исковая давность не распространяется. Срок исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного имуществу в результате террористического акта, устанавливается в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение указанного преступления».

Таким образом, на сегодняшний день государственная компенсация установлена в случаях, предусмотренных законом, а таким случаем, как мы уже отметили, пока является террористический акт.

Анализируя же причинение вреда сотрудниками полиции при применении оружия при крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, мы приходим к выводу, что согласно ст. 1067 ГК РФ вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившим его.

В п. 2 ст. 1067 ГК РФ определено, что, учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

В случае же незаконности действий сотрудника полиции, что может в указанном случае выразиться как в причинении вреда при превышении пределов крайней необходимости, так и в причинении вреда при нарушении условий крайней необходимости, следует применять положения ст. 1069 и 1070 ГК РФ.

Так, п. 3 ст. 33 Федерального закона «О полиции» определено, что вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Подводя итог, хотелось бы привести справедливое высказывание известного ученого С.Ф. Милюкова: «Насущная задача ученых (правоведов и криминологов) – дальнейшая углубленная разработка возникающих проблем с тем, чтобы дать законодателю приемлемые рецепты совершенствования уголовно-правовых конструкций, а практикам – понятные для них рекомендации во имя эффективной защиты интересов общества, государства и законопослушных граждан» [5, с. 144].

В целом же проведенное нами исследование позволило сформулировать следующие направления совершенствования законода-

тельства и правоприменительной практики по ответственности за вред, причиненный сотрудниками полиции при применении огнестрельного оружия.

В Федеральном законе «О полиции» унифицировать использование терминов «вред» и «ущерб».

Обоснованно ст. 16.1 ГК РФ изложить в следующей формулировке: «В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, вред, причиненный личности, или ущерб, причиненный имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации».

Считаем обоснованным правоприменителю следовать практике непризнания применения оружия как деятельности, осуществление которой создает повышенную опасность для окружающих.

Судам при рассмотрении вопроса о возмещении причиненного вреда следует ком-

плексно оценивать условия, установленные законодательством Российской Федерации. При этом поддерживаем мнение ученых, считающих, что Федеральный закон «О полиции» и УК РФ не противоречат друг другу и не конкурируют между собой.

При рассмотрении вопроса о возмещении вреда, причиненного сотрудником полиции при применении оружия в рамках того или иного обстоятельства, исключающего преступность деяния, правоприменителю следует учитывать варианты перехода одного обстоятельства, исключающего преступность деяния, в другое, а также случаи сочетания двух или более обстоятельств, что и обуславливает специфику оснований и условий гражданско-правовой ответственности за причинение такого вреда.

В целом вопрос о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный сотрудником полиции при применении огнестрельного оружия, должен разрешаться комплексно судом с учетом нормативного регулирования правомерности применения огнестрельного оружия.

Библиографический список

1. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2002.
2. Вахрамеева, Ю.Ю. Общее понятие убытков в теории гражданского права России / Ю.Ю. Вахрамеева // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 41. – С. 32-38.
3. Волков, К.А. Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизии проблемы правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания / К.А. Волков // Всероссийский криминологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 81-87.
4. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975.
5. Милюков, С.Ф. Модернизация института задержания преступника: возможности использования зарубежного опыта / С.Ф. Милюков // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы : материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею юридического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж, 20-21 ноября 2008 года). Вып. 5. Ч. 5. Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – С. 136-144.

6. Мякина, А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации / А.В. Мякина // Убытки и практика их возмещения : сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 278-328.

7. Никуленко, А.В. Проблемы квалификации обоснованного риска в правоохранительной деятельности / А.В. Никуленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 59-62.

8. Никуленко, А.В. Соотношение отдельных положений Федерального закона «О полиции» и норм главы VIII Уголовного кодекса РФ / А.В. Никуленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 59). – С. 56-60.

9. Пешкова, О.А. Соотношение понятий «вред», «убытки», «ущерб» / О.А. Пешкова // Мировой судья. – 2010. – № 7. – С. 9-10.

10. Садиков, О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации / О.Н. Садиков. – М.: Статут, 2009.

11. Семионкина, Н.Г. Актуальные проблемы применения на практике норм уголовного права о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица / Н.Г. Семионкина // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2014. – № 4(61). – С. 74-77.

12. Цуканов, Н.Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие / Н.Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2012. – № 3. – С. 68-71.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.148

Николай Николаевич ЦУКАНОВ,
заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России по научной работе (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент

Nikolai_Zukanov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕЧНЕ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ БЫТЬ НАПРАВЛЕНЫ ПОЛИЦИЕЙ НА МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ

TO THE ISSUE OF THE LIST OF CATEGORIES OF PERSONS WHO CANNOT BE SENT BY POLICE TO UNDERGO MEDICAL EXAMINATION FOR DETERMINING DRUG INTOXICATION

В статье автор проводит анализ федерального законодательства в части, связанной с невозможностью применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения к тем или иным субъектам. Учитывается возможность проведения медицинского освидетельствования на основании положений не только КоАП РФ, но и федеральных законов «О наркотических средствах и психотропных веществах» и «О полиции». Обосновывается вывод о том, что иммунитет от медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения – это установленные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами невозможность применения (в отношении Президента Российской Федерации) и особенности применения и проведения медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения в отношении прокуроров и несовершеннолетних лиц. Кроме того, в работе рассматриваются ситуации, когда в силу организационных причин медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения либо не проводится, либо проводится с учетом существенных организационных особенностей.

The author analyses the federal legislation concerning the impossibility to carry out medical examination of certain persons to determine drug intoxication. The possibility to carry out medical examination on the basis of provisions of not only the Code of Administrative Liability of the Russian Federation, but also of Federal Laws «On narcotic drugs and psychotropic substances», «On Police» is taken into account. The conclusion is justified, that the immunity from medical examination to determine drug intoxication is defined by the Constitution and federal laws of the Russian Federation as the impossibility (in regard to the President of the Russian Federation) or peculiarities of the administration and carrying out the medical examination to determine drug intoxication (in regard to prosecutors and minors). In addition, the author considers cases when medical examination to determine drug intoxication is either not carried out or carried out taking into account significant organizational peculiarities.

Ключевые слова: медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения, наркотическое опьянение, наркотические средства и психотропные вещества, лица, выполняющие определенные государственные функции, иммунитет.

Keywords: medical examination to determine drug intoxication, drug intoxication, narcotic drugs and psychotropic substances, persons performing specific state public functions, immunity.

Понятие иммунитета от применения мер административного принуждения не получило в юридической литературе должного освещения. Имеющая место фрагментарность правового регулирования данного вопроса в сочетании с высоким социальным статусом соответствующих лиц дезориентирует сотрудников правоохранительных органов в понимании объема своих процессуальных возможностей. Отсутствие в ведомственных нормативных правовых актах или даже в федеральном законе упоминания медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения не воспринимается в качестве основания для вывода о возможности применения данной меры в общем порядке. Достаточно вспомнить, что действующее законодательство формально не устанавливает каких-либо серьезных особенностей применения мер административного принуждения в отношении таких субъектов, как Председатель Правительства Российской Федерации, федеральные министры, руководители иных федеральных органов исполнительной власти, главы субъектов Российской Федерации, даже в отношении лиц, являющихся объектами государственной охраны. В итоге понятие «иммунитет» воспринимается сотрудниками правоохранительных органов едва ли не как полный запрет на саму возможность применения к лицам, выполняющим определенные государственные функции, каких-либо мер административного принуждения. Как результат – современные сотрудники правоохранительных органов стараются избегать ситуаций, требующих применения мер принуждения в отношении лиц, выполняющих определенные государственные функции. Причем этот эффект имеет в своей основе причины не нормативно-правового, а, скорее, культурно-политического характера. [4, с. 107-114]

Исходным проблемным началом для вопроса о перечне категорий лиц, которые не могут быть направлены полицией на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения, служит наличие нескольких конкурирующих оснований для применения указанной меры административного принуждения: ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ, п. 14 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Исключения из общего принципа равенства перед законом (которые в данном случае предполагаются) обосновываются многочисленными указаниями в федеральных законах. В ведомственных нормативных правовых актах МВД России имеются варианты систематизации таких исключений. Речь, прежде всего, идет о Наставлении о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденном приказом МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (далее – Наставление) и Административном регламенте исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденном приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 (далее – Административный регламент). Однако ведомственный акт: 1) не может отменить запрет (ограничение) на применение меры административного принуждения, установленный федеральным законом, но может дополнительно устанавливать определенные особенности действий представителей соответствующих правоох-

ранительных органов; 2) может по какой-то причине не охватывать запрет (ограничение) на применение меры административного принуждения, установленный федеральным законом, но от этого установленный запрет не утрачивает силы; 3) может иметь отношение к одним разновидностям административно-процессуальной деятельности и не иметь отношение к другим.

Анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что помимо Президента Российской Федерации из всего перечня субъектов предъявление требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения ограничено лишь в отношении прокуроров¹. В соответствии со ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Поэтому согласно п.п. 303, 304 Административного регламента «в случае выявления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, совершенного прокурором, сотрудник составляет об этом рапорт, который с другими материалами незамедлительно передается руководителю подразделения ДПС (подразделения Госавтоинспекции территориального органа МВД России на районном уровне) для их последующего направления вышестоящему прокурору. При наличии достаточных оснований полагать, что прокурор, управляя транспортным средством, находится в состоянии опьянения, сотрудник в целях обеспечения безопасности других лиц принимает меры к прекращению дальнейшего движения транспортного средства до устранения условий, препятствующих дальнейшему движению транспортного средства, о чем сообщает в дежурное отделение (группу) подразделения ДПС (дежурную часть территориального органа МВД России на районном уровне) для немедленного информирования органов прокуратуры».

Все иные категории лиц, выполняющих определенные государственные функции, могут быть (с формальной точки зрения) направлены на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения на общих основаниях. Данный вывод относится не только к производству по делам об административных правонарушениях, но к случаям, когда основанием для медицинского освидетельствования выступают соответствующие положения федеральных законов «О полиции», «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Нельзя согласиться с утверждением А.М. Запаренко, А.А. Смирнова, считающих, что «при наличии достаточных оснований полагать, что судья, управляя транспортным средством, находится в состоянии опьянения, сотрудник ДПС должен предложить ему пройти освидетельствование, однако выполнение указанного предписания остается на усмотрение судьи, нарушившего Правила дорожного движения» [2, с. 17]. В соответствии со ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается судебной коллегией, соответствующей статусу судьи, в 10-дневный срок после поступления представления Генерального прокурора Российской Федерации. Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления или по иному основанию либо принудительно доставленный в любой государственный орган, если личность этого судьи не могла быть известна в момент задержания, после установления его личности подлежит немедленному освобождению. Личный досмотр судьи не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом в целях обеспечения безопасности других людей. Судья не может быть привлечён к административной ответственности в административном порядке. Даже в случае реализации положений, предусмотренных ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, постановление о назначении наказания подлежит

¹ О понятии «прокурор» см.: ст. 54 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

отмене. Неприкосновенность судьи включает неприкосновенность личности, занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электронных и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Однако при этом отсутствует запрет на применение к судьям иных мер административного принуждения, включая направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, что справедливо нашло отражение в п. 301 Административного регламента. Отказ судьи от выполнения требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения также может являться основанием для его привлечения к административной ответственности.

Общей для указанных в Административном регламенте иностранных граждан, пользующихся иммунитетом, и субъектов, выполняющих определенные государственные функции, выступает обязанность сотрудников органов внутренних дел незамедлительно сообщать о фактах совершения административных правонарушений в дежурное отделение (группу) подразделения ДПС (дежурную часть территориального органа МВД России на районном уровне). Кроме того, для указанных лиц может существенным образом отличаться порядок реагирования сотрудников на отказ лица от прохождения медицинского освидетельствования. Исходя из этого критерия, все указанные выше лица могут быть разделены на три группы.

Во-первых, лица, в отношении которых меры обеспечения производства применяются без каких-либо ограничений, а дела об административных правонарушениях возбуждаются и ведутся в особом порядке: а) зарегистрированные кандидаты в депутаты Государственной Думы (п. 3 ст. 47 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»), на должность Президента Россий-

ской Федерации (п. 6 ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»), на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, в депутаты представительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или в представительный орган муниципального образования (соответственно уровню выборов) (п. 4 ст. 41 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»); б) члены избирательных комиссий или комиссий референдумов с правом решающего голоса (п. 18 ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Во-вторых, лица, в отношении которых запрещается применять некоторые меры административного принуждения (доставление, административное задержание, личный досмотр и т.д.), дела об административных правонарушениях возбуждаются и ведутся в особом порядке: а) иностранные граждане, пользующиеся иммунитетом от административной юрисдикции Российской Федерации в соответствии с федеральными законами и международными договорами Российской Федерации; б) депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (п. 4 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»); в) судьи (ст. 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»), г) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (п. 1 ст. 12 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»).

В-третьих, лица, к которым отдельные меры административного принуждения (до-

ставление, административное задержание, личный досмотр и т.д.) не применяются, наряду с этим дела об административных правонарушениях возбуждаются и ведутся в общем порядке. К указанным лицам относятся: а) сотрудники органов ФСБ (при исполнении служебных обязанностей) (ст. 17 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»), б) следователи и руководители следственного органа Следственного комитета (п. 3 ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»), в) сотрудники органов государственной охраны (при исполнении служебных обязанностей) (п. 1 ст. 20 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране») [1, с. 4].

Формальные ограничения для направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения установлены в отношении несовершеннолетних. Помимо того, что положения ст. 27.12.1 КоАП РФ не могут применяться к лицу, не достигшему возраста привлечения к административной ответственности, в соответствии с пп. 2 п. 2 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» для медицинского освидетельствования несовершеннолетнего требуется информированное согласие одного из родителей или иного законного представителя несовершеннолетнего (за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев приобретения несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста). При этом отказ от дачи такого согласия не может влечь негативных юридических последствий в виде привлечения к административной ответственности. Вторичными являются предусмотренная ч. 3 ст. 24.5 КоАП РФ возможность применения ст. 27.12 КоАП РФ к лицам, не достигшим возраста привлечения к административной ответственности, и п. 5 Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения, утвержденных постановлением Правитель-

ства РФ от 23 января 2015 г. № 37, предусматривающий необходимость уведомлять (выделено мною. – Н.Ц.) родителей или иных законных представителей о направлении на медицинское освидетельствование несовершеннолетнего в случаях, предусмотренных ст. 27.12.1 КоАП РФ.

В связи с этим в юридической литературе высказывается предложение п. 2 ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» после слова «возраста» дополнить словами: «а также при совершении несовершеннолетним преступления или административного правонарушения в состоянии опьянения» [2, с. 5]. Однако, во-первых, такая формулировка охватывает далеко не все проблемные ситуации (например, правонарушения, предусмотренные ст. 6.9, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, могут совершаться лицом, не находящимся в состоянии опьянения), во-вторых, широта компетенции властного субъекта должна напрямую зависеть от ценности ограничиваемых реализацией этой компетенции прав. Например, законодатель не предоставляет полиции право принудительно проникать в жилище граждан при пресечении административных правонарушений, хотя, с точки зрения правоприменителя, в этом нередко имеется необходимость. В данной ситуации можно предполагать, что законодатель счел защиту прав несовершеннолетних большей ценностью, чем результативность механизма привлечения к административной ответственности несовершеннолетних наркопотребителей.

От иммунитетов в привычном – нормативно-правовом – смысле следует отграничивать случаи, когда в силу организационных причин медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения либо не проводится, либо проводится с учетом существенных особенностей.

Так при отказе водителя транспортного средства от прохождения медицинского освидетельствования применяется ст. 12.26 КоАП РФ, при этом вопрос о его направлении на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения (с

перспективой применения ст. 6.9 КоАП РФ), как правило, не рассматривается. Ранее действовавший Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения (утв. приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185) такой возможности вообще не предусматривал. Пункт 234 действующего Административного регламента устанавливает возможность направления лица на медицинское освидетельствование в соответствии с п. 14 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции», однако такая практика еще не сформирована.

Аналогичная ситуация имеет место и в тех случаях, когда водитель, находящийся в состоянии опьянения, вызванном употреблением одновременно алкоголя и наркотического средства, соглашается с положительным результатом освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

В случаях, не связанных с управлением транспортным средством, при смешанном опьянении (вызванном употреблением алкоголя и наркотических средств (психотропных веществ)) выявление алкоголя в выдыхаемом воздухе может явиться основанием для вынесения медицинского заключения «установлено состояние опьянения» без последующего проведения химико-токсикологического исследования (абз. 2 п. 12, п. 17 приказа Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)»). В подобных ситуациях нарушитель может избежать полноценного медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения в силу процедурных причин.

В соответствии с п. 10 Правил проведения химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании, утвержденных приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н, по окончании первого этапа химико-токсикологического ис-

следования (предварительные исследования иммунохимическими методами с применением анализаторов, обеспечивающих регистрацию и количественную оценку результатов исследования путем сравнения полученного результата с калибровочной кривой) в случае отсутствия в пробе биологического объекта (моче) наркотических средств, психотропных веществ, лекарственных препаратов для медицинского применения, вызывающих нарушение физических и психических функций, которые могут повлечь неблагоприятные последствия при деятельности, связанной с источником повышенной опасности, метаболитов и аналогов указанных средств, веществ и препаратов выносится заключение об отсутствии в исследованной пробе биологического объекта (моче) вызывающих опьянение средств (веществ), второй этап химико-токсикологического исследования не проводится. При этом далеко не всегда и не все виды наркотических средств, психотропных веществ эффективно выявляются при проведении предварительных исследований иммунохимическими методами. Формально в этой ситуации не должны использоваться подтверждающие методы исследования, в этом случае лицо не будет признано находящимся в состоянии опьянения даже при наличии клинических проявлений наркопотребления и сведений о том, какое психоактивное вещество употребил освидетельствуемый.

Причиной подобных организационных сбоев во многом служит отсутствие предусмотренного ч. 5 ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» специального порядка медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Средством, позволяющим частично устранить возникающие таким образом проблемы, может быть экспертиза, проводимая в рамках производства по делам об административных правонарушениях (ст. 26.4 КоАП РФ).

Таким образом, запрет на направление полицией на освидетельствование на состояние наркотического опьянения с формальной точки зрения установлен лишь в отношении Президента Российской Федерации,

кроме того, процессуальные особенности применения и проведения медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения установлены в отношении прокуроров и несовершеннолетних лиц. В отдельных случаях организационно-правовые особенности деятельности органов внутренних дел и медицинских организаций

препятствуют эффективному проведению медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения и требуют уточнений. Однако эти особенности не могут быть отнесены к проявлениям иммунитета от медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения.

Библиографический список

1. Жильцов, А.В. Алгоритм действий сотрудников органов наркоконтроля по реализации части 1 статьи 6.9 КоАП РФ: состояние и пути совершенствования / А.В. Жильцов, Н.Н. Цуканов // Журнал юридических исследований. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 4. DOI:0.12737/18921.
2. Запаренко, А.М. Действия сотрудника ДПС при выявлении административного правонарушения в области дорожного движения, совершенного депутатом, судьей, прокурором, следователем Следственного комитета Российской Федерации : практическое пособие / А.М. Запаренко, А.А. Смирнов. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2015.
2. Иванова, С.И. К вопросу о порядке освидетельствования несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение в состоянии опьянения / С.И. Иванова, Г.Ф. Хамединова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 2-6.
3. Применение сотрудниками органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ отдельных мер административного принуждения : учебное пособие / под ред. Н.Н. Цуканова. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015.

УДК 343.575.2

Наталья Владимировна ЛИСИХИНА,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат медицинских наук

Nata78Nata@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ СМЕРТЕЛЬНЫХ ОТРАВЛЕНИЙ РАЗЛИЧНЫМИ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ В СВЕТЕ МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ

TO THE ISSUE OF LETHAL POISONING WITH DIFFERENT PSYCHOACTIVE SUBSTANCES IN THE LIGHT OF MONITORING THE DRUG SITUATION

В статье рассматривается одна из актуальных на сегодняшний день проблем – отравления различными психоактивными веществами со смертельным исходом. Через призму мониторинга наркоситуации за 2012-2016 годы в г. Красноярске проанализированы смертельные отравления наркотическими средствами и психотропными веществами, на основании проведенного анализа сделаны выводы об изменении структуры наркоситуации.

The article considers one of today's urgent problems – poisoning with different psychoactive substances with decease. Fatal cases of poisoning with narcotic drugs and psychotropic substances are analyzed through the prism of monitoring the drug situation in 2012-2016 in Krasnoyarsk; conclusions about the change of the drug situation structure are made on the basis of this analysis.

Ключевые слова: наркомания, психоактивные вещества, отравления наркотическими и психотропными веществами, наркоситуация, смертность.

Keywords: drug addiction, psychoactive substances, poisoning with narcotic drugs and psychotropic substances, drug situation, mortality.

Наркомания и различные последствия употребления психоактивных веществ в Российской Федерации и в отдельных ее регионах является одной из важнейших социально-экономических проблем и представляет собой угрозу для демографического и культурного наследия российского общества. Масштабы и темпы распространения наркомании в стране таковы, что на особом контроле не только здоровье и моральное состояние молодежи, что практически полностью определяет наше будущее, но и социальная стабильность и благополучие всей страны в ближайшей перспективе. [3]

Опасное проявление наркомании – наркопреступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, в одних случаях пря-

мо влияющая на развитие конкретных форм криминального поведения, в других – выступающая объектом, а то и средством реализации незаконных действий преступников.

Анализ статистических данных о состоянии преступности (URL: <http://www.mstat.ru/offensestable>; <http://www.krskstate.ru/safety/ank/info>) свидетельствует о стабильно высоком уровне зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и достаточно большом количестве выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. Так, в Российской Федерации за последние пять лет зарегистрированы 1143270 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выявлены 132408 человек, совершив-

Таблица 1

ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ
ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ ЗА 2012-2016 ГГ.

Годы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по России	218974	231462	254730	236939	201165
Выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, по России	21244	25221	29451	30523	25969
Всего зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по Красноярскому краю	5859	6276	7008	6387	5499
Выявлено лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, по Красноярскому краю	439	253	344	249	236

ших правонарушения в состоянии наркотического опьянения; на территории Красноярского края зарегистрированы 31029 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выявлены 1521 лицо, совершившее преступление в состоянии наркотического опьянения (таблица 1).

В целом наркоситуация в Красноярском крае характеризуется сохранением сложной обстановки в сфере незаконного оборота и немедицинского потребления наркотиков, что представляет определенную угрозу здоровью населения, экономике региона, правопорядку и безопасности.

Последствиями употребления психоактивных веществ являются сокращение продолжительности жизни (высокая заболеваемость среди наркоманов ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами, различными инфекционными болезнями и т.д.), утрата трудоспособности, повышенный уровень преступности и беспорядочности, а также большое количество смертельных отравлений наркотиками в результате их передозировки, что возможно не только у наркомана со стажем, но и у человека, впервые принимающего сильнодействующий препарат. Как отмечают судебно-медицинские эксперты Красноярского краевого Бюро судебно-медицинской экспертизы, у трупов молодых мужчин, имеющих в анамнезе заболевание наркоманией, на фоне абстинентного синдрома очень часто при вскрытии наблюдаются признаки внезапной сердечной смерти. [1]

Учитывая актуальность рассматриваемого вопроса, мы провели анализ летальных случаев от отравления наркотическими средствами и психотропными веществами по архивным материалам отдела экспертизы

трупов с гистологическим отделением КГБУЗ «Красноярское краевое Бюро судебно-медицинской экспертизы» за период 2012-2016 гг. (таблица 2). Нами выявлена тенденция к снижению показателя смертности от всех отравлений, в частности от отравления наркотическими средствами и психотропными веществами. Возможно, эта тенденция связана с реализацией Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690, где совершенствование системы мер по прекращению спроса на наркотики строится на основе приоритета профилактических мер немедицинского потребления наркотиков. Так, в Красноярском крае была разработана и принята краевая государственная программа «Комплексные меры противодействия распространению наркомании, пьянства и алкоголизма в Красноярском крае» на 2013-2015 гг., которая была продолжением ранее действующих долгосрочных целевых антинаркотических программ с учётом положений Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года.

Таблица 2

ОБЩАЯ СТРУКТУРА СМЕРТЕЛЬНЫХ
ОТРАВЛЕНИЙ ЗА 2012-2016 гг.

Причина смерти	2012	2013	2014	2015	2016
Насильственная	1230	1063	1096	1097	1151
Отравления	422	315	296	319	303
– в % от всей насильственной смерти	34,3%	29,6%	27,1%	29,1%	26,3%
Отравления наркотическими средствами и психотропными веществами (опиаты, каннабиноиды, кокаин)	156	103	75	35	64
– в % от всех отравлений	36,2%	32,6%	25,3%	10,1%	21,1%
Прочие (другие психоактивные вещества)	3	2	3	12	51

Сравнивая показатели смертельных отравлений за 2015 г. и 2016 г., мы предположили, что снижение смертности от отравления наркотическими средствами и психотропными веществами в 2015 г. во многом обусловлено успешной реализацией мер по пресечению афганского наркотрафика.

Из представленной эпидемиологической структуры смертельных отравлений (таблица 3) следует, что в 2012-2014 гг. в основном выявлены препараты опийной группы и их сочетанное действие с другими веществами. Так, при судебно-химическом исследовании крови умерших морфин и морфинсодержащие вещества обнаружены в 2012 г. в 62,1% случаев, в 2013 г. – 26,8%, в 2014 г. – 32,2%, в 2015 г. – 17,1%, а в 2016 г. только в 9,0% случаев; героин и героинсодержащие вещества: 2012 г. – 37,7%, 2013 г. – 40,2%, 2014 г. – 54,8%, 2015 г. – 20%, 2016 г. – 17,0% случаев, т.е. прослеживается снижение количества смертельных отравлений препаратами опийной группы за исследуемый период.

Дезоморфин и его сочетание с другими веществами в смертельных случаях обнаружен в 2012 г. в 18,4% случаев, в 2013 г. – только у одного погибшего, а с 2014-2016 гг.

смертность от действия дезоморфина не зарегистрирована. По данным Антинаркотической комиссии Красноярского края, в целом за 2012 г. правоохранительными органами в Красноярском крае пресечены 341 (2011 г. – 276) преступление, связанное с содержанием наркопритонов, подавляющее большинство которых использовались для производства и потребления дезоморфина. Вероятно, запрет свободного оборота кодеинсодержащих препаратов и согласованная деятельность правоохранительных органов в 2012 г. привели к значительному сокращению потребления дезоморфина и как следствие – к резкому снижению показателя смертности от данного наркотического средства.

Кроме того, при проведении анализа актов медицинского исследования умерших за последние пять лет нами выявлено значительное увеличение числа смертельных отравлений новыми психоактивными веществами (таблица 3).

Новые психоактивные вещества – это вещества, являющиеся предметом употребления их в чистом виде либо в виде препарата, которые не попадают под контроль согласно Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года, или Конвенции о психотропных веществах 1971 г., однако могут представлять угрозу для здоровья населения. Они могут иметь природное происхождение или быть синтетическими веществами, нередко создаваемыми химическим путем в целях преодоления существующих мер международного и внутреннего контроля над наркооборотом. К новым потенциально опасным психоактивным веществам в целом относятся несколько групп веществ, таких как синтетические каннабиноиды, фенэнтиламины, пиперазины, синтетические катиноны, триптамины и вещества растительного происхождения. [1] Признаки новых видов наркотиков, влияющих на здоровье человека, обусловлены их действием на центральную нервную систему. Новые

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
СМЕРТЕЛЬНЫХ ОТРАВЛЕНИЙ ЗА 2012-2016 гг.*

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Всего отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами	156	103	75	35	115
Растительные и полусинтетические опиоиды	147	97	54	13	26
Синтетические опиоиды (фентанил, метадон и их аналоги)	-	-	-	2	21
Традиционные наркотические синтетические средства (амфетамин и его производные)	-	-	-	6	3
Новые синтетические наркотические средства (INACA, FUBINACA, MINACA, PVP)	1	4	4	12	53
Полинаркомания	2	5	5	5	20

* Число смертельных случаев от различных видов психоактивных веществ не совпадает с показателем всех отравлений ввиду полинаркомании

наркотические средства способны вызывать состояние наркотического опьянения у человека, опасное для его существования, а также развитие зависимости от данного препарата. Кроме того, действие данных веществ с медицинской точки зрения выражается в

таких как метадон, фентанил и их производные, причем с увеличением количества смертельных случаев за год почти в 10 раз. Известно, что фентанил обладает выраженным анальгезирующим и наркотическим действием, сильно угнетает дыхательные процессы

Таблица 3 способности изменять поведение, чувства и мысли людей, стимулировать, пробуждать блаженство, повышать или снижать активность, возбуждать, вызывать видения, бредовые идеи или, наоборот, оказывать успокаивающее действие, снотворный эффект и т.п.

Определяется значительный рост смертельных отравлений новыми наркотическими синтетическими средствами в г. Красноярске. Так, данные, приведенные в таблице 3, свидетельствуют о том, что в 2015 г. появились случаи летальных исходов от действия синтетических опиоидов,

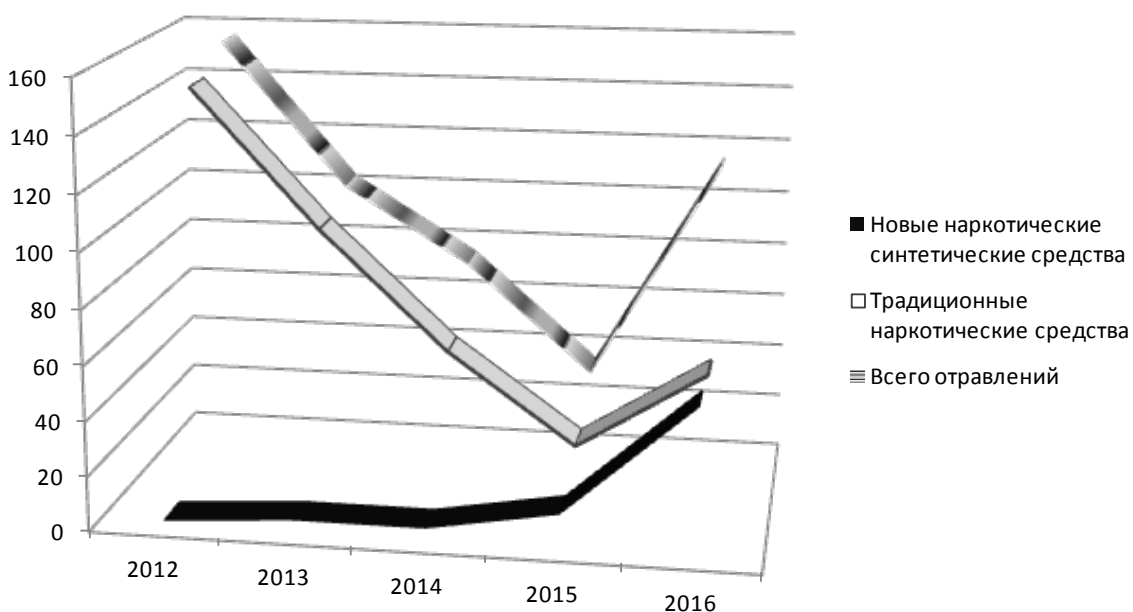

Рис. 1. Структура смертности от различных видов наркотических средств и психотропных веществ за 2012-2016 гг.

в организме и по эффективности превосходит морфин в 200 раз. В 2012 г. обнаружен один погибший от нового синтетического вещества (группа PVP), а в 2016 г. – таких уже 53 человека (53,5% от общего числа смертей от отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами за 2016 г.).

Анализируя смертность за 2016 год от наркотиков нового поколения, мы выявили, что ведущее место занимают отравления наркотическими средствами группы PVP и их аналогами – 73,6% умерших, затем следуют отравления наркотическими средствами группы FUBINACA – 20,7% и группы CNMINACA – 5,6% случаев. Кроме того, выявлено нарастание показателя полинаркомании (когда смертельное отравление наступило от действия двух и более наркотических веществ) – почти в 10 раз по сравнению с 2012 г.

Следует также отметить, что на протяжении последних 3-х лет несколько снижается доля больных опийной зависимостью: 2014 г. – 78%, 2015 г. – 66,4%, 2016 г. – 55,9%. При этом доля лиц с зависимостью от других психостимуляторов за 3 года увеличилась в 1,6 раза, доля больных с зависимостью от каннабиоидов и доля больных с полинаркоманией увеличились в 2,2 раза.

Рисунок 1 иллюстрирует тенденцию к снижению потребления и, как следствие, умень-

шение смертельных отравлений различными психоактивными веществами в 2012-2014 гг. В 2015-2016 гг. наблюдается возвращение количества смертельных отравлений на уровень 2014 г. по традиционным наркотическим средствам и непрерывный рост смертельных отравлений новыми наркотическими синтетическими средствами.

Таким образом, несмотря на кажущееся плавное снижение общей смертности от потребления различных психоактивных веществ, на самом деле наблюдается сокращение смертности при потреблении традиционных наркотических средств и значительный рост смертности, связанный с популяризацией новых наркотических синтетических средств, приводящей к смене способов наркотизации, изменению структуры наркотиков, сочетанному употреблению «новых» наркотиков с тяжелыми традиционными и, как следствие, росту полинаркомании.

Таким образом, нами выявлено изменение и расширение структуры наркопотребления (наркорынка) с постепенным вытеснением растительных и полусинтетических опиоидов и значительным преобладанием синтетических наркотических средств и их аналогов. Доступность последних достаточно высока, что в том числе подтверждается тенденцией роста полинаркомании.

Библиографический список

1. Зиненко, Ю.В. Особенности психических нарушений при употреблении наркотических и токсических веществ / Ю.В. Зиненко // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе в зоне действия организации договора о коллективной безопасности : материалы XIX международной научно-практической конференции. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2016. – С. 203-208.
2. Острые отравления наркотиками и психодислептиками в Иркутске / Ю.В. Зобнин [и др.] // Сибирский медицинский журнал. – 2016. – № 7. – С. 14-20.
3. Сиротин, В.П. Моделирование распространения наркомании и ее последствий в регионах России / В.П. Сиротин, М.В. Плотникова // Экономика региона. – 2009. – № 4. – С. 186-191.

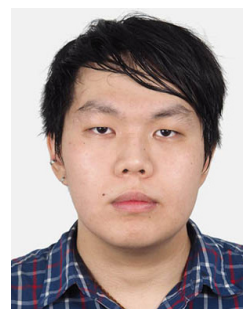

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.139

Виктория Ивановна ТАРМАЕВА,
профессор кафедры иностранных и русского языков
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доктор филологических наук, доцент
vtarmaeva@mail.ru

Борис Петрович ТАРМАЕВ,
Сибирский федеральный университет
xytry@mail.ru

О ПЕРВЫХ ЮВЕНАЛЬНЫХ СУДАХ В США ON THE FIRST JUVENILE COURTS IN THE USA

Целью статьи является рассмотрение особенностей становления ювенальных судов в США. Проблема ювенальной юстиции является на сегодняшний день актуальной. Зарубежный опыт ювенальных судов весьма неоднозначен, не может служить моделью для слепого копирования, однако, безусловно, представляет особый теоретический интерес, поскольку введение специализированного правосудия по делам несовершеннолетних отвечает не только национальным интересам России, но и обусловлено необходимостью исполнения нашим государством международно-правовых обязательств, в частности Конвенции ООН «О правах ребенка».

This article is devoted to the first juvenile courts in the United States. The issue of juvenile courts is the challenge which now faces the justice. Specialized juvenile justice meets Russia's national interests and also serves as a necessity of execution of our State obligations under international law, in particular, for the execution of the UN Convention «On the rights of a child». The study of foreign experience of juvenile courts is a special theoretical interest. This experience, quite ambiguous, cannot serve as a model for blind copying.

Ключевые слова: ювенальный суд, несовершеннолетние правонарушители, пенитенциарные учреждения, правосудие, юридическая незащищенность.

Keywords: juvenile court, juvenile delinquents, penal institutions, justice, legal insecurity.

Конец XIX века ознаменовался событием – открытием первого ювенального суда непосредственно в Соединенных Штатах Америки, в городе Чикаго штата Иллинойс. [7] Это событие имеет большое значение как для становления судов в других странах, так и для всей ювенальной юстиции в целом. Особенности становления ювеналь-

ного суда в США как первого ювенального суда в мире представляют большой интерес для исследователей, поскольку любое действие «первопроходцев» в любой области имеет колоссальное влияние на развитие данной области. А для нашей страны ювенальная юстиция является относительно молодой отраслью права, и обращение к истокам ста-

новления ювенальных судов имеет решающее значение при определении дальнейшего развития данной отрасли.

Специфика развития ювенальных судов от страны к стране различна, несмотря на то, что во всех странах существует проблема отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; некоторые из стран сделали шаги для решения этой проблемы раньше остальных.

Изначально – до объединения – США были британскими колониями, и в целом вся их правовая система была позаимствована из Англии. Одними из первых Суды справедливости в Англии уже принимали к слушанию дела, касающиеся охраны и опеки детей. [5] Это оказало влияние на появление и развитие судов для несовершеннолетних в США. Основы ювенальной юстиции США переняли у Англии и впоследствии развили и доработали. На это указывают принятые в 1854 г. Закон об исправительных школах [8], в 1866 г. Закон о суммарном (упрощенном) судопроизводстве [6], позволившие судам малых сессий рассматривать дела о правонарушениях детей, не достигших 16 лет.

Отличительная особенность ранних ювенальных судов США (имеются в виду штаты, в которых раньше других были открыты ювенальные суды: Иллинойс и Род-Айленд) заключалась в довольно размытом понимании определения несовершеннолетнего, так как в законах, на основании которых они работали, точное определение сформировано ещё не было. Фактически во всех законах только возрастная планка до 16 лет предполагала, что лицо считается ребенком, а значит, имеется необходимость его повышенной защиты и более широкой компетенции лиц, осуществляющих правосудие, что проявлялось в том, что почти все дела, где участвовали лица до 16 лет, направлялись в данные суды. Различное время открытия ювенальных судов в разных штатах укрепляет мнение о том, что ранние ювенальные суды имели не совсем четкую регламентацию, а взаимодействие между ними было незначительным.

Первым шагом в реформировании правосудия и судоустройства по делам несовершеннолетних в США явилось упразднение

совместного содержания детей и взрослых в пенитенциарных учреждениях. Так, по инициативе Джона Говарда в 1824 г. Общество исправления несовершеннолетних правонарушителей основало исправительный приют для малолетних. В Нью-Йорке «с легкой руки» другого Общества (Gerry-Society) в 1877 г. был принят закон, запрещающий содержать взрослых и несовершеннолетних совместно в тюрьме, во время перевозки и в суде. В 1886 г. Gerry-Society взяло на себя обязанность содержать несовершеннолетних нарушителей и выступать в качестве их опекуна. Впоследствии действия Нью-Йоркского Gerry-Society привели к тому, что в 1894 г. судебное производство по делам несовершеннолетних окончательно отделилось от производства по делам взрослых. Схожие мероприятия осуществлялись и в других штатах, но временные рамки были другие. Штат Род-Айленд отметился двумя крайне важными для ювенальной юстиции актами: «Закон от 15 июня 1898 г., суть которого заключалась в том, что он устанавливал при рассмотрении дела в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, участие социальных работников для защиты интересов несовершеннолетнего, в данном случае это были: агент Совета штата по реабилитации или представитель одного из обществ по защите несовершеннолетних – Общества по предупреждению жестокого обращения в отношении детей в Род-Айленде или Общества святого Винсента и Пауля. Второй закон характеризуется запретом на замену денежного штрафа на содержание в тюрьме, поскольку, как правило, дети и подростки не располагали нужными денежными средствами, закон устанавливал, что штраф заменяется на содержание в специальных исправительных школах, где несовершеннолетние были изолированы от взрослых осужденных» [2].

В июле 1899 г. в г. Чикаго (штат Иллинойс) были рассмотрены дела о преступлениях несовершеннолетних специальным судом по делам малолетних на основании вступившего в силу с 1 июля 1899 г. закона, регулирующего обращение и контроль за находящимися на иждивении, оставленными без попечения и преступными детьми. [7] Илли-

нойс как штат, в котором был открыт первый ювенальный суд, имел уже сформированную к 1879 г. систему воспитательно-ремесленных учреждений и к 1897 г. – особую школу для малолетних, но данные исполнительные органы на начало реформ существовали скорее де-юре, чем де-факто, и только благодаря усилиям членов общественных организаций данные учреждения смогли заработать так, как задумывалось. Параллельно с этим велось исследование мер, предпринятых в других штатах, по улучшению положения несовершеннолетних правонарушителей и по улучшению общественного мнения в отношении таких законопроектов. [2] Похожие действия по созданию ювенальных судов и законодательной базы по защите несовершеннолетних предпринимались и в остальных штатах.

В штате Пенсильвания в отношении несовершеннолетних был исключен суд присяжных, дела рассматривались единолично специальным судом, к тому же там был упущен принцип гласности во избежание причинения морального вреда несовершеннолетнему, но данные деяния не соответствовали Биллю о правах 1975 г. [3], что было отмечено судьями Верховного Суда штата Пенсильвания, а также было указано на несоответствие принципу равенства всех перед законом и права на суд присяжных. Данное замечание было принято во внимание, но не возымело эффекта в прекращении дальнейшей деятельности данного суда, поскольку в отношении защиты детей требовались несколько иные положения при осуществлении правосудия в силу особенностей правового положения ребенка.

Полагаем, что, исходя из специфики развития ювенальных судов, для США характерны общие факторы и условия, выделяемые различными авторами, изучавшими общие закономерности развития ювенальных судов:

1) юридическая незащищенность несовершеннолетних перед лицом суда и других правоохранительных органов в уголовном преследовании [1];

2) необходимость сокращения вредного влияния на детей и подростков судебного рассмотрения дел и строгости уголовных наказаний, т.е. «необходимость преодолеть

необоснованное внимание суда на преступления» [2];

3) шквал преступности несовершеннолетних, захлестнувший все страны в конце XIX века, обусловленный, по мнению А.М. Рубашевой, «условиями социального строя и жизни больших городов», объясняемый известным детским судьей г. Денвера Линдсеем «беспризорностью и соблазнами» [2];

4) необходимость принятия мер в отношении беспризорных и бездомных детей, т.е. оказание им поддержки, помощи и защиты [1];

5) социальные изменения конца XIX века (иммиграция, индустриализация, урбанизация и др.);

6) ставка на социальную работу, подкрепленную как поддержкой общества, так и научными трудами, по реабилитации совершивших противоправные поступки лиц;

7) создание и развитие системы пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей;

8) деятельность различных благотворительных организаций [4].

Данные условия и факторы характерны не только для США, но в том наборе, какой наблюдался в США на тот период, его можно назвать уникальным. В связи с этим развитие ювенальной юстиции, а именно создание ювенальных судов, в США имело своеобразный характер, поэтому мы можем выделить некоторые особенности, присущие этой стране в этой сфере деятельности:

– особая забота о несовершеннолетних: изолирование несовершеннолетних правонарушителей от взрослых преступников;

– отмена тюремного заключения для несовершеннолетних, внимание на изучение личности несовершеннолетнего, обращение с ним как с нуждающимся в защите, помощи, поддержке и руководстве;

– привлечение социальных служб, общественных организаций и попечительских советов при осуществлении правосудия по делам несовершеннолетних;

– увеличение влияния попечительского производства, имевшее место в виде установления специализации судей, единоличного рассмотрения дел судьей, ухода от публич-

ности и специализации заседания суда, изменения мер, применяемых судом, упрощения судопроизводства;

– смена цели санкции с карательной на воспитательную (эта особенность отражается в создании исправительных школ, замены в отношении несовершеннолетних денежных наказаний на содержание в специальных исправительных школах).

Данные особенности вполне могут проявляться и в других странах, но важно рассматривать их в комплексе, поскольку сложно сказать, что какая-то из них имела решающее значение в становлении ювенальных судов, скорее, данный комплекс особенностей был решающим фактором того, что первые ювенальные суды были открыты в США и работают по сей день. Ведь проблема осуществления правосудия в отношении несовершеннолетнего требует комплексного подхода, как, впрочем, любая проблема схожего толка, которая затрагивает крайне важную часть нашего общества, а именно несовершеннолетних, поскольку от того, насколько хорошее влияние будет оказано на данную часть общества, будет зависеть наше будущее.

В качестве заключения ради сравнения стоит провести аналогию с историческими особенностями становления российских юве-

нальных судов. Подобный опыт детских судов в России также имел место в начале XX века. Во времена Российской империи ювенальные суды наличествовали в отдельных инициативных городах, и масштабы были более чем внушительные. Количество субъектов постоянно росло, и имевшая место самоорганизация позволила создать определенные механизмы работы с несовершеннолетними правонарушителями, что уже тогда являлось свидетельством наличия сложившейся системы внутри судов общей юрисдикции. Не секрет, что эти детские суды считались одними из лучших в мире. Руководством к действию детских судов, как представляется, являлось особое отношение, которое можно охарактеризовать цитатой Эдуарда Жюлье: «Смотреть на стоящего перед судом провинившегося ребенка, как на больного, требующего врача, а не как на преступника, заслужившего наказания; иметь для детей судей-специалистов, как существуют врачи-специалисты; заставить судей изучать больше характер ребенка и его нравственное «Я», чем его проступок, заниматься терпеливо и методично лечением нравственной болезни ребенка, наконец, заинтересовать и родителей в выздоровлении – вот основание, на котором зиждутся суды для малолетних» [1].

Библиографический список

1. Мельникова, Э.Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность / Э.Б. Мельникова. – М., 1990.
2. Рубашева, А.М. Особые суды для малолетних и система борьбы с детской преступностью / А.М. Рубашева. – М., 1912.
3. Bill of Rights 1789: USA. – URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript>.
4. Borthner, M.A. Inside a juvenile court: the tarnished ideal of individualized justice / M.A. Borthner. – New York: University press, 1982.
5. Children Act 1908 [8 Edw.7. Ch. 67] : Great Britain. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1908/67/pdfs/ukpga_19080067_en.pdf.
6. Courts of Justice Act 1866. Great Britain, 63. – URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/90c43>.
7. Encyclopedia of the American judicial system. – New York, 1987. – Vol. 1.
8. The Reformatory School Act of 1854 : Great Britain, 59. - URL: <http://www.childrenshomes.org.uk/Rfy>.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 325.1:343.9

Илья Викторович НИКИТЕНКО,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России,
(г. Хабаровск), доктор юридических наук, доцент
dfvnii@mail.ru

МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ЧАСТНАЯ ПАРАДИГМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

MIGRATION SAFETY OF THE ASIAN PART OF RUSSIA: THE PRIVATE PARADIGM OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

В статье представлены основные результаты криминологического исследования проблем обеспечения миграционной безопасности государства с учётом региональных особенностей территорий России, расположенных в ее азиатской части. Изложен ряд теоретических положений и выводов, совокупность которых составляет авторскую концепцию миграционной безопасности и соответствующей системы антикриминогенного обеспечения.

The article presents the main results of criminological research of the migration security of the state, taking into account regional features of territories of Russia located in its Asian part. The author outlines a number of theoretical provisions and conclusions, the totality of which is the author's concept of migration and the corresponding security system of anti-criminological support.

Ключевые слова: азиатская часть России, безопасность, исследование, криминология, криминогенные, миграция, национальная, незаконная, преступление, преступность, политика.

Keywords: Asian part of Russia, safety, research, criminology, criminogenic, migration, national, illegal, crime, politics.

Изучение проблем криминологического обеспечения миграционной безопасности азиатского макрорегиона Российской Федерации фокусирует внимание на теоретических и прикладных аспектах формирования криминогенных факторов, источником которых являются миграционные процессы, в целях разработки предложений по их минимизации. Данное обстоятельство побудило автора исследования к теоретической разработке криминологической парадигмы обеспечения миграционной безопасности

государства в контексте учета региональных особенностей его наиболее проблемных в демографическом и социально-экономическом плане территорий.

Необходимо отметить, что предмет исследования составили только те компоненты миграционной безопасности, которые отнесены к компетенции уголовного законодательства и, соответственно, подлежат антикриминогенному воздействию. Однако качественная реализация исследовательских задач обусловила необходимость изучения философских,

исторических, геополитических, демографических и даже экономических аспектов миграции населения, что позволило сформировать теоретическое представление об объекте исследования.

В результате решения исследовательских задач были получены следующие обобщения и выводы.

1. Установлено, что понятие «миграционная безопасность» применимо в научной и политической лексике, а также обоснованно используется в соответствующих направлениях профессиональной публицистики. Однако, рассматривая национальную безопасность как объективную систему, включающую самые разнообразные направления безопасности (экологическую, демографическую, информационную и другие), выдвинуто предположение, что миграционная безопасность может рассматриваться системообразующим компонентом национальной безопасности России. Но для этого указанному направлению безопасности должна быть присвоена нормативно-правовая форма.

2. Комплексный и междисциплинарный подход к изучению теории безопасности позволил установить, что широко распространенное понятие «миграционная безопасность» не наделено соответствующим нормативно-правовым статусом, и для преодоления этой проблемы необходимо дополнительное научно-теоретическое обоснование как на этимологическом, так и собственно юридическом уровне. Следует отметить и то, что миграционная безопасность в числе иных системообразующих компонентов национальной безопасности нуждается в научном обосновании мероприятий по ее обеспечению. Аналитический обзор исследований по обеспечению национальной безопасности вообще и противодействию угрозам, связанным с миграционными процессами, в частности дает основания предполагать, что последнее имеет несколько взаимосвязанных значений, соответствующих нескольким уровням безопасности. Это явление соответствует общепринятой в отечественной правовой системе триединой формуле – «безопасность личности, общества и государства». Это же обусловлено тем, что разработка кримино-

логической парадигмы обеспечения миграционной безопасности, как, впрочем, любое исследование гуманитарного профиля, предполагает четкое уяснение его отраслевых границ, что, в свою очередь, является методологическим ориентиром в определении его объекта и предмета.

3. Развитие института миграционной безопасности как политико-правового явления и определение его места в системе национальных интересов позволили выяснить, что отечественная миграционная политика не вполне соответствует интересам национальной безопасности. В основу ее формирования заложены экономическая целесообразность и гипотетическая возможность решения демографических проблем за счет роста иммиграционных потоков, что обуславливает беспрецедентную в российской истории либерализацию иммиграционного законодательства.

4. Вопреки очевидности существования криминальных опасностей, сопровождающих недостатки государственного контроля над миграционными процессами, феномен миграционной безопасности так и не приобрел должного юридического оформления. Некоторые его институциональные признаки хоть и отражены в соответствующих нормативных актах, однако имеют бессистемный и логически незавершенный характер. Мнения о целесообразности наделяния миграционной безопасности юридическим статусом и соответствующей нормативно-правовой формой подтверждены рядом соответствующих исследований. Подобные выводы нашли отражение не только в криминологии, но и в работах по экономике, социологии и политологии, что свидетельствует о междисциплинарном свойстве проблемы.

5. Анализ Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», Стратегии национальной безопасности, Концепции общественной безопасности и Концепции государственной миграционной политики до 2025 года, а также ряд исследований миграционных процессов в контексте проблем безопасности позволили присвоить феномену «миграционная безопасность» ряд институциональных признаков, которые могут

представлять теоретическую основу для дальнейшей разработки юридической концепции. К подобным институциональным признакам относятся: а) существование обособленного источника опасности и характерных для него угроз; б) наличие охраняемого объекта, соотносимого с определенной областью общественных отношений; в) присутствие субъектов обеспечения соответствующего сегмента безопасности; г) наличие соответствующего юридического инструментария, позволяющего придать институту «миграционная безопасность» нормативно-определенную форму.

6. О наличии условий, позволяющих наделить институт «миграционная безопасность» юридическим статусом в качестве одного из системообразующих компонентов национальной безопасности, свидетельствуют: а) наличие соответствующих институциональных признаков; б) существование юридических оснований и возможностей для реализации соответствующих мероприятий; в) теоретическое обоснование целесообразности реализации подобных мероприятий; в) обеспечение соответствующего уровня научной разработанности проблемы.

7. Криминологический аспект миграционной безопасности обусловлен криминогенными свойствами ряда угроз и вызовов. В связи с этим основой ее криминологической парадигмы могут стать соответствующие положения теории криминологической безопасности. Согласно этой теории криминологический компонент миграционной безопасности может быть сформулирован как состояние объективной защищенности интересов личности, общества и государства от криминальных угроз, порождаемых криминогенными факторами, возникающими вследствие неуправляемых миграционных процессов, а также осознание людьми своей защищенности от подобных опасностей.

8. Ретроспективный анализ развития миграционных процессов в азиатской части России с позиции их влияния на состояние миграционной безопасности вообще и криминологической составляющей этого явления в частности позволил прийти к выводу о наличии исторической преемственности, взаимообусловленности, а во многом и анало-

гичности явлений, связанных с миграционными процессами сегодня. Исторический опыт свидетельствует о тесной корреляционной зависимости между характером осуществляемой государством миграционной политики, самой миграцией и миграционной безопасностью. История освоения азиатских территорий Россией связана как с позитивным, так и негативным влиянием иммиграционных процессов на освоение и развитие региона. Однако миграция из ряда стран юго-восточной Азии, особенно из Китая, в разные исторические периоды оказывала неблагоприятное воздействие на криминогенный фон и безопасность. Эти проблемы часто решались репрессивными методами, с использованием полицейских и даже военных средств. Очевидно, что многие из проблем, связанных с криминологическим обеспечением миграционной безопасности азиатской части России, не утратили актуальность и сегодня. Так, демографические, геополитические, экономические и иные особенности освоения региона способствовали активизации миграционных процессов. Однако приоритеты интенсивного заселения отдаленных территорий снизили актуальность проблем развития государственного иммиграционного контроля, что способствовало росту нелегальной миграции, а соответственно, и миграционной преступности.

9. Изучение детерминант незаконной (нелегальной) миграции и ее криминогенных свойств позволяет сделать вывод, что именно криминальный компонент незаконной миграции представляет наибольшую угрозу интересам общественной и государственной безопасности. Наиболее типичные криминальные проявления этих угроз выражаются в следующем: нарушении режима государственной границы, а в исключительных случаях и посягательстве на государственный суверенитет; развитии каналов незаконной миграции, что сопряжено с ростом количества преступлений против государственной власти, в том числе посягающих на интересы государственной службы и порядок государственного управления; снижении авторитета государственной власти, что связано с неуверенностью населения в способности государ-

ства обеспечить эффективный контроль над миграционными процессами; причинении вреда экономическим интересам государства через рост теневой экономики и отток денежных средств; возникновении новых коррупционных рисков, обусловленных естественным стремлением нелегалов узаконить свое пребывание, избежать или отсрочить выдворение либо привлечение к иной ответственности за нарушение миграционного законодательства; сопутствующих незаконной миграции криминальных явлениях: таможенных преступлениях, незаконном обороте запрещенных предметов и веществ, торговле людьми, рабстве и сексуальной эксплуатации, незаконной предпринимательской деятельности, занятии запрещенными промыслами; осложнении санитарно-эпидемиологического контроля принимающих государств в отношении незаконных мигрантов, что способствует распространению опасных инфекций, включая и криминальные способы инфицирования, через совершение преступлений, предусмотренных ст. 121, 122 или 236 УК РФ; преступлениях, совершаемых в отношении самих нелегальных мигрантов, что обусловлено их повышенной виктимностью; социальной напряженности выражающейся распространением экстремистских настроений, угрожающих общественному порядку и безопасности.

10. Особенности состояния миграционной преступности в азиатской части России с точки зрения формирования новых вызовов миграционной безопасности и принятия мер по их нейтрализации. Примечательно, что на фоне значительного снижения в 2009-2013 гг. преступности вообще наблюдался рост преступлений, связанных с незаконной миграцией. Однако на основании экспертных оценок, контент-анализа и наблюдений за изменениями миграционной ситуации в различных регионах России можно отметить противоречия между уголовно-правовой реальностью с точки зрения наличия криминогенных факторов, оказывающих влияние на рост преступности мигрантов, включая преступность, связанную с нелегальной миграцией, и теми ее показателями, к которым сегодня апеллирует официальная статистика. Так,

ежегодный прирост объема иностранной миграции на 250-300 тыс. чел. – миграционное сальдо, который естественно сопровождается ростом и ее нелегальной составляющей на фоне снижения эмиграционной активности – миграционное нетто, воспринимается в обычных условиях как объективный фактор, способствующий росту миграционной преступности пропорционально доли прироста миграционного сальдо. Кроме этого сегодня нет достаточных оснований утверждать о появлении новых детерминант, обуславливающих снижение преступности мигрантов. Наряду с представленными доводами, призванными аргументировать причины роста миграционной преступности в России и особенно в наиболее отдаленных от географического центра территориях, сегодня нет достаточных оснований говорить об отсутствии факторов негативного влияния на эту разновидность преступности. Масштабный экономический кризис, сопровождаемый падением производства и ростом конкуренции на рынке труда, ростом инфляции и снижением доходов населения, оказывает существенное влияние на интенсивность миграционных процессов, а следовательно, и связанные с ними криминогенные вызовы.

11. Исследование преступлений против миграционной безопасности государства, а также соответствующих положений уголовного законодательства позволило выяснить, что в России сформировалась действенная, однако имеющая серьезные недостатки правовая система противодействия незаконной миграции, работа над совершенствованием которой продолжается. Среди распространенных законодательных и правоприменительных проблем по противодействию нелегальной миграции, а также обеспечению миграционной безопасности государства можно назвать следующие: системные и редакционные недостатки в соответствующих институтах уголовного права; зачастую неадекватное определение степени и характера общественной опасности деликтов, направленных на ослабление миграционной безопасности; недостатки организационного и даже системного характера в правоприменительной практике по обеспечению миграционной безопасности государства.

12. Изучение личностей преступников, нарушающих установленный в государстве порядок миграции населения, позволило провести криминологическую классификацию этой категории лиц. Так, иностранных мигрантов, совершивших миграционные преступления, относительно мотивации их совершения можно разделить на три типа: корыстолюбивый, защищающийся и смешанный. Однако криминологическая характеристика личностей этих преступников была бы незавершенной без четкого определения критериев их классификации. В связи с этим следует уточнить, что преступников, совершающих преступления, связанные с миграцией населения, можно условно дифференцировать на субъектов миграционных правоотношений, а именно лиц, правовой статус которых определен нормами миграционного законодательства (сами иностранные мигранты, а также представители приглашающих или принимающих иностранную миграцию сторон), и лиц, не относимых законодательством к субъектам миграционных правоотношений, но в определенных случаях способствующих нарушениям миграционного законодательства (например, нарушение правил учета или регистрации мигрантов, ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ).

13. Для объективности и полноты исследования необходимо отметить, что среди преступников, посягающих на миграционную безопасность государства, кроме собственно преступников-мигрантов можно выделить и другие категории лиц, совершающих преступления против установленного государством порядка миграции населения (ст. 127.1, 292, 292.1, 322, 322.1, 324 УК РФ). К этой категории преступников относятся должностные лица и другие государственные служащие, наделенные полномочиями оформлять соответствующие документы; представители местного населения принимающих иностранных мигрантов стран, выступающих в роли организаторов незаконной миграции; лица, способствующие незаконной миграции через подделку документов, организацию незаконного пересечения государственной границы или пребывания на территории принимающего государства т.п. В связи с немногочи-

сленностью относительно других категорий преступников, посягающих на миграционную безопасность государства, наиболее типичные их признаки целесообразно рассматривать в контексте уголовно-правового анализа соответствующих составов преступлений.

14. Отличительными признаками личности преступника-мигранта, совершающего преступления в различных регионах азиатской части России, является то, что это в основном представители миграции из государств центральной, восточной и юго-восточной Азии, несколько реже – из стран Закавказья и других государств, ранее входивших в состав СССР на правах союзных республик. Мотивы таких преступлений различны, однако среди них преобладают корысть, реже – месть или стремление удовлетворить сексуальные потребности. Большинство из фигурантов анализируемых уголовных дел, совершая корыстные преступления, не имели легального и постоянного источника доходов, но при этом имели на иждивении несовершеннолетних детей и (или) других членов семьи (жен, престарелых родителей и т.д.). Некоторые из преступников-мигрантов совершали корыстные преступления для оплаты расходов, связанных с возвращением на родину либо переездом в другие, более комфортные, по их мнению, места проживания. Следует отметить, что значительная часть преступлений совершается мигрантами-нелегалами.

15. Многие из специалистов разделяют мнение о том, что противодействие преступности будет эффективнее и целенаправленнее, если организаторы такого противодействия будут принимать во внимание многообразные формы преступной деятельности и особенности отдельных ее видов, а также индивидуальные характеристики различных категорий преступников. В связи с этим изучение криминологических особенностей личности преступника из числа иностранных мигрантов необходимо для эффективной профилактики преступлений данной категории и обеспечения достаточности правовых мер воздействия на преступников-мигрантов. Вместе с тем субъектам деятельности по предупреждению преступлений, соверша-

емых иностранными гражданами и лицами без гражданства, необходимо владеть знаниями о личности преступника с точки зрения психологии преступного поведения, что позволит повысить эффективность противодействия преступности мигрантов, а следовательно, и криминологического обеспечения миграционной безопасности государства.

16. Разработка мер по противодействию преступности иностранцев, а также анализ эффективности указанного направления обеспечения миграционной безопасности будут более продуктивными, если органы, осуществляющие статистический учет, станут выделять среди иностранцев, совершивших преступления, тех, кто пребывает на ее территории незаконно или с нарушением миграционного законодательства. Подобная практика целесообразна в связи с тем, что незаконная миграция часто является фоном для иных правонарушений, а нелегальные мигранты представляют криминогенную опасность. Эти обстоятельства обусловили необходимость рассматривать направление деятельности по предупреждению преступности иностранцев в качестве одного из критериев оценки эффективности деятельности соответствующих подразделений МВД России.

17. Материалы правоприменительной деятельности и статистические данные свидетельствуют, что часто жертвами преступлений иностранных мигрантов являются их соотечественники либо представители других иностранных государств, однако сегодня наблюдается значительный рост таких преступлений в отношении российских граждан, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на уровень социальной напряженности, выраженной ростом протестных настроений, ксенофобии и националистических настроений в принимающем мигрантов государстве.

18. В результате изучения зарубежного опыта управления миграционными процессами и возможности его использования в развитии отечественной системы криминологического обеспечения миграционной безопасности был сделан ряд обобщающих выводов.

Несмотря на различные подходы к формированию миграционной политики, представляется целесообразным закрепление на законодательном уровне её основных национальных приоритетов, предполагающих извлечение экономических выгод, а также демографической, социальной и культурной пользы от иностранной миграции и признание необходимости интеграции мигрантов в жизнь российского общества. Это, в свою очередь, поможет предусмотреть и минимизировать негативные проявления миграционных процессов, наибольшую опасность среди которых представляют сопровождающие эти процессы криминогенные риски и криминальные угрозы, что должно способствовать формированию самостоятельного и очень важного направления миграционной политики государств, являющихся миграционными реципиентами, а именно эффективного криминологического обеспечения миграционной безопасности таких государств. Рассуждая о содержании имеющих криминологическое значение угроз и рисков, источником которых являются миграционные процессы и которые способны причинять существенный вред интересам безопасности государств, следует признать, что центральное место среди криминальных угроз интересам миграционной безопасности государства принадлежит незаконной миграции вообще и её криминальной составляющей, то есть миграционной преступности в особенности. Среди основных криминогенных рисков, являющихся катализаторами подобных угроз, следует назвать комплекс криминогенных факторов, создающих условия для совершения преступлений в области миграции населения, а также иных сферах общественных отношений, находящихся в прямой и объективной взаимосвязи с миграционными процессами (например, управляемость миграционных процессов, эффективность миграционного контроля, уровень коррупции в компетентных государственных органах, эффективность деятельности системы профилактики незаконной миграции вообще и её криминальной составляющей в частности).

Библиографический список

1. Воронин, С.Э. Проблемы обеспечения миграционной безопасности государства в современной криминологии и криминалистике : монография : в 2 ч. / С.Э. Воронин, И.В. Никитенко, О.Л. Коноваленко. – Биробиджан : ФГОУ ВПО «Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема», 2016.
2. Воронин, С.Э. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности : монография / С.Э. Воронин, И.В. Никитенко. – Красноярск: НОУ ВПО СИБУП, 2015.
3. Никитенко, И.В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности Азиатской части России : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / И.В. Никитенко. – М., 2014.
4. Никитенко, И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект) : монография / И.В. Никитенко ; под ред. Ю.М. Антоняна. – М., 2013.
5. Попов, Г.Г. Миграционная безопасность России (институционально-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Г.Г. Попов. – Ростов-на-Дону, 2006.
6. Самойлюк, Н.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия незаконной миграции: по материалам Дальневосточного федерального округа России : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.В. Самойлюк. – Хабаровск, 2012.

УДК 342.9

Андрей Юрьевич ПЕТУХОВ,

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук
Petuhov-andrey@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В РАМКАХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

PROBLEMS OF FORMATION OF POLICE OFFICER'S INFORMATIONAL COMPETENCY IN THE FRAME OF THE INITIAL PROFESSIONAL TRAINING

В статье рассматриваются проблемы формирования информационной компетентности сотрудников полиции, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, в рамках прохождения профессиональной подготовки по профессии «полицейский», предлагаются решения для повышения эффективности обучения слушателей в рамках изучения современных информационных технологий, применяемых в практической деятельности органов внутренних дел.

The article considers problems of formation of informational competency of police officers' hired for the first time for internal affairs bodies in the framework of the program of professional training «Police officer»; solutions for improving the efficiency of teaching trainees who study modern information technologies applied in the law enforcement agencies are proposed.

Ключевые слова: практико-ориентированное обучение, полицейский, первоначальная подготовка, программное обеспечение, базы данных, информационно-поисковые системы, специализированные программные продукты.

Keywords: practice-oriented teaching, police officer, initial training, software, databases, information retrieval systems, specialized software.

В современных условиях глобальной информатизации общества во всех областях жизнедеятельности человека получают распространение сложные и высокотехнологичные устройства, идет активное совершенствование и смена технологий и техники. При этом быстро устаревают знания, появляется все большее количество информационных продуктов в результате беспрецедентного увеличения скорости обмена информацией. [1, с. 3]

Очевидно, что новое информационное общество должно иметь ряд свойств, связанных с информационными технологиями. [2, с. 112] В этом контексте точка зрения, высказанная А.П. Ершовым, выглядит вполне обоснованной и актуальной и на сегодняшний день, а существующая государственная про-

грамма «Информационное общество (2011-2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313, лишь подтверждает значимость и необходимость для современного социума личности – носителя высокой информационной культуры.

Ключевыми задачами названной программы являются обеспечение предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий; развитие технической и технологической основы становления информационного общества; предупреждение угроз, возникающих в информационном обществе.

В этом контексте очевидно, что наличие знаний и, что более важно, навыков целена-

правленной работы с информацией, информационной технологией путем использования методов обработки и передачи информации становится актуальным для должностных лиц, осуществляющих государственную функцию. Данный тезис в значительной степени отражен в статьях 11, 13, 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции».

Статья 11 Федерального закона «О полиции» регламентирует использование подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем. Полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру; в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, применять электронные формы приема и регистрации документов, уведомления о ходе предоставления государственных услуг, взаимодействия с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями и организациями; использовать возможности информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных.

Таким образом, в систему профессиональной подготовки сотрудника должны быть включены соответствующие образовательные элементы. Сотрудник же должен обладать соответствующей компетентностью в решении вышеуказанных задач, и в первую очередь информационной компетентностью. Пункт 33 статьи 13 Федерального закона «О полиции» фактически закрепляет ключевые компетенции в рамках использования в профессиональной деятельности информационных технологий – сотрудник полиции вправе (а значит, должен уметь) использовать в деятельности информационные системы, формировать, вести и использовать банки данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, розыскной и иной информации о лицах, предметах и фактах; использовать банки данных других госу-

дарственных органов и организаций, в том числе персональные данные граждан, если федеральным законом не установлено иное.

Необходимо отметить, что помимо основных компетенций, которые фактически закреплены в статье 13, Федеральный закон «О полиции» закрепляет специальные компетенции, реализуемые сотрудником в плоскости работы с информационными технологиями, но в более узкой профессиональной сфере. Согласно статье 17 закона:

1) полиция имеет право обрабатывать данные о гражданах, необходимые для выполнения возложенных на нее обязанностей, с последующим внесением полученной информации в банки данных о гражданах (далее – банки данных);

2) полиция имеет право формировать и вести банки данных в соответствии с требованиями, установленными законодательством Российской Федерации;

3) полиция обеспечивает защиту информации, содержащейся в банках данных, от неправомерного и случайного доступа, уничтожения, копирования, распространения и иных неправомерных действий.

Таким образом, очевидно, что сотрудник полиции должен (ввиду требований федерального закона) по меньшей мере владеть совокупностью ключевых компетенций на определенном профессиональном уровне в рамках осуществления служебной деятельности.

К сожалению, в практической деятельности подготовка сотрудников полиции в сфере владения информационными технологиями оставляет желать лучшего, а чаще всего требует переподготовки, начиная практически с начального уровня, обучения основам владения компьютерной техникой.

Если не рассматривать вопросы элементарной грамотности в этой области, можно сформулировать основные пробелы в знаниях среднестатистического сотрудника. Во-первых, это отсутствие целостного представления о функционировании и использовании компьютерной техники как в профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни, которое базируется на недостаточном знании определенных предметных областей.

Прежде всего это области знаний, связанные с принципами функционирования устройств обмена информацией, в том числе технологиями реализации различных топологий компьютерных сетей, с особенностями работы с системами управления базами данных, с практическими навыками работы со справочно-правовыми системами и, как следствие, эффективной работы с организацией и построением запросов, с особенностями обеспечения информационной безопасности в рамках использования современных программных средств МВД России. Во-вторых, это отсутствие в достаточном объеме навыков практической работы с современными информационными технологиями, что и обуславливает отсутствие компетентности в области использования информационных технологий.

Но, на наш взгляд, наиболее значимым пробелом в знаниях, имеющим большое негативное значение в осуществлении дальнейшей профессиональной деятельности сотрудника полиции, является отсутствие навыков именно в области работы с системами управления базами данных и прочими системами подобного рода. Именно это создает предпосылки для дальнейшего неэффективного выполнения государственной функции, предусмотренной статьями 11, 13, 17 Федерального закона «О полиции». Соответственно, требования к профессиональной подготовке сотрудника в этой области должны быть значительно повышены.

Это также нашло отражение в Федеральном законе «О полиции», так как требования к профессионализму сотрудника носят активный характер, обязывая его не просто знать те или иные нормативные правовые акты, но и поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего выполнения служебных обязанностей.

Исходя из содержания рабочих программ по профессиональной подготовке лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, в результате изучения дисциплины «Основы применения специальной техники и информационных технологий в профессиональной деятельности сотрудника

полиции» предполагается, что слушатель лишь должен уметь использовать компьютерную технику в профессиональной деятельности, обрабатывать текстовую информацию, должен знать аппаратное и программное обеспечение компьютера.

Тематический план подразумевает изучение следующих блоков:

- аппаратное и программное обеспечение компьютера;
- обработка текстовой информации.

Очевидно, что изучение только этих двух тем не только не позволяет сформировать информационную компетентность сотрудника, но и вообще малопригодно для профессионального обучения в силу того, что этот комплекс знаний и навыков приобретает человек в рамках получения общего и среднего профессионального образования. Указанные знания и навыки, пожалуй, уже являются ключевыми компетенциями практически любого современного человека.

Очевидно, что, если мы хотим реализовать подготовку специалиста в области решения задач, предусмотренных статьями 11, 13, 17 Федерального закона «О полиции», нам необходимо пересмотреть подходы как к формированию учебной нагрузки, так и к содержанию учебной дисциплины. При этом следует учесть, что в рамках решения Коллегии МВД России от 5 декабря 2014 г. № 3км/1 «Об основных направлениях развития информационного обеспечения деятельности МВД России» «развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры органов внутренних дел до 2020 года предполагается осуществлять на базе высокотехнологичных комплексных системно-технических решений ... для создания территориально распределенной ведомственной системы оперативной связи, передачи данных, мониторинга подвижных объектов. В качестве единого информационного пространства для всех участников внутриведомственного и межведомственного информационного взаимодействия формируется ИСОД (информационно-аналитическая система обеспечения деятельности) МВД России.

Таким образом, основными задачами применения современных информацион-

ных технологий в ОВД являются создание информационных систем с использованием распределенных баз данных, обеспечение сотрудника информацией, необходимой для решения конкретной задачи, реализация математических методов анализа информации, создание систем поддержки принятия решений, организация постоянного совершенствования информационного обеспечения.

И эти идеи уже отчасти реализованы. С 2012 года в работу сотрудников патрульно-постовой службы постепенно внедряется аппаратно-программный комплекс «Барс». Также уже внедрена система управления мобильными нарядами с применением спутниковой навигации ГЛОНАСС. И эти системы уже сегодня применяются сотрудниками в повседневной служебной деятельности. А значит, от уровня владения сотрудником данными технологиями напрямую зависит эффективность его профессиональной деятельности и, следовательно, качество выполняемой государственной услуги.

Также следует заметить, что всем сотрудникам МВД России открыт доступ к системе ИСОД. Очевидно, что это уже сегодня предполагает определенный уровень знакомства с этой технологией.

Поэтому необходимо включить в содержание рассматриваемой дисциплины следующие тематические блоки: базы данных; методы организации поисковых запросов; справочно-правовые системы; ведомственные автоматизированные информационно-поисковые и информационно-справочные системы; понятие и возможности использования геоинформационных технологий в профессиональной деятельности; основы работы с ИСОД МВД России.

В связи с этим при изучении данной дисциплины необходимо по меньшей мере в образовательном процессе использовать не менее трех ведомственных программных оболочек с целью реализации образовательных задач. Поэтому, если мы хотим реализовать надлежащий практико-ориентированный процесс обучения, сформировать необходимые профессиональные компетенции у слушателя, необходимо изменить отношение к использованию специализированных программных продуктов в обучении от обзорного рассмотрения к формированию практических навыков владения и использования таких программных комплексов в профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Быстрякова, Л.А. Развитие информационно-коммуникационной компетентности сотрудников правоохранительных органов : дис. ... канд. псих. наук / Л.А. Быстрякова. – М., 2013.
2. Ершов, А.П. Избранные труды / А.П. Ершов. – Новосибирск, 1994.

АЛГОРИТМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 372:811.111

Татьяна Владимировна КУПРИЯНЧИК,
заведующий кафедрой иностранных и русского языков
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат педагогических наук, доцент
tatvk56@gmail.com

Марина Александровна АРСКАЯ,
доцент кафедры иностранных и русского языков
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат филологических наук, доцент
arma3812@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ СИТУАЦИЯХ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

TO THE ISSUE OF COMMUNICATIVE PROFESSIONALLY CONDITIONED SITUATIONS IN THE CONTEXT OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES AT A NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

В статье рассматриваются коммуникативные профессионально обусловленные ситуации как оптимальный вариант организации процесса формирования иноязычной компетенции обучающихся при обучении иностранному языку для специальных целей в неязыковом вузе. Авторы анализируют понятие коммуникативной ситуации и представляют этапы ее моделирования на примере тем, отражающих специфику профессионального общения будущих сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ органов внутренних дел.

The article considers communicative professionally conditioned situations as an optimal variant of organizing a process of students' foreign language competency in teaching a foreign language for special purposes at a non-linguistic institution. The authors analyze the concept of communicative situation and present stages in its modeling by the example of themes related to the specific character of the professional communication of future police officers of drug control units.

Ключевые слова: иностранный язык для специальных целей, иноязычная компетенция, коммуникативная ситуация, профессионально обусловленные ситуации, моделирование, профессионально-ориентированная тематика.

Keywords: foreign language for specific purposes, foreign language competence, communicative situation, professionally conditioned situations, professionally oriented themes.

В качестве приоритетного направления иноязычного образования в неязыковых вузах, в том числе в образовательных организациях системы МВД России, следует рассматривать обучение иностранному языку для специальных целей, представляющее собой «организованный процесс реализации образовательного курса для специалистов с целью формирования у них иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональной сфере» [3].

В данном контексте при подготовке современного специалиста наряду со способностью и готовностью осуществлять иноязычное общение с носителями языка на бытовые темы особое внимание уделяется формированию и совершенствованию навыков общения в профессиональных ситуациях. Таким образом, задачи курса иностранного языка в неязыковом вузе должны определяться как коммуникативными, так и профессионально обусловленными и познавательными потребностями выпускника высшего учебного заведения соответствующего профиля.

Профессионально направленный характер обучения обуславливает необходимость разработки и использования эффективных методик, учитывающих специфику будущей профессиональной деятельности обучающихся. К числу наиболее продуктивных технологий, участвующих в формировании и/или развитии иноязычной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку для специальных целей, относится моделирование профессионально обусловленных ситуаций общения. Данный тезис коррелирует с предложением, сформулированным российским лингвистом, специалистом в области методики иноязычного образования Е.И. Пассовым, который подчеркивал: «Если мы хотим, чтобы иноязычное образование действительно обеспечивало достижение поставленной цели, необходимо процесс образования сделать моделью реального процесса общения» [5]. Основным компонентом модели реального общения является коммуникативная ситуация, которая позволяет сделать процесс обучения максимально приближенным к условиям квазипрофессиональной, а впоследствии и профессиональной деятельности.

В современной лингвистике и лингводидактике существуют различные подходы к определению коммуникативной ситуации.

С позиций социолингвистики коммуникативная ситуация представляет собой «ситуацию речевого общения двух и более людей», включающую набор определенных компонентов. Среди них: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также паралингвистические средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); 8) место общения. [7]

В теоретических и прикладных лингводидактических исследованиях, посвященных проблемам обучения иностранному языку, ситуативность рассматривается как одна из характеристик реального общения, а коммуникативная ситуация может приравниваться к речевой ситуации и коммуникативному акту [6], условия которых должны побудить участников коммуникации к использованию определенного языкового и речевого материала. Таким образом, в контексте иноязычного образования можно говорить об определенной тождественности понятий «коммуникативная ситуация» и «речевая ситуация», исследованию которых уделялось большое внимание как в зарубежной, так и в отечественной методике преподавания иностранных языков.

Так, понятие речевой ситуации рассматривается авторами (М.Л. Вайсбурд, А.А. Леонтьев, Р.П. Мильруд, Т.Е. Сахарова, В.Л. Скалкин, Г.В. Рогова, Е.И. Пассов и др.) через призму ее компонентов и функций; при этом подчеркивается ее побудительный характер, необходимый для возникновения речевого общения как естественной реакции на языковой запрос. По определению Е.И. Пассова, «ситуация есть такая динамичная система взаимоотношений общающихся, которая, благодаря своей отраженности в сознании говорящего, порождает личностную потребность в целенаправленной деятельности и питает эту деятельность» [5]. А.А. Леонтьев под речевой ситуацией понимает «совокуп-

ность речевых и неречевых условий, необходимых для того, чтобы учащийся правильно осуществил речевое действие с намеченной коммуникативной задачей» [3]. В работе «Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке» М.Л. Вайсбурд рассматривает компоненты речевой ситуации, которые, в свою очередь, определяют содержание и форму речевого сообщения. [2]

Разнообразие подходов к определению речевой ситуации, ее компонентов и функций указывает на актуальность исследования данной проблемы и необходимость разработки коммуникативных ситуаций, обусловленных контекстом профессиональной деятельности будущего специалиста, что позволит создавать «в учебной деятельности контексты деятельности». [5]

При обучении иностранному языку для специальных целей в определении коммуникативной ситуации значимой становится взаимосвязь конкретной ситуации общения не только с речевым поведением партнеров по коммуникации, со способами реализации «коммуникативной интенции» [1] как обязательными компонентами коммуникативного акта, но и с конкретным содержанием их будущей профессиональной деятельности.

В рамках настоящей работы под коммуникативной профессионально обусловленной ситуацией понимается совокупность специально созданных условий общения, моделирующих реальные ситуации межличностного квазипрофессионального взаимодействия и призванных стимулировать обучающихся к поиску максимально адекватного решения обозначенной коммуникативной задачи в рамках заданной ситуации с максимальным использованием ее коммуникативного потенциала.

Специфика профессиональной деятельности будущего сотрудника правоохранительных органов с точки зрения международных контактов, сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью, незаконным оборотом наркотиков определяет необходимость использования на занятиях по иностранному языку профессионально обусловленных коммуникативных ситуаций,

которые являются неотъемлемым компонентом содержания обучения иностранному языку для специальных целей.

Моделирование ситуаций происходит с учетом учебных задач и обусловлено периодом обучения (начальный, завершающий этап и т.п.), последовательностью работы над конкретной темой, а также уровнем сформированности у обучающихся иноязычных коммуникативных навыков. Для оптимизации процесса моделирования ситуаций нами была разработана последовательность действий, включающая такие этапы, как определение тематики квазипрофессионального общения, постановка коммуникативной задачи в рамках темы, отбор языковых средств с учетом темы и коммуникативной задачи, отбор речевых коммуникативных клише.

Тематика квазипрофессионального общения обусловлена совокупностью тем, отражающих специфику профессионального общения в целом; данные темы представлены в рабочих учебных программах дисциплин «Иностранный язык», «Иностранный язык в сфере юриспруденции», «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации». Наряду с темами общего профиля специальности курс обучения английскому языку в СибЮИ МВД России включает такие профессионально направленные темы, как «Drug-related Crimes», «Youth and Drugs. Drug Prevention», «Activity of Drug Control Units» и др. Для конкретизации коммуникативной задачи в рамках отдельной темы могут быть выделены определенные сферы и ситуации квазипрофессионального общения. Так, при изучении темы «Drug-related Crimes» обучающимся (курсантам, студентам и слушателям) предлагается обсудить такие проблемы, как «Classifications of Drugs in Russia and Abroad», «Correlations between Drug Use and Criminal Behavior», «Current Law for Drug-related Crimes», «Reducing Drug Crimes and Drug-related Crimes» и т.п.

При постановке коммуникативной задачи в рамках определенной темы необходимо принимать во внимание, что коммуникативная задача должна представлять собой задание с реальным жизненным обоснованием в рамках профессионально-ориентированного

контекста и побуждать обучающихся приблизить их языковое поведение к ситуациям реальной жизни. Примером подобного задания может быть условно созданная ситуация, при которой возникает необходимость объяснить иноязычным коллегам особенности работы сотрудников подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств в нашей стране и расспросить иноязычных коллег из зарубежных антинаркотических ведомств и организаций о том, с какими проблемами они сталкиваются при выполнении возложенных на них обязанностей и т.п. Например:

Make up a dialogue. Imagine you take part in the international workshop «Police and Society». You are a representative of the General Administration for Drug Control of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and your partner is a representative of drug agencies, or units of one of the English-speaking countries. Exchange the information of your law enforcement bodies' activity in the area of drug trafficking control.

Языковые средства определяются исходя из содержания прогнозируемых ответов и выбираются из лексического минимума, который составлен к каждой из изучаемых англоязычных тем. Так, для приведенной выше ситуации примерами таких лексических единиц могут являться следующие слова и словосочетания: to enforce drug laws, to combat illicit trafficking, to sell drugs, to traffic in drug, to confiscate illegal drugs, to investigate suspected drug dealers, test purchase, buy and bust operations, to arrest suspected drug law violators, to testify in court in drug-related cases и т.п.

Для эффективной реализации процесса общения и выполнения коммуникативной задачи обучающимся могут быть предложены иноязычные речевые клише, выражающие приветствие, прощание, извинение, благодарность, пожелание и т.п., основные речевые реакции: согласия/несогласия (I agree/

disagree with you), удивления (Is it? Are you ...? Really?), сомнения (I doubt it. We feel certain doubts about ...), одобрения (That's OK! That's right.), заинтересованности (That's a good idea.), уверенности (I'm confident that...), клише запросов информации, сообщения (Will you answer me what you really know about ...? I'd like to know about ...), а также формы речевого этикета деловой, официальной сферы общения и т.п.

Процесс моделирования завершается составлением ситуативной карты, в которой наряду с профессионально значимой коммуникативной задачей, языковыми и речевыми средствами обозначаются роли участников, приводится описание условий общения, составленное в соответствии с контекстом квазипрофессиональной и/или будущей профессиональной деятельности.

Дидактическое обеспечение дисциплин языкового цикла в СибЮИ МВД России наряду с основными элементами учебно-методического комплекса представлено «банком» коммуникативных профессионально обусловленных ситуаций, разработанных преподавателями кафедры иностранных и русского языков. Использование данных ситуаций может позволить будущему сотруднику правоохранительных органов повысить уровень не только иноязычной, но и профессиональной компетенции, и тем самым способствовать решению профессиональных задач в сфере международного сотрудничества.

Таким образом, в контексте обучения иностранному языку для специальных целей в неязыковом вузе коммуникативные профессионально обусловленные ситуации рассматриваются нами как оптимальный вариант организации процесса формирования иноязычной компетенции обучающихся, обеспечивающий реализацию коммуникативных потребностей будущих специалистов в использовании иностранного языка в профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – М. : Из-во ИКАР, 2009. – URL: http://methodological_terms.academic.ru.
2. Вайсбурд, М. Л. Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке : учебное пособие для проведения спецкурса по обучению иноязычному общению в системе повышения квалификации учителей / М. Л. Вайсбурд. – Обнинск : Титул, 2001.
3. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / А. А. Леонтьев. – М. : РАО/МПСи, 2001.
4. Мильруд, Р. П. Обучение языку в специальных целях: сущность, методика, рефлексия : интернет-издание для учителя / Р. П. Мильруд. – URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2013/05/english-special>.
5. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования : методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – М. : Русский язык. Курсы, 2010.
6. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – URL: <http://sociolinguistics.academic.ru>.
7. Социолингвистика. Энциклопедия Кругосвет : универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. – URL: <http://www.krugosvet.ru/node/39415?page=0,4>.

УДК 316.468

Олег Владимирович ЕВТИХОВ,

начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат психологических наук, доцент

evtikhov2003@mail.ru

Андрей Владимирович ЖИЛЬЦОВ,

начальник кафедры административного права и административной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук

liktor1977@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
И ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ УЧЕБНЫХ
ГРУПП ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ**

**PROFESSIONAL AND ADMINISTRATIVE COMPETENCE AND THE
ISSUE OF JUNIOR COMMANDERS' LEADERSHIP IN STUDY GROUPS
AT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF RUSSIA**

В статье рассматриваются структура и содержание профессионально-управленческой компетентности руководителя применительно к деятельности младших командиров учебных групп образовательных организаций МВД России. Приводятся краткие результаты исследования развития лидерских качеств командиров учебных групп по годам обучения. Обозначаются направления профессионально-управленческой подготовки командиров учебных групп.

The article considers the structure and the content of heads' professional and administrative competency in relation to the junior commanders' activity in training groups at the educational institutions of the MIA of Russia. A summary of the results of investigation of commanders' leadership qualities development by years of study is presented. The authors highlight tendencies in professional and administrative training of commanders of training groups.

Ключевые слова: руководители, командиры учебных групп, профессионально-управленческая компетентность, лидерство.

Keywords: leaders commanders of the leadership of junior, professional and administrative competency, leadership.

Анализ структуры и содержания профессионально-управленческой компетентности и проблема лидерства младших командиров учебных групп актуальны для образовательных организаций МВД России. Младшие командиры (далее – командиры) учебных групп назначаются из числа курсантов в первые недели после зачисления в вуз, им присваиваются сержантские звания, и на них возлагаются обязанности управления

учебными взводами. Проблема заключается в том, что в большинстве случаев курсанты, назначенные на сержантские должности, не имеют соответствующей организационно-управленческой подготовки, и для формирования их профессионально-управленческой компетентности необходимо прояснение ее структуры и содержания применительно к специфике обучения и деятельности в вузе МВД России. Также значимой является про-

блема лидерства командиров в учебных взводах. Как правило, впервые назначенные командиры учебных групп не обладают опытом управленческой деятельности и достаточно развитыми лидерскими качествами, что снижает их возможности занять лидерское положение в группе.

Первоначально необходимо внести ясность в понятийный аппарат и конкретизировать сами понятия «профессионально-управленческая компетентность», «лидерский потенциал» и «лидерские качества» применительно к командирам учебных групп.

Под профессионально-управленческой компетентностью руководителя понимается обобщенное личностное образование, заключающее в себе владение руководителем сформированными компетенциями (включающими обладание необходимыми знаниями, умениями и способами деятельности), а также обладание развитыми профессионально важными личностными качествами и первоначальным профессионально-управленческим опытом, обеспечивающими результативность его управленческой деятельности. [4]

В структуре профессиональной компетентности командира учебной группы как руководителя можно выделить две базовые составляющие:

1) профессиональные компетенции – требования, которые предъявляются к командиру учебной группы в соответствии с содержанием и спецификой профессионально-управленческой деятельности, включают в себя профессионально значимые знания (когнитивный компонент) и профессионально-управленческие способности (функционально-деятельностный компонент);

2) профессионально-психологические характеристики, представляющие собой профессионально важные психологические качества командира учебной группы, обеспечивающие успешность его профессионально-управленческой деятельности. Профессионально-психологические характеристики условно могут быть разделены на личностную и деятельностную составляющие. [7]

Базовые составляющие структуры профессионально-управленческой компетентности руководителя приведены на рисунке.

Рис. Базовые составляющие структуры профессионально-управленческой компетентности руководителя

1. Когнитивный компонент структуры профессионально-управленческой компетентности командира учебной группы представляет собой совокупность знаний, которые, исходя из области их применения, могут быть условно разделены на следующие группы:

а) знания специфики управленческой деятельности учебными взводами: особенностей организации управления в контексте учебно-воспитательного процесса образовательной организации МВД России, в том числе содержания и специфики применения нормативных правовых актов, особенностей построения системы управления в вузе МВД России и управленческого взаимодействия командиров учебных групп и др.;

б) знания психологических основ управленческой деятельности руководителя: мотивационных теорий, социально-психологических особенностей функционирования служебного коллектива, стилей руководства и др.

2. Функционально-деятельностный компонент представляет собой способность результативно осуществлять управленческие функции в профессиональной деятельности с учетом специфики образовательного процесса образовательной организации МВД России. Функционально-деятельностный компонент, в отличие от когнитивного, формируется на основе использования (внедрения) теоретических моделей в профессиональной деятельности. Очевидно, что для выработки способности результативной мотивации подчиненных недостаточно знать мотивационные теории, важно уметь их использовать в управленческой практике.

Исходя из традиционно используемой в теории менеджмента классификации управленческих функций, функционально-деятельностный компонент профессиональной компетенции командира учебной группы включает в себя следующие способности:

- а) планировать групповую деятельность;
- б) организовывать учебный взвод на решение профессиональных задач;
- в) стимулировать подчиненных к результативной деятельности;
- г) контролировать результаты совместной деятельности сотрудников.

Кроме того, с учетом специфики профессионально-служебной деятельности органов внутренних дел руководитель должен обладать умением формирования и поддержания благоприятного психологического климата в коллективе.

В блоке профессионально-психологических характеристик, составляющих комплекс профессиональных, личностных и социальных качеств руководителя, обеспечивающих успешность его профессионально-управленческой деятельности, для командира учебной группы, на наш взгляд, наиболее значимым является лидерский потенциал и обеспечивающие его «лидерские качества». Это обусловлено тем, что в ситуации равного социального статуса и опыта командиров в сравнении с другими курсантами учебной группы для успешности руководства необходима основа, обеспечивающая личностную правомочность отдачи приказов. Этой основой являются личностный авторитет и лидерский статус сержантов в учебной группе. Практика показывает, что командиры учебных групп – лидеры в своих подразделениях – более успешны в осуществлении управленческих функций, т.к. их должностные полномочия дополняются неформальным авторитетом в группе. В этом случае они получают возможность влияния на процессы самоорганизации коллектива, сближают личностные и групповые интересы членов группы, а также более полно отражают интересы и потребности коллектива во внешнем взаимодействии. В то же время неуставные взаимоотношения и факты нарушения служебной дисциплины чаще происходят в группах, в которых младшие командиры не пользуются уважением и авторитетом среди курсантов и не имеют лидерского статуса в группе.

Под лидерскими качествами организационного лидера традиционно понимается совокупность психологических характеристик, способностей и особенностей взаимодействия руководителя с подчиненными, определяющих возможности его принятия группой в качестве лидера и обеспечивающих успешность дальнейшего выполнения им лидерских функций. [2]

Исследование качеств лидера, которые обеспечивают его возможности занять лидерское положение в социальной группе и эффективно выполнять лидерские функции, вызвало интерес у исследователей на протяжении веков. Мыслители разных времен и народов пытались разобраться в природе выдающихся личностей и задавались вопросами о том, почему один человек становится лидером, а другой нет, в чем отличие одного лидера от другого и т.п. Начиная с создания библейских сюжетов, люди пытались описать личностные особенности великих людей и предлагали рекомендации по лидерству, например в стиле «Государя» Н. Макиавелли. Так, согласно Н. Макиавелли, правитель должен учитывать главные стимулы человеческой активности (стремление к имущественным благам) и «благодаря умению отгадывать сокровенные желания человеческой души» господствовать над людьми. [6] По мысли Платона, у идеального правителя власть соединяется «с разумением и рассудительностью». [8, с. 420] Конфуций писал, что правителю следует почитать пять прекрасных качеств: благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток. [5] По мнению Лао-цзы, лучший вождь – это тот, которого «народ не замечает», на втором месте – тот, которого «народ обожает», на третьем месте – тот, которого «народ боится», и на последнем – тот, кого «ненавидят» [1]. Перечень подобных интерпретаций лидерства можно продолжать и дальше.

Возможности для научного исследования лидерства появились только в XX в. в связи с развитием общественных наук, в первую очередь психологии и социологии с их диагностическим инструментарием. Становление промышленности и как следствие широкая распространенность профессии менеджера значительно усилили интерес к этой проблеме. Исследованию лидерских качеств организационного лидера, как было отмечено выше, были посвящены ряд работ, проводимых в XX в. в рамках персоналистического подхода к исследованию лидерства. Однако, несмотря на то, что сторонникам «теории

черт» не удалось выделить универсальные лидерские черты, человеку, претендующему на роль лидера в группе, все же необходимо обладать некоторыми лидерскими качествами, особенно на этапах становления («запуска») лидерства. Именно наличие или отсутствие необходимых качеств в некоторой степени определяет, почему одни руководители становятся лидерами в своих подразделениях, а другие не принимаются группой в качестве лидеров. При этом не вызывает сомнения факт, что лидерские качества руководителя органов внутренних дел или промышленного предприятия, руководителя театра и начальника воинского гарнизона могут отличаться. Думается, что перечень лидерских качеств может быть различным и для руководителей различных управленческих уровней. Это вызывает необходимость исследования лидерских качеств организационного лидера применительно к конкретным условиям профессиональной деятельности, в том числе на разных управленческих уровнях.

Для определения лидерских качеств организационного лидера первоначально нами был проведен анализ различных перечней лидерских качеств, описанных в научной литературе. Изучением и описанием лидерских качеств занимались S. Covey, B. Bass, W. Bennis, B. Nanus, M. DePree, F. Heider, J. O'Toole, J. Gardner, R. Stogdill, A. Лоутон и Э. Роуз, М.И. Рожков, Л.И. Уманский и др.

На основе проведенного анализа составлена обобщенная структура из 28 лидерских качеств, распределенных по следующим группам: индивидуально-личностные, организационно-управленческие, социально-психологические и перцептивные качества. [2, с. 109-114]

Для уточнения лидерских качеств применительно к профессионально-управленческой деятельности командиров учебных групп было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого курсантам предлагалось оценить 28 качеств по степени их значимости для лидера учебной группы. Общую выборку исследования составили 756 курсантов, в том числе 594 курсанта СибЮИ МВД России (наборы 2006-2009 гг.) и 162 курсанта СибЮИ ФСКН России (наборы

2012-2014 гг.). В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что существует динамика изменения востребованных (профессионально важных) качеств командиров учебных групп по годам обучения, и на различных курсах наиболее востребованы различные качества. Это обусловлено проблемой снижения результативности деятельности командиров, успешных на первых курсах, при переходе на старшие курсы. Поставленная в исследовании гипотеза вытекала из предположения, что значимость определенных профессионально важных лидерских качеств для командиров учебных групп зависит от уровня развития коллектива и степени выраженности профессионального компонента в деятельности.

Результатами исследования было подтверждено, что на первом курсе курсантами отмечаются как наиболее значимые для командиров учебных групп качества, обеспечивающие организационно-управленческую деятельность (способность организовать взвод на решение поставленной задачи; уверенность в себе; стойкость, решительность, твердость, требовательность). На втором и третьем курсах в «зоны предпочтительности» выходят социальные и личностные качества (готовность брать на себя ответственность за принимаемые решения и результаты групповой деятельности; способность отстаивать интересы коллектива и т.п.). А на выпускных курсах становятся актуальными профессионально-деятельностные ка-

чества командиров (успешность в служебной деятельности; надежность в отношениях; готовность помочь и поддержать в служебной деятельности). Универсальными, т.е. востребованными на всех курсах обучения, оказались следующие качества командиров учебных групп: уверенность в себе, способность организовать взвод на решение поставленной задачи, готовность брать на себя ответственность за принимаемые решения и результаты групповой деятельности, порядочность, честность, справедливость, способность отстаивать интересы коллектива [3] (см. таблицу).

В заключение можно отметить, что в соответствии с представленной структурой профессионально-управленческой компетентности профессиональную подготовку командиров учебных групп целесообразно осуществлять по трем основным базовым направлениям:

когнитивное направление – формирование совокупности знаний общих психологи-

Таблица

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ КАЧЕСТВА ДЛЯ КОМАНДИРА
УЧЕБНОЙ ГРУППЫ НА РАЗНЫХ КУРСАХ ОБУЧЕНИЯ

Качества	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
	ранг	ранг	ранг	ранг
Способность организовать взвод на решение поставленной задачи	1	5	6	–
Уверенность в себе	2	2	4	7
Стойкость, решительность, твердость, требовательность	3	–	–	–
Порядочность, честность, справедливость	4	4	1	6
Готовность брать на себя ответственность за принимаемые решения и результаты групповой деятельности	5	7	2	1
Способность отстаивать интересы коллектива	6	1	3	2
Умение управлять людьми, мотивировать и стимулировать их на работу	7	–	–	–
Желание и интерес заниматься руководящей работой, стремление к лидерству	–	–	5	–
Терпимость к людям, способность уважать достоинства других	–	6	–	–
Надежность в отношениях	–	–	–	3
Последовательность в решениях и поступках	–	–	7	–
Успешность в служебной деятельности	–	–	–	5
Готовность помочь и поддержать в служебной деятельности	–	–	–	4

ческих основ управленческой деятельности руководителя, а также изучение специфики управленческой деятельности в учебных взводах образовательных организаций МВД России;

функционально-деятельностное направление – формирование способности результативно осуществлять управленческие функции в профессиональной деятельности с учетом специфики образовательного процесса вуза МВД России;

психологическое направление – обеспечение формирования лидерского потенциала командиров учебных групп и их принятия (признания) подчиненными курсантами в качестве лидеров.

В качестве основных структурно-содержательных модулей программы профессиональной подготовки командиров учебных групп можно определить следующие:

1) диагностическое обеспечение программы, включающее профессионально-психологическое тестирование командиров, социально-психологические исследования в учебных коллективах (психологического климата, стиля руководства младших командиров, социометрические исследования учебных взводов);

2) создание в образовательной организации социально-педагогических условий

проявления лидерства и развития лидерских качеств командиров учебных групп, включающее административно-управленческое и информационно-пропагандистское стимулирование лидерства сержантов и формирование их лидерского образа в восприятии курсантов;

3) профессионально-управленческая подготовка командиров учебных групп, включающая теоретическую подготовку (лекционно-семинарские занятия, направленные на формирование профессионально-управленческой компетентности командиров учебных групп) и практическую подготовку (тренинговые занятия по развитию лидерских качеств командиров учебных групп);

4) социально-педагогическая работа с учебными группами, включающая командообразующие тренинги, а также консультативное сопровождение командиров учебных групп в рамках психологического сопровождения профессионально-управленческой деятельности.

Также результаты исследования позволяют создать тематические ориентиры для профессионально-управленческой подготовки командиров учебных групп на разных курсах обучения.

Библиографический список

1. Дао дэ цзин. Книга пути и благодати / пер. с кит. Ян Хин Шуна. – М., 2008.
2. Евтихов, О.В. Развитие лидерского потенциала руководителя : монография / О.В. Евтихов. – М.: ИНФРА-М, 2014.
3. Евтихов, О.В. Формирование профессиональной компетентности курсантов в образовательной среде вуза правоохранительных органов : монография / О.В. Евтихов. – М.: ИНФРА-М, 2016.
4. Евтихов, О.В. Формирование основ профессионализма и профессиональной компетентности курсантов в вузе правоохранительных органов как педагогическая проблема / О.В. Евтихов, А.Ф. Караваев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1(48). – С. 128-132.
5. Конфуций. Суждения и беседы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
6. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: Планета, 1990.
7. Невирко, Д.Д. Профессионально-управленческая компетентность руководителя подразделения органов наркоконтроля / Д.Д. Невирко, О.В. Евтихов, А.В. Жильцов. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2016.
8. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 420.

УДК 355.233:355.423

Виктор Владимирович СИЛАНТЬЕВ,старший преподаватель кафедры физической
подготовки Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

svvhunter@rambler.ru

**К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ
К ПРОВЕДЕНИЮ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПУТЕМ МОДЕЛИРОВАНИЯ
СИТУАЦИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

**TO THE ISSUE OF TRAINING OF POLICE OFFICERS ASSIGNED TO
PARTICIPATE IN COUNTER-TERRORIST OPERATIONS IN THE NORTH
CAUCASUS REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION BY SIMULATING
SITUATIONS DURING THEIR PHYSICAL TRAINING AT EDUCATIONAL
ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

В статье рассматриваются особенности профессиональной подготовки полицейских, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, на занятиях по физической подготовке путём моделирования ситуаций, а также вопросы интеграции огневой, физической и тактико-специальной подготовки в образовательных организациях МВД России. Кратко освещено современное состояние проблемных вопросов при обучении полицейских, привлекаемых к проведению контртеррористических операций, изложена точка зрения автора на их решение.

The article considers the peculiarities of the professional training of police officers assigned to participate in counter-terrorist operations in the North Caucasus region at physical training classes by simulating situations as well as the issues of integration of firearms, physical, tactical and special training at educational organizations of the MIA of Russia. The current state of problematic issues in training police officers assigned to participate in counter terrorist operations is briefly highlighted, the author's point of view concerning their solution is presented.

Ключевые слова: боевые приёмы борьбы, формирование навыка, метод моделирования ситуаций, контртеррористическая операция.

Keywords: combat fighting techniques, skill formation, method of situation modeling, counter-terrorist operation.

Несение службы сотрудниками полиции органов внутренних дел, привлекаемыми к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (далее – полицейские), связано с риском для жизни и здоровья полицейских, находящихся в командировке.

При несении службы в непредсказуемых ситуациях проведения контртеррористиче-

ских операций на территории Северо-Кавказского региона сотруднику полиции приходится задерживать правонарушителей в экстремальных условиях окружающей обстановки. Правонарушитель не всегда оказывается слабее сотрудника полиции и, как правило, хорошо развит физически, вооружен холодным и огнестрельным оружием, умело владеет им и успешно ориентируется на местности. Такие ситуации для полицейских

характеризуются дефицитом информации и времени для принятия ответственных решений, постоянным изменением обстановки, неожиданностью действий задерживаемого и другими стресс-факторами.

В связи с этим результатом обучения полицейских в процессе занятий по физической подготовке должен стать большой арсенал двигательных умений, навыков и связанных с ними знаний в совокупности с психологической подготовленностью, который позволит сотруднику в экстремальных условиях служебной деятельности найти оптимальное решение двигательной задачи с целью обеспечения личной безопасности и осуществления задержания правонарушителя.

Двигательный навык состоит из элементов двигательного действия.

В выполнении целостного двигательного действия требуется координированное взаимодействие всех его элементов, характеризующихся по пространственным, временным и динамическим показателям. Важными свойствами навыка являются устойчивость и гибкость. Устойчивость навыка характеризуется низкой подверженностью воздействиям сбивающих факторов. Данными факторами могут быть психофизическое утомление, ограниченность времени исполнения, опасность и т.д. Гибкость навыка определяется способностью эффективно применять действия в изменяющихся условиях. Действие не должно быть предельно автоматизировано, поскольку автоматизм полезен в стандартных, прогнозируемых и неизменяющихся условиях. [3]

При обучении полицейских, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, необходимо стремиться формировать навык, опираясь на знания и умения, полученные сотрудниками полиции на занятиях по профессиональной служебной и физической подготовке, а также сформированные навыки и полученные знания и умения (речь идет о положительном переносе навыка) при несении службы в органах внутренних дел.

С целью обучения владению боевыми приемами борьбы и огнестрельным оружи-

ем необходимо решать задачи практического задержания преступника, моделируя профессиональную деятельность полицейских, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона. Решаемые задачи, связанные с ограничением свободы передвижения ассистента, не обязательно должны быть сложными для обучаемых, сотрудники должны справляться с решением данных задач, воспитывая в процессе обучения смелость, решительность, уверенность в своих силах. Постепенно по мере тренированности условия решения задач необходимо усложнять. [3]

Обучая сотрудников боевым приемам борьбы, необходимо учитывать, что умение применять приемы переходит в навык при многократном повторении на фоне психоэмоционального напряжения, как и при спортивной поединке. [3] Для подготовки сотрудника необходимо использовать это понимание при обучении, в процессе совершенствования боевых приемов борьбы. При задержании правонарушителя применение физической силы и боевых приемов борьбы нивелируется весоростовыми показателями преступника, таким образом возникает необходимость применения огнестрельного оружия или принуждения преступника повиноваться под угрозой применения огнестрельного оружия. [2]

В условиях проведения контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона возникновение экстремальных ситуаций с применением огнестрельного оружия достаточно вероятно. От умения сотрудника полиции правомерно применить огнестрельное оружие в сложившейся ситуации будет зависеть его жизнь и здоровье, безопасность товарищей по службе, а также жизнь и здоровье гражданских лиц – невольных участников или случайных свидетелей террористического акта. Особенности несения службы на территории Северного Кавказа предполагают непосредственный контакт с гражданским населением региона. При проведении полицейских операций на контролируемых территориях не представляется возможным на безопасном расстоянии отличить боевика

от простого жителя населенного пункта. Поэтому сотруднику полиции необходимо быть готовым вступить в ближний бой, с возможно вооруженным холодным или огнестрельным оружием преступником.

Анализируя информацию о применении огнестрельного оружия при проведении контртеррористических мероприятий подразделениями МВД России, мы приходим к выводу, что в 70% случаев сотрудниками полиции огонь ведется с коротких дистанций, нередко в упор. В таких условиях сотрудник обязан мгновенно реагировать на мельчайшие изменения обстановки. Однако сквозь прорезь прицела всех деталей не увидишь. Стрелок отрывает взгляд от мушки и, соответственно, теряет линию прицеливания. В этих условиях при внезапном столкновении с противником прицельно выстрелить крайне затруднительно. Что же касается стрельбы с близкого расстояния, то в таких условиях использование прицела бесполезно, замедляет процесс стрельбы, да и просто невозможно в условиях боевых действий.

Начнем с того, что бой – не спортивное состязание, в котором необходимо набрать максимум очков. При огневом контакте достаточно поразить любой не жизненно важный орган противника, стремясь к минимизации причиняемого ущерба. Также при задержании под угрозой применения огнестрельного оружия обнаруживается проблема контроля оружия и его применения с ближнего расстояния или в упор. Возникает необходимость совершенствования специальной техники применения огнестрельного оружия на коротких расстояниях. Тренироваться, конечно, необходимо начинать в условиях спортивного зала, с ассистентом решая задачи, связанные с ограничением свободы передвижения, и впоследствии совершенствовать полученные умения в условиях тактических полигонов, доводя полученное умение до уровня формирования навыка.

Логично, что при обучении и проведении итоговых аттестаций на занятиях по физической подготовке в полицейских отрядах, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона, находящихся на

обучении в образовательных организациях МВД России, при решении задач, связанных с ограничением свободы передвижения ассистента, необходимо оценивать не только выполнение боевых приемов борьбы, но и условного применения огнестрельного оружия на поражение. Из этого следует, что на занятиях по физической подготовке, сдачу зачета или экзамена, сотрудник должен прибывать в повседневной форме одежды, а также в начале экзамена моделировать получение в комнате хранения оружия специальных средств, учебного или сигнального оружия, имитирующего табельное.

Задачи, связанные с ограничением свободы передвижения ассистента, ежегодно разрабатываются ДГСК МВД России и до 1 декабря направляются в органы, организации, подразделения МВД России. [2]

В соответствии с Наставлением по организации физической подготовки в органах внутренних дел задача считается выполненной, если сотрудник уверенно и эффективно защитился от атакующих действий (переместился с пути движущейся атакующей конечности или направления ствола огнестрельного оружия, отбил атакующую конечность встречным ударом (выбил оружие), остановил атакующую конечность либо отбивом отвел ее в сторону, обозначил расслабляющий удар и освободился от захвата (обхвата); подавил сопротивление (акцентированно обозначил удар, толчком или рывком вывел ассистента из равновесия); ограничил свободу передвижения ассистента (сковал его руки болевым приемом, надежным и удобным для сопровождения, надел наручники или связал, вынудил ассистента угрозой применения оружия повиноваться или условно применил его на поражение). [2]

При решении задач, связанных с ограничением свободы передвижения ассистента, по мере тренированности психологическую подготовку необходимо осуществлять постоянно. Для этого следует использовать специальные упражнения, отражающие реальную служебную деятельность, моделируя условия задержания преступника.

Упражнения должны быть специализированы и направлены на формирование и раз-

витие определенного психического качества, а интенсивность выполнения и физическая нагрузка – такими же, как при выполнении служебно-боевых задач. Психологические трудности при этом создаются за счет выполнения специальных эмоциогенных упражнений, суть которых заключается в том, что обучающиеся ставятся в различные ситуации, вызывающие состояние напряженности, волнения, страха и, как следствие, укрепляющие эмоционально-волевую сферу. [3]

Решение о выполнении тех или иных действий зависит от создавшейся обстановки и поступающей извне информации, поэтому от сотрудников требуется умение вариативно применять усвоенные навыки и предугадывать дальнейший ход сложившейся ситуации. В программу занятий целесообразно включать различные действия (особенно на полосе препятствий и специальных полигонах), широко видоизменять фабулы и условия выполнения задач, применять разнообразные методы тренировки. [1]

Необходимо проводить интегрированные занятия по огневой, физической и тактико-специальной подготовке, более широко и разнопланово применяя метод моделирования ситуаций, где предметом-интегратором выступает тактико-специальная подготовка.

Для обеспечения у обучающихся психоэмоционального напряжения необходимо решать задачи практического задержания преступника, моделируя профессиональную деятельность. Основным принцип практического задержания – внезапность атаки, другими словами, соблюдение условия, исключающего возможность атакуемого заранее (до начала атаки) знать, какое атакующее действие будет проводить нападающий. [2]

Все эти мероприятия призваны формировать у полицейских психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях для успешного выполнения учебно-служебных и служебно-боевых задач.

Здесь следует отметить, что теория моделирования на современном этапе широко ис-

пользуется в педагогике, в теории и методике физического воспитания как у нас в стране, так и за рубежом. Содержание и методика обучения технико-тактическим действиям в ходе учебного процесса по физической подготовке с использованием специальных тренировочных полигонов, моделирующих относительно самостоятельные, логически завершенные эпизоды схватки с правонарушителем, существенно улучшат и ускорят процесс освоения сложных технико-тактических действий, предлагаемых программой для сотрудников органов внутренних дел. Поэтому на современном этапе научно-исследовательская работа, связанная с интеграцией тактико-специальной, огневой и физической подготовки при обучении полицейских, проходящих подготовку в образовательных организациях системы МВД России, крайне актуальна и необходима.

Речь идет о более эффективном использовании в процессе подготовки полицейских этой категории междисциплинарных связей. Комплексные занятия позволяют совершенствовать тактико-технические действия как в стрельбе из табельного оружия, так и при применении боевых приемов борьбы с учетом физического и психологического состояния слушателей. И наконец, комплексные занятия по огневой, физической и тактико-специальной подготовке на завершающем этапе обучения в образовательных организациях системы МВД России должны стать приоритетным направлением.

Таким образом, в настоящее время в процессе реформирования системы МВД России, появления новых требований к подготовке кадров совершенствование организации учебного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» и пополнение его новым содержанием позволит значительно повысить уровень профессиональной подготовленности сотрудников полиции, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона.

Библиографический список

1. Использование полос препятствий на занятиях по физической подготовке с курсантами (слушателями) образовательных учреждений МВД России : учебно-методическое пособие / под ред. проф. А.И. Числова. – М.: ЦОКР МВД России, 2007.
2. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 13.11.2012 № 1025.
3. Силантьев, В.В Моделирование ситуаций при обучении боевым приемам борьбы и оценка выполнения задач, связанных с ограничением свободы передвижения ассистента, курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России / В.В. Силантьев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 15-2.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 343.1

Андрей Леонидович КАРЛОВ,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

dys_karlov@mail.ru

ПИСЬМЕННАЯ (СКРИПТО-КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ) ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И ОРИГИНАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

WRITTEN (SCRIPT AND CONVENTIONAL) FORM OF PROCEDURAL AGREEMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: THE GENERAL APPROACHES AND INITIAL INTERPRETATION

В статье на основе анализа института досудебного соглашения о сотрудничестве предложена авторская интерпретация процессуальных соглашений как формы письменного согласования качественного и количественного содержания некоторых оценочных понятий, содержащихся в конкретных правовых нормах. Автор полагает, что для разграничения схожих поощрительных механизмов могут применяться соглашения о деятельном раскаянии, о смягчающих обстоятельствах и др.

The article suggests the author's interpretation of procedural agreements as a form of written approval of qualitative and quantitative content of evaluative notions contained in the concrete legal provisions on the basis of analysis of the institute of pretrial cooperation agreement. The author considers that the sincere repentance and mitigating circumstances agreements can be used in order to distinct the similar incentive mechanisms.

Ключевые слова: процессуальное соглашение, досудебное соглашение о сотрудничестве, деятельное раскаяние, оценочные понятия.

Keywords: procedural agreement, pretrial cooperation agreement, sincere repentance, evaluative notions.

В последние годы значительное число авторов в своих работах затрагивают вопросы, связанные с процессуальными соглашениями. Интерес к данным вопросам в большей степени связан с активным при-

менением досудебных соглашений о сотрудничестве, число которых неуклонно растет с каждым годом¹, с новизной возникающих в процессе их реализации правоотношений, а также их комплексным, межинституциональ-

¹ За 2013 г. в суды поступили 3261 уголовное дело, по которым были заключены досудебные соглашения, в 2014 г. – 4241 дело, а в 2015 г. их число составило уже 4543. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

ным характером. Представляется, что развитию учения о процессуальных соглашениях в России служат как внешние факторы, связанные с активным внедрением рассматриваемых соглашений в законодательство стран дальнего (Франция, Англия) и ближнего (Казахстан, Кыргызстан) зарубежья, так и внутренние, связанные с положительным опытом применения института досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам.

Необходимо уточнить, что, по нашему мнению, в действующем законодательстве России на сегодняшний день существует лишь одна разновидность процессуальных соглашений, а именно досудебное соглашение о сотрудничестве. Смежные институты, такие как особый порядок, регламентированный гл. 40 УПК РФ, сокращенное дознание, конечно, являются видами компромиссных производств, в их содержании проявляются отдельные элементы конвенциональной (договорной) природы. Вместе с тем процессуальный порядок их применения не связан непосредственно с составлением соглашения, а ограничивается лишь разрешением поступившего ходатайства (офертно-акцептная форма). Досудебное соглашение, в свою очередь, помимо этапа разрешения ходатайств содержит элемент письменного закрепления достигнутых договоренностей (скрипто-конвенциональная форма¹).

Именно этот элемент и является новой отличительной чертой досудебного соглашения, так как все остальные его составляющие в том или ином виде ранее уже встречались в законодательстве. Так, в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ указано, что в ходатайстве о заключении досудебного соглашения подозреваемый должен указать, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Аналогичные формулировки содержат и ст. 317.5, 317.7 УПК РФ, в которых идет речь об оценке соблюдения условий и выполнения обязательств досудебного соглашения.

Нетрудно заметить, что практически аналогичные формулировки встречаются в описании одного из смягчающих обстоятельств (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), формулировке специальных форм деятельного раскаяния (например, примечание к ст. 228 УК РФ), а также общей форме деятельного раскаяния (ч. 1 ст. 75 УК РФ). Еще более явное использование ранее применявшейся процессуальной формы можно встретить в судебном порядке рассмотрения уголовного дела с досудебным соглашением. Часть 1 ст. 317.7 прямо указывает на то, что судебное заседание по таким уголовным делам производится в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, то есть в особом порядке, как в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Формула назначения наказания лицу, заключившему досудебное соглашение, также не нова (ч. 1 ст. 62 УК РФ).

Соответственно, можно сделать промежуточный вывод о том, что досудебное соглашение имеет модульный характер, поскольку его содержательную конструкцию составляют уже использовавшиеся в уголовном и уголовно-процессуальном законах относительно самостоятельные блоки (модули), среди которых действительно новым выступает лишь один элемент – письменно оформленное соглашение.

Несмотря на то, что в 2009 г. введение досудебного соглашения в российское законодательство было воспринято неоднозначно, в последние годы схожие с ним институты появились в целом ряде стран постсоветского пространства, причем можно отметить, что скрипто-конвенциональная форма выходит за рамки соглашений о сотрудничестве. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан с 2014 г. предусматривает две формы процессуальных соглашений: в форме сделки о признании вины – по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям, а также в форме соглашения о сотрудничестве – по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких

¹ Предложенный термин отражает письменную фиксацию результатов соглашения (от лат. scriptum – письменное выражение, conventio – соглашение).

преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений (ст. 612 УПК РК). Причем обе формы предполагают составление отдельного письменного документа (соглашения). Схожий подход использован законодателем Кыргызской Республики, где в новой редакции Уголовно-процессуального кодекса, вступающего в силу в 2019 г., предусматриваются три формы процессуальных соглашений: о признании вины, о сотрудничестве, о примирении сторон (гл. 58 УПК КР). Несколько иной порядок допускает УПК Украины 2016 г., которым предусмотрены два вида соглашений – о примирении и о признании вины (ст. 468 УПК Украины).

Казалось бы, можно согласиться с авторами, положительно оценивающими подобные правовые механизмы и предлагающими распространить их на отечественное уголовно-процессуальное законодательство [3, с. 172; 4, с. 32], однако при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что далеко не во всех случаях составление письменных соглашений оправданно.

В качестве основного критерия необходимости письменной формы соглашения, по нашему мнению, должна выступать характеристика нормы, составляющей основное содержание какого-либо правового института. Составление процессуальных соглашений необходимо, если эта норма является диспозитивной, относительно определенной, предполагающей значительный уровень усмотрения правоприменителя. Посредством соглашения происходит конкретизация содержания такой нормы в привязке к конкретным обстоятельствам уголовного дела. Можно охарактеризовать такой тип правовых норм как «сложные» в противовес «простым», предписывающим конкретный алгоритм поведения при наличии объективных условий, установление которых не вызывает затруднений.

В качестве дополнительного критерия необходимо учитывать целесообразность (позитивную перспективу) предварительного согласования, когда достижение соглашения по отдельным вопросам между сторонами может

повлиять на их дальнейшие юридически значимые действия. Само соглашение при этом должно носить не констатирующий, а прогностический характер, то есть его действие всегда должно быть направлено в будущее.

Далее попробуем применить предложенные критерии к указанным выше конвенциональным процедурам, действующим в Российской Федерации.

На наш взгляд, нормы, предусматривающие особый порядок при согласии с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), нельзя отнести к «сложным», поскольку основания и условия его применения носят объективный по отношению к правоприменителю характер, помимо согласия с предъявленным обвинением каких-либо обязательных альтернативных действий закон не предусматривает, оценочные понятия в формулировках соответствующих норм практически не используются. Целесообразность письменного соглашения здесь также вызывает сомнения, поскольку для фиксации самого по себе согласия с предъявленным обвинением отдельный процессуальный документ в виде соглашения не требуется, а каких-либо иных обязательств гл. 40 УПК РФ на подозреваемого (обвиняемого) не возлагает.

Что касается примирения сторон, то по делам частного обвинения с учетом императивного характера ч. 1 ст. 20 УПК РФ согласовывать что-либо с подозреваемым не имеет смысла, поскольку для правоприменителя достаточно установить факт взаимного примирения, какая-либо вариативность в этом вопросе не допускается, соответственно, целесообразность соглашений о примирении вызывает сомнения. С учетом изменений, внесенных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, дела публичного обвинения прекращению в связи с примирением сторон не подлежат¹, поэтому в заданном аспекте они рассматриваться не будут. Решение о прекращении в связи с примирением сторон уголовных дел публичного обвинения является диспозитивным, предполагает определенный уровень усмотрения, включает оценочные понятия (например, «заглаживание причиненного вреда»). При этом,

¹ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. №323-ФЗ из ч. 3 ст. 20 УПК РФ исключена формулировка, позволяющая прекратить дело частного-публичного обвинения на основании ст. 25 УПК РФ.

несомненно, соглашение о примирении имеет позитивную перспективу, но сами по себе обязательства примирения находятся за рамками публичных интересов, в большей степени они лежат в сфере гражданско-правовых отношений [2, с. 64], поэтому письменное соглашение если и имеет смысл, то только между потерпевшим и обвиняемым, однако, по нашему мнению, такое соглашение не является предметом уголовно-процессуального регулирования. В связи с изложенным полагаем, что действующий в России порядок примирения сторон введения письменных соглашений не требует.

Можно отметить, что по законодательству Украины содержание института примирения сторон существенно отличается. Так, ст. 471 УПК Украины в рамках примирения позволяет согласовать с потерпевшим предполагаемое наказание за совершенное преступление, возможность освобождения от его отбывания или действия, направленные на возмещение вреда, что, в свою очередь, делает необходимым составление письменного соглашения.

Досудебное соглашение о сотрудничестве, напротив, соответствует обоим приведенным критериям, поэтому письменная форма согласования здесь объективно необходима, более того, в силу указанного выше сходства содержания досудебного соглашения с деятельным раскаянием и с некоторыми смягчающими обстоятельствами можно предложить расширить сферу применения письменных соглашений.

Действительно, нормы закона не разграничивают объем содействия, при котором должны применяться смягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, нормы о деятельном раскаянии (включая специальные формы, предусмотренные Особенной частью УК РФ) либо досудебное соглашение о сотрудничестве. Между тем этот вопрос имеет очень большое значение, так как несложно спрогнозировать ситуацию, при которой данные порядки могут конку-

рировать между собой, при этом сторона защиты до последнего не знает, как будет оценено содействие и какие меры еще можно предпринять, чтобы получить максимальное смягчение наказания. Неопределенность в данном случае формирует риски, делающие сотрудничество с обвинением неоправданным.

Полагаем, что для разрешения данного вопроса может быть применен институт процессуальных соглашений (скрипто-конвенциональная форма): самостоятельные соглашения об активном содействии (для применения п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также соглашение о деятельном раскаянии (для применения ч. 1 и ч. 2 ст. 75 УК РФ) либо альтернативный вариант, при котором в тексте досудебного соглашения о сотрудничестве указываются условия применения деятельного раскаяния или соответствующих смягчающих обстоятельств.

Определение границ содействия для каждого из оснований дало бы возможность сторонам четко оценить возможные перспективы постпреступного взаимодействия, учесть как частные, так и публичные интересы по делу, избежать конфликтных ситуаций и обеспечить индивидуализацию наказания. Порядок заключения таких соглашений вполне мог бы соответствовать положениям гл. 40.1 УПК РФ.

Рассуждения на эту тему привели нас к еще одной интересной гипотезе. Многие авторы утверждают, что досудебное соглашение является односторонним актом, так как не предусматривает никаких обязательств стороны обвинения. Фактически следователь и прокурор просто оценивают предлагаемый объем содействия, после чего суд реализует предусмотренную законом процедуру, рассматривая дело в особом порядке и снижая наказание за совершенное преступление. Несмотря на то, что в практической деятельности все-таки имеют место обратные примеры¹, в целом с приведенной позицией можно согласиться.

¹ По изученным уголовным делам, расследованным УФСКН России по Смоленской области, УФСКН России по Тульской области, текст досудебных соглашений содержал обязательство государственного обвинителя указать в суде на необходимость учесть наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также на возможность назначения наказания с учетом требований ст. 64 УК РФ либо ст. 73 УК РФ.

Таким образом, встает вопрос: что же согласуется в досудебном соглашении о сотрудничестве? На наш взгляд, в ответ стоит привести утверждение профессора А.А. Александрова: «уголовно-процессуальный закон вводит элемент интриги тем, что допускает конкурирующие интерпретации – со стороны обвинения и со стороны защиты» [1, с. 13]. Соответственно, можно предположить, что в досудебном соглашении о сотрудничестве стороны обвинения и защиты, по сути, взаимно интерпретируют оценочное понятие «активное содействие», согласовывают его количественные и качественные характеристики, определяют нижнюю границу достаточности такого содействия для применения ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ применительно к конкретному уголовному делу. Лишь в этом аспекте досудебное соглашение имеет двусторонний характер и является в полном смысле соглашением, только определяет оно не обязательства и не условия ответственности, а значение и содержание ключевых оценочных понятий.

Схожий механизм срабатывает и при применении других письменных соглашений, предложенных в данной работе, в них фактически может согласовываться значение таких оценочных понятий, как «активное содействие», «лицо перестало быть общественно опасным» и др. При этом объем этих понятий определяется тем правовым институтом, в котором само понятие использовано, а содержание – следственной ситуацией и обстоятельствами по конкретному уголовному делу.

Отдаем себе отчет в том, что предложенные механизмы и подходы имеют как сильные, так и слабые стороны, однако представляется, что оправданное применение скриптоконвенциональных форм позволит привести стороны «к общему знаменателю», исключит неопределенность в понимании некоторых законодательных формулировок, снимет вопросы о предвзятости или иной заинтересованности следователя при принятии отдельных решений, а также будет дополнительно стимулировать подозреваемых (обвиняемых) к позитивному постпреступному поведению.

Библиографический список

1. Александров, А.С. К вопросу о новой теории уголовно-процессуального доказывания / А.С. Александров, В.В. Терехин // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 1(15).
2. Головкин, Л.В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа / Л.В. Головкин // Законодательство. – 1999. – № 10.
3. Хасанова, С.Г. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в свете развития в России института медиации / С.Г. Хасанова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2014. – №2(139).
4. Шестакова, С.Д. Процессуальное соглашение по проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан глазами российского процессуалиста / С.Д. Шестакова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2.

УДК 342.9

Павел Евгеньевич ШИШКИН,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск)
pavel_shishkin83@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ПНЕВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

ON SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE LIABILITY IN THE SPHERE OF TRAFFICKING CIVILIAN PNEUMATIC WEAPON

В статье характеризуются административно-правовые проблемы, возникающие в сфере оборота гражданского пневматического оружия, в частности недостаточность административно-правовых средств контроля за оборотом оружия данного вида, а также необходимость существенных изменений в ст. 20.10 и ст. 20.13 КоАП РФ, а именно дифференцирования составов данных административных правонарушений исходя из предмета административного правонарушения, изменения подходов со стороны федеральных органов исполнительной власти к учету, в том числе при помощи автоматизированных информационно-поисковых систем рассматриваемого вида оружия.

The article considers administrative and legal issues emerged in the sphere of control for trafficking civilian pneumatic weapon, particularly, lack of administrative and legal means of control for trafficking this type of weapon and also necessity of substantial changes to Articles 20.10 and 20.13 of the Code on Administrative Offences of the RF, i.e. differentiation of elements of these administrative offences on the basis of the object of an administrative offence; changing approaches of the federal executive authorities to accounting of this type of weapon with the help of automated data-search system.

Ключевые слова: пневматическое оружие, контроль за оборотом гражданского оружия, административная ответственность за стрельбу из оружия в неустановленных местах, ст. 20.13 КоАП РФ, ст. 20.10 КоАП РФ.

Keywords: pneumatic weapon, control for trafficking civilian weapon, administrative liability for shooting in unidentified locations, Article 20.13 of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation, Article 20.10 of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation.

Сегодня государство прилагает серьезные усилия по совершенствованию как нормативно-правовой базы, так и правоприменительной практики в сфере оборота гражданского оружия. Несмотря на это, ряд проблем, связанных с оборотом гражданского оружия, продолжает оставаться нерешенным. В частности, анализ статистических данных, результатов интервьюирования представителей торговых предприятий, опроса сотрудников подразделений центра лицензионно-разрешительной работы управления Росгвардии по Красноярскому краю

позволяет сформулировать ряд проблем правового и организационного характера в сфере оборота гражданского пневматического оружия.

Помимо других видов гражданского оружия, достаточно распространенным на территории России является гражданское пневматическое оружие с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж и изделия, конструктивно схожие с оружием. В ходе интервьюирования владельцев 5 крупных торговых организаций г. Красноярска установлено, что данные торговые организации в период с 2012 г.

по 2016 г. реализовали 13954 единицы гражданского пневматического оружия (с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж) и 2200 изделий, конструктивно схожих с оружием, что почти в 3 раза превышает количество пневмати-

ческого оружия с дульной энергией более 7,5 Дж и калибром 4,5 мм, находящегося в обороте у граждан в 2013 г. на всей территории России (табл.).

Таблица

КОЛИЧЕСТВО ЕДИНИЦ ГРАЖДАНСКОГО ПНЕВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ
И КОНСТРУКТИВНО СХОДНЫХ С ОРУЖИЕМ ИЗДЕЛИЙ, РЕАЛИЗОВАННЫХ
ТОРГОВЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В Г. КРАСНОЯРСКЕ В 2012-2016 ГОДАХ

Год	Короткоствольное пневматическое оружие (с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж)	Длинноствольное пневматическое оружие (с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж)	Конструктивно сходные с пневматическим оружием изделия
ООО Оружейный магазин «Тигр»			
2012	1002	573	-
2013	490	1138	-
2014	327	715	-
2015	211	414	-
2016	278	446	-
ООО Торговая фирма «Охотничье оружие»			
2012	340	290	-
2013	420	431	-
2014	64	436	-
2015	12	163	-
2016	0	146	-
ООО «Сивил-Красноярск»			
2012	498	294	-
2013	529	307	-
2014	463	282	-
2015	313	204	-
2016	215	191	-
ООО «Солидарность»			
2012	130	113	-
2013	90	148	-
2014	107	116	-
2015	64	73	-
2016	69	53	-
ООО «Охотничий клуб»			
2012	0	444	694
2013	0	410	569
2014	0	268	435
2015	10	306	271
2016	1	371	231

Согласно п.п. 2 и 3 ст. Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» к гражданскому оружию относятся спортивное пневматическое оружие с дульной энергией, превышающей 3 Дж, а также охотничье пневматическое оружие с дульной энергией, не превышающей 25 Дж. Помимо этого ст. 9 Федерального закона «Об оружии» предусматривает приобретение в порядке, не подлежащем лицензированию, спортивного пневматического оружия с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибра до 4,5 мм включительно, которое не подлежит дальнейшей регистрации в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном в сфере оборота оружия, или его территориальном органе, юридическими лицами, занимающимися производством оружия или торговлей им, спортивными организациями и образовательными организациями.

Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о том, что ежегодно в гражданский оборот только в г. Красноярске переходит несколько тысяч единиц пневматического оружия с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж и изделий, конструктивно сходных с пневматическим оружием.

Первой выявленной нами проблемой является отсутствие контроля за оборотом данного вида оружия со стороны подразделений полиции или лицензионно-разрешительной системы подразделений Росгвардии.

Исходя из норм действующего законодательства, регламентирующего оборот гражданского оружия на территории Российской Федерации, полностью отсутствует система контроля за оборотом гражданского пневматического оружия, за исключением охотничьего пневматического оружия калибром свыше 4,5 мм и дульной энергией свыше 7,5 Дж, которое является объектом лицензионно-разрешительной системы подразделений Росгвардии, в таких ведомственных автоматизированных информационно-поисковых системах федеральных органов исполнительной власти, как Росгвардия и МВД России. Например, в случае совершения преступления или административного правонарушения с использованием гражданского пневматического оружия оперативно устано-

вить принадлежность и источник получения данного оружия не представляется возможным ввиду отсутствия автоматизированного учета данного оружия. Кроме того, при учете в информационных центрах МВД России предметов совершения преступлений или административных правонарушений не учитывается применение в качестве предмета общественно опасных деяний пневматического оружия, что не позволяет должным образом оценить степень угрозы данных предметов для личности, общества и государства.

Вместе с тем гражданское пневматическое оружие (с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж), равно как и изделия, конструктивно сходные с оружием, часто оказываются в руках несовершеннолетних, которые совершают с использованием данного вида оружия административные правонарушения, а в некоторых случаях и преступления. Например, в школе № 129 г. Красноярска в ходе ссоры 16-летний десятиклассник выстрелил из пневматического пистолета в сторону другого ученика школы, который в результате этого получил легкое ранение груди. Пневматический пистолет, по словам старшеклассника, он приобрел через Интернет у неустановленного лица (официальный сайт ГУ МВД России по Красноярскому краю. URL: <https://24.mvd.rf/news/item/823586>). На наш взгляд, это является последствием отсутствия контроля за оборотом вышеуказанных предметов повышенной опасности и пробелов в законодательстве об административных правонарушениях в данной сфере.

Второй проблемой в рассматриваемой сфере является то, что некоторые образцы пневматического оружия и конструктивно сходные с пневматическим оружием изделия – пневматические винтовки, пистолеты и револьверы с дульной энергией от 0,5 до 3 Дж независимо от калибра – внешне практически неотличимы от боевого или служебного оружия; например, пневматический пистолет МР-654 калибра 4,5 мм внешне неотличим от боевого пистолета Макарова или служебного ИЖ-71. Данный факт представляет определенную опасность и для самого лица, обладающего таким оружием, в том числе несовершеннолетнего, т.к. окружающие лица, в

том числе и сотрудники полиции, могут воспринять данное оружие как огнестрельное и действовать в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которая определяет, что «вооруженным сопротивлением и вооруженным нападением признаются сопротивление и нападение, совершаемые с использованием оружия любого вида, либо предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием и внешне неотличимых от него, либо предметов, веществ и механизмов, при помощи которых могут быть причинены тяжкий вред здоровью или смерть». В действующем законодательстве также отсутствует административная ответственность за хранение, ношение, перевозку и применение пневматического оружия несовершеннолетними.

Кроме этого отсутствует единая система учета реализации рассматриваемого вида оружия. При интервьюировании владельцев торговых организаций, осуществляющих реализацию оружия данного вида выявлено, что журналы учета реализации пневматического оружия (с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж) и отчетные документы ведутся не единообразно. Дело в том, что сегодня не только в специализированных магазинах по продаже оружия, но и в сувенирных магазинах продаются пневматические пистолеты и винтовки, в руководстве по эксплуатации (паспортах) которых написано, что это изделие «относится к конструктивно сходным с пневматическим оружием изделиям и не является оружием». При этом на упаковках, например отечественной модели МР-654К, имеется надпись: «Пистолет пневматический газобаллонный, калибр 4,5 мм, дульная энергия не более 3,0 Дж». Указанная информация основана на Федеральном законе «Об оружии» и определена в ГОСТ Р 51612-2000 «Оружие пневматическое. Общие технические требования и методы испытаний». При реализации вышеуказанной модели оружия и иных с аналогичными характеристиками сведения о виде, модели, номере и о гражданине, приобретающем данное оружие, не фиксируются в журналы реализации в торговой организации. Из указанного можно сделать вывод: учет и контроль за оборотом данного вида

оружия не ведутся, в первую очередь ввиду отсутствия нормативно-правового регулирования в данной сфере. Также в настоящее время пневматическое оружие стало активно реализовываться через интернет-магазины, деятельность которых проконтролировать гораздо сложнее, чем стационарные торговые предприятия, осуществляющие реализацию вышеуказанного вида оружия.

В ходе анализа действующего законодательства, устанавливающего административную ответственность в сфере оборота гражданского оружия, были выявлены следующие проблемы.

Во-первых, несмотря на существенные изменения законодательства, выявляются пробелы норм материального права, в частности нерешенность вопроса о безусловной необходимости реагирования полицией на каждый факт административного правонарушения, связанного с оборотом оружия. [см. подр.: 2]. Статья 20.10 КоАП РФ устанавливает ответственность за незаконные изготовление, продажу или передачу пневматического оружия с дульной энергией более 7,5 Дж и калибра 4,5 мм без разрешения федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, или ее территориального органа. Количество единиц оружия данного вида является несущественным. По данным, приведенным Е.А. Смирновой, по состоянию на 2013 г. на всей территории Российской Федерации в обороте у граждан находилось всего 4704 единицы (при этом в обороте находилось охотничьего гладкоствольного длинноствольного оружия – 4235552 единицы, газовых пистолетов и револьверов – 685496 единиц). [1].

Во-вторых, продолжая анализ проблем административной ответственности за нарушения, совершаемые в сфере оборота гражданского пневматического оружия, необходимо рассмотреть административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.13 КоАП РФ «Стрельба из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил или в не отведенных для этого местах». В действующей редакции статья имеет 3 части: ч. 1 предусматривает ответственность за стрель-

бу из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил; ч. 2 – за стрельбу из оружия в населенных пунктах или в других не отведенных для этого местах; ч. 3 – за стрельбу из оружия в населенных пунктах или в других не отведенных для этого местах, совершенное группой лиц либо лицом, находящимся в состоянии опьянения. В отличие от ст. 159 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, утвержденного Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г., устанавливающей ответственность за стрельбу из огнестрельного оружия в населенных пунктах и в не отведенных для этого местах, а также в отведенных местах с нарушением установленного порядка, ст. 20.13 КоАП РФ устанавливает ответственность за стрельбу из любых видов оружия, в том числе и гражданского пневматического оружия. Данная особенность приводит к различным проблемам при квалификации административных правонарушений, что более подробно рассмотрено в статье Е.А. Смирновой. [1]

При квалификации стрельбы из пневматического оружия по ч. 1 и 2 ст. 20.13 КоАП РФ необходимо учитывать специальный нормативный правовой акт, регламентирующий проведение спортивной стрельбы из пневматического оружия – приказ Минспорттуризма России от 27 апреля 2012 г. № 403 «Об утверждении требований к помещениям и участкам местности, специально приспособленным для спортивной стрельбы из пневматического оружия».

Несомненно, степень общественной опасности стрельбы из различных видов гражданского оружия в населенном пункте или в других не отведенных местах будет существенно различаться. Например, степень общественной опасности стрельбы в населенном пункте из охотничьего длинноствольного оружия с нарезным стволом или охотничьего длинноствольного гладкоствольного оружия будет существенно выше, чем стрельба в этом же месте из сигнального, газового или пневматического оружия.

Субъектом правонарушения, предусмотренного ст. 20.13 КоАП РФ, является физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Между тем зачастую пневматиче-

ское оружие от 3 до 7,5 Дж или изделий, конструктивно сходных с пневматическим оружием, оказывается у несовершеннолетних, не достигших возраста административной ответственности. Так, в г. Сыктывкаре 15-летний подросток по неосторожности во время стрельбы из пневматического ружья причинил ранение в область бедра своей сестре, которая каталась на велосипеде, а брат в это время перезаряжал оружие и случайно нажал на спусковой крючок (официальный сайт УМВД России по г. Сыктывкару. URL: <https://умвд.11.мвд.рф/news/item/8376102>). Часто отсутствие со стороны законных представителей контроля за пневматическим оружием, находящимся у несовершеннолетних, приводит к совершению преступлений, которые становятся резонансными и активно освещаются средствами массовой информации; например, в апреле 2016 г. в г. Москве подросток обстреливал прохожих из пневматической винтовки (официальный сайт Первого канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-04-09/72667-v_moskve_podrostok_obstrelyal_prohozhih_iz_pnevmaticheskoy_vintovki).

Данные факты, на наш взгляд, требуют введения в ст. 20.13 КоАП РФ специальной нормы, устанавливающей ответственность за указанные деяния.

Рассмотренные выше проблемы в сфере оборота гражданского пневматического оружия послужили причиной для разработки Росгвардией законопроекта, ограничивающего оборот гражданского пневматического оружия (официальный сайт Российской Газеты. URL: <https://rg.ru/2017/02/06/pnevmaticheskoe-oruzhie-predlozhili-prodavatolko-po-pasportu.html>).

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, необходимо предпринять меры по решению правовых и организационных вопросов.

Во-первых, необходимо дополнить ст. 20.10 КоАП РФ:

частью 2: «Незаконные приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка или ношение гражданского пневматического оружия с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж или изделий, конструктивно сходных с пнев-

матическим оружием, несовершеннолетними в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет влечет наложение административного штрафа в размере от полутора тысяч до трех тысяч рублей с конфискацией пневматического оружия или изделия, конструктивно сходного с пневматическим оружием, или без таковой»;

частью 3: «Незаконное применение, продажа, передача, хранение, перевозка или ношение гражданского пневматического оружия с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж или изделий, конструктивно сходных с пневматическим оружием, несовершеннолетними в возрасте до шестнадцати лет, влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей с конфискацией пневматического оружия или изделия, конструктивно сходного с пневматическим оружием, или без таковой».

Во-вторых, модернизировать законодательство в области гражданского пневматического оружия и практику его применения путем принятия подзаконных актов, устанавливающих единообразную систему учета реализуемого пневматического оружия и предметов, конструктивно сходных с оружием, в торговых организациях независимо от форм собственности. В рамках реализации данной меры необходимо принять подзаконный акт федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере оборота оружия (Росгвардии), регламентирующий порядок формирования и ведения реестра гражданского пневматического оружия независимо от калибра и дульной энергии на территории России.

В-третьих, необходимо внести изменения в действующие нормативно-правовые акты для изменения административно-правового режима оборота гражданского пневматического оружия путем корректировки дозволенного метода правового регулирования, а именно регистрации оружия в подразделениях лицензионно-разрешительной работы Росгвардии, что позволит вносить сведения о приобретенном гражданами оружии в ав-

томатизированные информационно-поисковые системы и использовать данные сведения в дальнейшем при пресечении и раскрытии преступлений и административных правонарушений. При этом обеспечивается соблюдение баланса частного и публичного интересов, т.к. при учете вышеуказанного оружия путем регистрации, в отличие от разрешительного метода, не требуется проверок условий хранения оружия, оплаты государственных пошлин за оказание государственных услуг, продления сроков действия разрешений или лицензий и т.п.

В-четвертых, необходимо дополнить ст. 20.13 КоАП РФ:

частью 1.1: «Стрельба из пневматического оружия с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж и изделий, конструктивно сходных с пневматическим оружием, в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил влечет наложение административного штрафа в размере от полутора тысяч до трех тысяч рублей с конфискацией пневматического оружия или изделия, конструктивно сходного с пневматическим оружием, или без таковой»;

частью 2.1: «Стрельба из пневматического оружия с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж и изделий, конструктивно сходных с пневматическим оружием, в населенных пунктах или в других не отведенных для этого местах влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей с конфискацией пневматического оружия или изделия, конструктивно сходного с пневматическим оружием»;

частью 3.1: «Действие, предусмотренное частью 2.1 настоящей статьи, совершенное группой лиц либо лицом, находящимся в состоянии опьянения, влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей с конфискацией пневматического оружия или изделия, конструктивно сходного с пневматическим оружием»;

частью 4: «Стрельба из пневматического оружия с дульной энергией от 3 до 7,5 Дж и изделий, конструктивно сходных с пневматическим оружием, в населенных пунктах или

в других не отведенных для этого местах, совершенная несовершеннолетним в возрасте до шестнадцати лет, влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей в размере от пяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей с конфискацией пневматического оружия или изделия, конструктивно сходного с пневматическим оружием».

Предложенные выше изменения в нормы действующего законодательства, в первую очередь в материальные нормы ст. 20.10 и 20.13 КоАП РФ, позволят усилить контроль за соблюдением норм действующего законодательства в данной сфере и положительно повлияют на состояние общественного порядка и общественной безопасности на всей территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. Смирнова, Е.А. Практика применения органами внутренних дел (полицией) и судом правовых норм, содержащихся в статье 20.13 КоАП РФ / Е.А. Смирнова // Научный портал МВД России. – 2014. – № 4. – С. 83-91.
2. Цуканов, Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях / Н.Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2008. – № 4. – С. 7-10.
3. Шишкин, П.Е. К вопросу о путях совершенствования административно-правового режима оборота гражданского пневматического оружия / П.Е. Шишкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 15-1. – С. 169-171.

УДК 342.5

Валерий Валерьевич ЧУГАЕВ,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск)
wigi7@mail.ru

АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ О МЕСТЕ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ENGLISH AWARENESS ABOUT THE POSITION OF A HEAD OF STATE IN THE SYSTEM OF GOVERNMENTAL AUTHORITY

Целью данной статьи является, на основе анализа английских политико-правовых воззрений второй половины XVII – первой половины XIX веков, формулирование наиболее общих представлений о характерных чертах должной модели главы государства, способной соответствовать требованиям эффективного управления. На основе результатов исследования идеологического климата, сложившегося в английском обществе в XVIII веке, автор делает вывод о том, что проблема возрастания королевских прерогатив виделась в порочности английской избирательной системы и в несовершенстве процессов, связанных с исполнением своих обязанностей членами палаты Общин.

The purpose of the article is formulating the most common views of the features of due model of a head of state who can meet the requirements of effective governance on the basis of the analysis of English political and legal attitudes of the second half of the XVII – the first half of the XIX centuries. According to the results of the research of ideological climate of the English society of the XVIII century, the author makes a conclusion that the problem of increasing royal prerogatives consisted in viciousness of the English election system and deficiencies of processes related to the duties of the members of the House of Commons.

Ключевые слова: глава государства, Корона, парламент, прерогатива, полномочия, политико-правовые учения.

Keywords: a head of state, Crown, parliament, prerogative, powers, political and legal studies.

Вопрос об идеальной форме государства по-разному решается в исторической и теоретико-правовой литературе. В качестве тенденции конца XVII – начала XVIII веков можно отметить вытеснение теологического мировоззрения новым натурфилософским подходом. Старые принципы уже потеряли свою значимость, а новые еще не были сформулированы. В период конца XVII – начала XIX веков в рамках политико-правовых учений отсутствовал единый подход к идеальной модели государственного правления, включающей главу государства, отвечающего интересам правящей элиты.

Английскими мыслителями хорошо была усвоена аристотелевская мысль о человеке как общественном существе. Общество для нормального функционирования нуждается в порядке. Но сам по себе порядок возможен только тогда, когда каждый орган или член тела – государства, общества – будет знать свое место и выполнять только строго оговоренные функции. Корона считалась главой администрации, но вопрос о возможности ограничения полномочий Короны не был решен однозначно, одни утверждали, что прерогатива Короны должна ограничиваться приглашением изначально заключенным, другие

– что власть Короны не может быть ограничена людьми, так как дана Богом.

Идея ограничения королевской власти была одной из центральных как в период английской буржуазной революции, так и в последующие. В период, предшествующий «Славной революции» 1688-1689 годов, королевская власть, королевское правительство для многих являлось своеобразным антикризисным гарантом как политического, так и экономического характера. «Что до короля, нашего суверенного господина, – писал У. Уинтворт сыну, – то молитесь за него и повинуйтесь его законам; ибо в его безопасности – богатство и процветание его подданных, а государство – это корабль, на котором мы плывем» [12, с. 172-174]. Одними авторами из факта необходимости королевской власти делался вывод о ее абсолютном, неограниченном характере, другие же приходили к выводу о том, что сама Корона должна находиться под контролем закона. Ввиду этого, как правило, во всех идейных дискуссиях неразрывно рассматривались вопросы соотношения королевской власти и общего права, с одной стороны, соотношения власти Короны и полномочий палаты Общин – с другой.

По утверждению английского историка У. Кэмпдона, в середине XVII века целые отрасли государственной политики относились к прерогативе Короны и не подлежали обсуждению ни со стороны палаты Общин, ни со стороны отдельных подданных [3, с. 116].

Зародившаяся в результате событий 1688-1689 годов обновленная система управления, предполагавшая сужение сферы королевского влияния, по сути, предопределила основные векторы развития политической идеологии. В числе первых, кто попытался обосновать происходящие изменения, был Дж. Локк, отдельные идеи которого частично воплотились в постреволюционном законодательстве, а их автор превратился в сторонника событий 1688-1689 годов. Издав свои труды в 1690 году, он посвятил их Вильгельму III.

Дальнейшее развитие политической мысли о природе и объеме королевской власти, частично следуя локковской концепции, шло

по пути обоснования необходимости ограничения королевской прерогативы. В числе немногих, кто поддерживал идею о святости и неприкосновенности прерогативы, был Э. Берк. В труде «Размышления о революции во Франции» [14] автор проводил мысль о естественном возникновении государства и общества и о недопустимости ломки государственных институтов в процессе общественных преобразований.

Генри Сент Джон, первый виконт Болингброк, оценивая состояние государственного устройства современной ему Англии, писал: «... хорошее управление обеспечивается в нашей конституции единением интереса короля и подданных..., если он сталкивается с оппозицией, это свидетельствует о том, что его политика была ошибочной, и он должен изменить ее» [9, с. 304-305].

Обосновывая «систему свободного правления», Г. Болингброк приходит к выводу, что, кроме разделения властей, необходим также механизм взаимного сдерживания и контроля, который бы гарантировал равновесие между властями.

В 1738 году Г. Болингброк завершил трактат «Идея о Короле-Патриоте» [1]. «Король-Патриот», по мнению Г. Болингброка, должен выступать арбитром в политической борьбе, соизмеряющим узкокорыстные интересы каждой из группировок с национальными: «Он в качестве временной меры может благоволить к одной партии и охлаждать рвение другой» [1, с. 228]. Настаивая на приоритете политики уступок и компромиссов, Г. Болингброк полагал, что реформы, вовремя проведенные сверху, являются безотказным средством даже в условиях гражданской войны.

Идеолог английской либеральной буржуазии И. Бентам разработал теорию утилитаризма и с ее помощью обосновал программу демократизации политических и правовых институтов. В 1776 году И. Бентам выступил с трактатом «Фрагменты о правлении» [8], а в 1780 году подробно развил свои взгляды во «Введении к принципам морали и законодательства» [13]. «Фрагменты о правлении» сыграли немалую роль в критике английского государственного устройства и законодатель-

ства. В работе отрицается правомерность существования палаты Лордов (поскольку она была непредставительной), аргументируется необходимость проведения реформы палаты Общин, введения всеобщего избирательного права [4, с. 138]. Эти идеи в определенной степени овладевали умами крупных, средних и мелких предпринимателей, создавая условия для развития двух политических течений – буржуазного либерализма и мелкобуржуазного радикализма.

Отдельного внимания заслуживают такие представители радикального направления, как Дж. Пристли и Р. Прайс. Среди политических трудов наибольшую известность получили трактаты Дж. Пристли «Опыт о первых принципах правления и природе политической, гражданской и религиозной свободы» 1768 года, «Обращение к протестантским диссентерам ... относительно состояния гражданской свободы в целом и американских дел в частности» 1774 года и знаменитые «Письма к почтенному Э. Берку», вызванные его «Размышлениями по поводу революции во Франции» 1791 года. Из работ Р. Прайса можно назвать такие, как «Замечания о природе гражданской свободы, принципах правления и справедливости и благоразумии войны в Америке» 1776 года, «Дополнительные замечания о природе и ценности гражданской свободы и войны с Америкой» 1777 года, «Замечания о значении американской революции и способах использования ее на благо мира» 1784 года, а также «Беседа о любви к нашей стране» 1789 года.

В трактате «Опыт о первых принципах правления и природе политической, гражданской и религиозной свободы» Дж. Пристли писал: «... создание общества и правительства было актом сознательной воли людей ... их главное предназначение заключается в обеспечении общего блага ... источником всякой власти в обществе является народ». По его мнению, общество и правительство находятся «в руках божественного провидения и являются великим орудием прогресса рода человеческого к совершенству». По мнению автора, в любом обществе естественные права и свободы человека должны быть

ограничены, и это ограничение является сознательным для каждого индивида, как жертва на алтарь общего блага.

По мнению Дж. Пристли, «идеальным было бы такое общественное устройство, при котором каждый член общества обладал бы максимальной политической свободой, то есть имел возможность принимать непосредственное участие в управлении и занимать любые общественные должности» [7, с. 37]. Несмотря на радикальный характер концепции Дж. Пристли, она оказалась в значительной мере консервативной. По мнению автора, все высшие государственные должности должны были занимать только лица, обладающие значительной собственностью, так как ввиду их образованности только они способны были судить об общественном благе [7, с. 20-22, 46-47].

«Замечания о природе гражданской свободы, принципах правления и справедливости и благоразумия войны в Америке» Р. Прайса, вышедшие на несколько лет позже, во многом совпадали по содержанию и по используемой Дж. Пристли методологии рассмотрения поставленных проблем [7, с. 45], но, несмотря на это, они имели свои, продиктованные сложившейся политической обстановкой особенности.

Р. Прайс рассматривает понятие свободы, для обеспечения которой человеку необходимо предоставить возможность принимать участие в процессе создания норм общего права. Свободное государство и общество, по его мнению, «управляют собой по собственному усмотрению и на основании собственных законов, не являющихся объектом воздействия со стороны чуждой им власти, в назначении и управлении которой не принимает участия подконтрольный представительный орган» [11, с. 4, 9]. В связи с этим автор отмечает недопустимость обмена полномочиями между палатой Общин и Короной. Власть, приобретенная в результате волеизъявления подданных, не может быть основанием превосходства ее носителя над остальными членами общества, поскольку и правители, и подданные равны перед лицом закона. Верховной властью в обществе является закон, представляющий концентриро-

ванное выражение общественной воли [11, с. 19, 25].

Помимо разработки теоретической модели просветители должны были решить вопрос о практическом воплощении выработанных идей. Данную цель попытались достичь Дж. Бург и Дж. Картрайт, которые выявили и определили пути реализации отдельных положений политической концепции Дж. Пристли и Р. Прайса. Следует согласиться с С.Б. Семеновым, что деятельность Дж. Бурга и Дж. Картрайта проявила одну из интереснейших особенностей радикальной политической мысли – стремление оживить любую теоретическую идею, приблизить ее к реальности и придать черты конкретного политического требования [7, с. 56].

В 1771 году Дж. Бург приступает к написанию труда «Политические исследования. Изучение общественных ошибок, недостатков и злоупотреблений» [10]. Неоднозначное отношение к поставленной проблеме обеспечило возникновение дискуссии вокруг работы и заставило прислушаться к авторским идеям. В каждой главе книги содержалось описание отдельных недостатков существующего правления, что делало ее обвинительным приговором, сопровождающимся конкретными ссылками на исторический опыт и конституционную практику.

Большую часть книги Дж. Бург посвятил политическим вопросам. Как отмечает автор, «вся законная власть, будь то законодательная или исполнительная, принадлежит и происходит от народа» [10, с. 3-4, 257].

Институты народного суверенитета и свободного правления на практике выражались в продажности членов палаты Общин, распушенности и безнаказанности министров Короны и полном политическом беспорядке подданных. Для искоренения негативных явлений и изолирования всевозможных предпосылок разлада английской политической системы необходимо было понять причину сосредоточения в конституции такого количества пороков и злоупотреблений. По мнению Дж. Бурга, современное ему правительство – «это не абсолютная монархия, не ограниченная монархия, не аристократия и не демократия, ... В действительности бри-

танское правительство – это хунтократия, или правление министра и его шайки, бегающих вокруг Короны» [10, с. 49-50].

В XIX веке широкое распространение получила теория верховенства Парламента. Описанная в «комментариях к законам Англии» У. Блэкстона, она фактически отрицает возможность «естественного состояния» и договорного происхождения государства. У. Блэкстон полагал, что во всяком государстве, каковы бы ни были его происхождение и формы, должна быть высшая, абсолютная, неконтролируемая власть, в которой пребывает суверенитет.

Парламент, по У. Блэкстону, имеет «суверенную и неконтролируемую власть в вопросах создания, утверждения, дополнения, ограничения... аннулирования, отмены, восстановления и толкования законов... Он может изменять и создавать заново даже конституцию королевства... Коротко говоря, он может делать все, кроме невозможного в естественном отношении» [5, с. 74].

Учение о суверенитете Парламента в той или иной форме признавалось большинством английских юристов XIX века. Например, А.В. Дайси пишет: «Это учение о законодательном верховенстве Парламента есть краеугольный камень всего нашего государственного права» [2, с. 82]. Перечисляя ряд прерогатив Парламента, он замечает, что нет ни лица, ни учреждения, за которыми бы английский закон признавал право преступать или не исполнять законодательные акты Парламента [2, с. 88]. Английский юрист С. Лоу, подтверждая концепцию А.В. Дайси, исходит из деления суверенитета на юридический и политический. По мнению С. Лоу, политический суверенитет принадлежит подданным, а юридический – Парламенту. Однако в отличие от А.В. Дайси С. Лоу пытался совместить верховенство Парламента с верховенством подданных. По мнению автора, подданные являются носителями истинного суверенитета, верховенство которого должно быть обеспечено заключаемыми конституционными соглашениями. [6, с. 290] В работе «Государственный строй Англии» С. Лоу признает фактическую власть министров Коро-

ны, имеющую партийный и секретный характер. [6, 290]

Особенность английского просветительского движения состояла в том, что на его долю выпала не столько деструктивная критика старого режима, сколько конструктивная работа с целью обоснования и утверждения нового строя, укрепления еще не устоявшихся его экономических и политических черт. Вслед за Дж. Локком они доказывали превосходство английского «смешанного правления» конституционной монархии, достоинства парламентарного режима.

В результате исследования идеологического климата, сложившегося в английском государстве в XVIII веке, явившегося результатом синтеза теоретических положений сторонников теологической теории, оппозиционных идей представителей якобитского движения, а также творческих усилий английских идеологов просвещения, можно сделать вывод, что проблема возрастания королевских прерогатив, положенная в основу размышлений политических кругов, виделась в порочности самой английской избирательной системы и в несовершенстве процессов, связанных с исполнением своих обязанностей членами палаты Общин.

В целом можно заключить, что основными характеристиками идеальной модели главы государства с точки зрения английских мыслителей конца XVII – первой половины XIX веков являются следующие:

– Корона суверенна в той мере, в какой это не противоречит суверенитету подданных;

– Корона не может делать зла, так как она должна действовать в интересах общества и является гарантом английской конституции;

– прерогатива Короны священна, но она должна быть ограничена палатой Общин;

– взаимоотношение Короны с другими органами государства должно строиться на основе сдержек и противовесов;

– Корона не является законодательным органом, а соответственно, не может вводить и изменять налоги, а также выводить кого-либо из сферы регулирования акта, принятого палатой Общин;

– Корона не может вмешиваться в избирательный процесс, а также применять вооруженные силы против своих подданных, в случае же существенного нарушения прав и свобод подданных они имеют право на восстание, а Корона может быть свергнута.

Библиографический список

1. Болингброк, Г. С.-Дж. Идея о Короле-Патриоте. Письма об изучении и пользе истории / Г. С.-Дж. Болингброк. – М.: Наука, 1978.
2. Дайси, А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / А.В. Дайси. – М.: Издание Типографии И. Д. Сытина, 1907.
3. Лабутина, Т.Л. Английская революция и интеллектуальное развитие общества в середине XVII / Т.Л. Лабутина. // Вопросы истории. – 2006. – № 4.
4. Кертман, Л.Е. География, история и культура Англии / Л.Е. Кертман. – М.: Высшая школа, 1979.
5. Кузьмин, Э.Л. Мировое государство: иллюзии или реальность? / Э.Л. Кертман. – М.: Международные отношения, 1969.
6. Лоу, С. Государственный строй Англии / С. Лоу. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1910.
7. Семенов, С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века / С. Лоу. – Самара: СамГПУ, 1995.

8. Bentham, J. Fragment on Government / ed. J. H. Burns, H. L. A. Hart. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

9. Bolingbroke, H. A political study and eroticism / H. Bolingbroke. – London: Clarendon Press, 1884.

10. Burgh, J. Political Disquisitions. An Enquiry into Public Errors, Defects, and Abuses. Calculated to Draw the Timely Attention of Government and People to Due Consideration of the Necessity, and the Means of Reforming Those Errors, Defects, and Abuses; of Restoring the Constitution, and Saving the State. 3 vols. / J. Burgh. – New York : Da Capo Press, 1971 (1st.ed. 1774-1775). – Vol. II. – P. 123-127. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/e/evans/N10941.0001.001?view=toc> (дата обращения: 17.07.2011).

11. Price, R. Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America / R. Price. – London : Printed for Edward and Charles Dilly and Thomas Cadell, 1776.

12. Sommerville, J. P. Politics and ideology in England / J. P. Sommerville. – London: Longman Publishing Group, 1986.

13. The Collected Works of Jeremy Bentham: An Introduction to the Principles of Morals and Legislation /ed. J. H. Burns, H. L. A. Hart. – London : Clarendon Press, 1996.

14. URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php> (дата обращения: 23.12.2016).

АННОТАЦИИ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
САБЛИНОЙ МАЙИ АЛЕКСАНДРОВНЫ «ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ИНСТИТУТЕ СОУЧАСТИЯ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (Г. МОСКВА, 2016. – 233 С.)**

**THE REVIEW OF OFFICIAL OPPONENT ON THE DISSERTATION
OF SABLINA MAJA ALEKSANDROVNA «THE PERSON COMMITTING
THE CRIME IN THE INSTITUTE OF COMPLICITY» SUBMITTED
FOR CONFERRING AN ACADEMIC DEGREE OF A CANDIDATE OF LAW
ON THE SPECIALTY 12.00.08 – CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY;
CRIMINAL AND PENAL LAW (MOSCOW, 2016. – 233 P.)**

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений. Действующее уголовное законодательство среди всех соучастников выделяет прежде всего исполнителя преступления (ч. 1 ст. 33 УК РФ), который является ключевой фигурой в том смысле, что в его деянии воплощаются результаты усилий других соучастников преступления. Поэтому в целях дифференциации уголовной ответственности и наказания соучастников преступления необходимо правильно определить юридическую роль каждого из них. Однако в практике применения уголовного закона нередко в качестве деяния исполнителя преступления оценивают деяния других соучастников. Прежде всего в качестве соисполнительства оценивают действия пособников, оказавших содействие исполнителю на месте и во время совершения им преступления, что влечет необоснованное усиление уголовной ответственности таких лиц. Сложившаяся правоприменительная практика расширенного толкования группового способа совершения преступления в значительной степени вытекает из несовершенства уголовного зако-

на. Одной из причин этой ситуации является недостаточная научная проработка соответствующих положений уголовного закона об исполнителе преступления и практики его применения. Диссертационное исследование М.А. Саблиной в определенной мере способствует решению возникших проблем.

Логичной представляется структура работы, которая состоит из введения, двух глав, объединяющих пять параграфов, заключения, библиографического списка и семи приложений.

Во введении соискатель обосновывает актуальность избранной темы исследования, показывает степень ее научной разработанности; определяет объект и предмет, цели и задачи исследования; указывает на методологические основы и методы исследования, его теоретическую базу, нормативную и эмпирическую основы; характеризует научную новизну исследования, формулирует основные положения, выносимые на защиту; показывает теоретическую и практическую значимость исследования; характеризует обоснованность и достоверность результатов проведенного

исследования, приводит данные об их апробации; обозначает соответствие диссертации паспорту научной специальности; обосновывает структуру работы.

В первой главе диссертации дается уголовно-правовая характеристика исполнителя преступления. Соискатель отмечает, что понятие «исполнитель» должно употребляться исключительно в рамках института соучастия. В работе справедливо критикуется судебная практика, которая нередко признает наличие группы лиц при выполнении объективной стороны состава преступления двумя и более лицами, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления, а также при наличии тех соучастников, которые только содействуют выполнению объективной стороны. В связи с этим соискатель правильно указывает, что совершение преступления группой лиц является соисполнительством преступления, при котором выполнение объективной стороны состава преступления осуществляется двумя и более лицами, каждое из которых является субъектом соответствующего преступления. Однако при этом соискатель считает, что в данном случае речь не идет о выполнении только деяния, входящего в эту объективную сторону. Конструктивной является также критическая позиция соискателя в отношении судебной практики, когда все участники организованной группы и преступного сообщества независимо от их роли в совершении преступления признаются соисполнителями преступления. В работе правильно отмечается, что такая практика не основана на уголовном законе, требующем выделения видов соучастников исходя из их фактического участия в совместном преступлении.

Предметом научной полемики является предложение соискателя о квалификации действий лица, обладающего признаками общего субъекта преступления и совершившего объективную сторону преступления вместе с лицом, обладающим признаками специального субъекта преступления, по совокупности преступления в тех случаях, когда в уголовном законодательстве предусмотрена статья, устанавливающая самостоятельную ответственность в отношении общего субъекта пре-

ступления, например по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 116, 334 УК РФ. Полемичным также является утверждение соискателя о том, что необходима ссылка при квалификации действий соисполнителей преступления на соответствующие части ст. 33 УК РФ, если они не только выполняли объективную сторону конкретного состава преступления, но осуществляли организаторские, подстрекательские или пособнические функции.

Вторая глава диссертации посвящена проблемам отграничения исполнителя от других соучастников преступления. Для решения этой проблемы соискатель определяет содержание организаторской, подстрекательской и пособнической деятельности. При этом обстоятельному анализу подвергается анализ тех составов преступлений, в которых эта деятельность получила уголовно-правовую оценку в качестве самостоятельного преступления. Полагаем, что законодательная практика расширения числа таких составов преступлений является излишней криминализацией действий организаторов, подстрекателей и пособников, порождающей сложные вопросы конкуренции уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении. Для решения возникшей проблемы соискатель предлагает ввести в научный оборот понятия вспомогательного и основного составов преступления. Под вспомогательным составом преступления соискатель предлагает понимать такой состав, объективную сторону которого образуют деяния организаторские, подстрекательские и пособнические при условии, что их связь с другим преступлением является криминообразующим признаком этого состава преступления. Под основным составом преступления соискатель предлагает понимать такой состав, в котором содействие выполнению объективной стороны является криминообразующим признаком для вспомогательного состава преступления. В целях гармонизации редакции составов преступлений, в которых организаторская, подстрекательская и пособническая деятельность получает самостоятельную уголовно-правовую оценку, соискатель предлагает внести целый ряд изменений в уголовный закон.

В правоприменительном аспекте соискатель предлагает совершение указанных действий квалифицировать по статьям УК РФ, предусматривающим их во вспомогательном составе преступления, в тех случаях, когда содержащееся в этих статьях наказание превышает то наказание, которое закреплено в статье УК РФ, содержащей основной состав преступления

К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики, следует отнести:

- критическое обобщение научных исследований, посвященных уголовно-правовым проблемам исполнителя преступления;

- авторское определение исполнителя, выделение его уголовно-правовых признаков;

- уголовно-правовую классификацию исполнителей преступления на виды;

- предложения по совершенствованию уголовного законодательства об исполнителе преступления, прежде всего авторская редакция ст. 33 УК РФ о видах соучастников и ст. 34 УК РФ об основаниях их ответственности;

- предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об исполнителе преступления, прежде всего предложения о квалификации совершенных им преступных деяний, подпадающих под признаки общей и специальной норм о соучастии, а также предложения о квалификации действий участников организованной группы и преступного сообщества в зависимости от выполняемой ими роли в совершении конкретного преступления.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о завершеном и самостоятельном научном исследовании. Вместе с тем в тексте диссертации содержатся положения, по поводу которых необходимо сделать замечания.

1. Нуждается в уточнении предложенное соискателем определение исполнителя преступления (с. 8, 42-46, 226). Соискатель

указывает на то, что для соисполнительства необходимо полное или частичное выполнение объективной стороны состава преступления. Такое понимание соисполнительства во многом соответствует сложившейся судебной практике расширенного толкования группового способа совершения преступления. В соответствии с таким толкованием лица, связанные предварительным сговором и оказавшие содействие исполнителю на месте и во время совершения им преступления, признаются участниками группового преступления. Например, участником группового преступления признается соучастник кражи, который обеспечил тайность хищения, отключив сигнализацию. Эта позиция не позволяет установить различие между соисполнителями преступления и иными соучастниками преступления и в конечном счете дифференцировать уголовную ответственность этих лиц. При этом соискатель такую судебную практику критикует (с. 89-93), однако его позиция объективно служит ее обоснованию. На наш взгляд, не всякое частичное выполнение объективной стороны состава преступления является соисполнительством, в частности обеспечение тайности хищения. Соисполнительством следует признавать только такое полное или частичное выполнение объективной стороны состава преступления, которое состоит в выполнении основной его части – деяния в узком его понимании как внешне-го физического выражения преступления в форме действия или бездействия.

2. Объектом критики является предложение соискателя о квалификации действий лица, обладающего признаками общего субъекта преступления и совершившего объективную сторону преступления вместе с лицом, обладающим признаками специального субъекта преступления, по совокупности преступления в тех случаях, когда в уголовном законодательстве предусмотрена статья, устанавливающая самостоятельную ответственность в отношении общего субъекта преступления, например по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 116, 334 УК РФ (с. 9, 89-90). Наши возражения основываются на том, что в данном случае реальная или идеальная совокупность преступлений

отсутствует, т.к. и фактически, и юридически совершается одно, а не два преступления. Подобная роль фактического соисполнителя преступления должна квалифицироваться в зависимости от обстоятельств как действия организатора, подстрекателя или пособника.

3. Нельзя согласиться с предложением соискателя о необходимости ссылки при квалификации действий соисполнителей преступления на соответствующие части ст. 33 УК РФ, если они не только выполняли объективную сторону конкретного состава преступления, но осуществляли организаторские, подстрекательские или пособнические функции (с. 92-93). На наш взгляд, позиция законодателя является правильной, т.к. он одновременно закладывает основы для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности различных соучастников преступления. Позиция законодателя, в соответствии с которой при наступлении уголовной ответственности соисполнителей ссылка на ст. 33 УК РФ не делается вне зависимости от их роли в преступлении, учитывает характер участия каждого в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ, ч. 1 ст. 67 УК РФ) и является дифференциацией уголовной ответственности. Требование законодателя учитывать степень фактического участия каждого из соучастников в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ, п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ, ч. 1 ст. 67 УК РФ) является индивидуализацией уголовной ответственности, в рамках которой можно учесть различный вклад каждого соисполнителя в совершение преступления. Например, можно назначить

более строгое наказание тому соисполнителю, который помимо участия в выполнении объективной стороны конкретного состава преступления осуществлял руководство действиями других соисполнителей.

Вместе с тем высказанные замечания не снижают значимости проделанной диссертантом работы. Диссертация Саблиной Майи Александровны, внесшая определенный вклад в решение поставленной проблемы, представляет собой актуальное самостоятельное научное исследование, которое имеет заверченный вид, основано на достаточной эмпирической базе, содержащиеся в нем выводы и предложения обладают научной новизной и практической значимостью, содержание автореферата соответствует содержанию текста диссертации, основные научные результаты отражены соискателем в двенадцати научных статьях, из которых четыре размещены в таких ведущих рецензируемых научных изданиях, как «Адвокатская практика», «Российский судья», «Право. Журнал Высшей школы экономики». Диссертация и автореферат соответствуют требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. На основании изложенного полагаю, что автор диссертации «Исполнитель преступления в институте соучастия» Саблина Майя Александровна заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Отзыв подготовил

Александр Викторович Шеслер, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор

**АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХ ИЗДАНИЙ
СИБЮИ МВД РОССИИ**

**ANNOTATED LIST OF NEW PUBLICATIONS ISSUED
AT SLI OF THE MIA OF RUSSIA**

Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгрессной части XIII Всероссийского специализированного форума (24–25 мая 2017 г.) / отв. ред. С.В. Гапонов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – ISBN 978-5-7889-0237-1. – 288 с.

В сборник вошли материалы научно-практической конференции «Актуальные формы противодействия идеологии терроризма: практический опыт и меры по совершенствованию деятельности», работавшей в рамках конгрессной части XIII специализированного форума «Современные системы безопасности – Антитеррор», прошедшего 24–25 мая 2017 г. в г. Красноярске. Материалы печатаются в авторской редакции.

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции (20–21 апреля 2017 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; СибЮИ МВД России. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – ISBN 978-5-7889-0256-2. – Ч. 1. – 228 с. – ISBN 978-5-7889-0258-6.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XX международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 20–21 апреля 2017 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции (20–21 апреля 2017 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; СибЮИ МВД России. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – ISBN 978-5-7889-0256-2. – ч. 2. – 296 с. – ISBN 978-5-7889-0260-9.

Modern security systems – Anti-terror: proceedings of the congress part of XIII All-Russian specialized forum (May 24-25, 2017) / Editor-in-chief S.V. Gaponov. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – ISBN 978-5-7889-0237-1. – 288 p.

Collected articles include proceedings of the scientific and practical conference «Relevant forms of counteraction to ideology of terrorism: practical experience and measures for activity improvement». The conference was held within the framework of the congress part of XIII specialized Forum «Modern Security Systems – Antiterror» (May 24-25, 2017, Krasnoyarsk). The proceedings are published in authors' version.

Current problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XX international scientific and practical conference (April 20-21, 2017): in 2 parts / Editor-in-chief N.N. Tsukanov; Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – ISBN 978-5-7889-0256-2. – Part 1. – 228 p. – ISBN 978-5-7889-0258-6.

The proceedings include theses of reports, messages and presentations of participants of the XX international scientific and practical conference «Current problems of fighting crime: issues of theory and practice», held on the basis of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on April 20-21, 2017.

The proceedings are published in authors' original version.

Current problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XX international scientific and practical conference (April 20-21, 2017): in 2 parts / Editor-in-chief N.N. Tsukanov; Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – ISBN 978-5-7889-0256-2. – Part 2. – 228 p. – ISBN 978-5-7889-0258-6.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XX международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 20–21 апреля 2017 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании : материалы всероссийской научно-практической конференции (11 марта 2017 г.) / отв. ред. Е.В. Панов. – Электронные текстовые и графические данные 6,75 Мбайт. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – ISBN 978-5-7889-0233-3. – Adobe Reader 6.0. – Официальный сайт Сибирского юридического института МВД России. Режим доступа: <https://сибюи.мвд.рф/>. – Загл. с титул. экрана.

В сборник включены материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной проблемам учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования и воспитанию здорового образа жизни, прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 11 марта 2017 г.

Сборник предназначен для преподавателей физической культуры, физической подготовки, адъюнктов, аспирантов и соискателей, занимающихся диссертационными исследованиями по специальностям 13.00.04 – теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры и 13.00.08 – теория и методика профессионального образования.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Молодежь, наука и цивилизация : межвузовский сборник тезисов докладов курсантов, слушателей и студентов. Выпуск 19 / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; Сибирский юриди-

The proceedings include theses of reports, messages and presentations of participants of the XX international scientific and practical conference «Current problems of fighting crime: issues of theory and practice», held on the basis of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on April 20-21, 2017.

The proceedings are published in authors' original version.

Optimization of educational and training process in the educational organizations of higher education. Healthy lifestyle as a factor of prevention of drug addiction: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (March 11, 2017) / Editor-in-chief Ye.V. Panov. – Electronic text and graphic data - 6,75 MB. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – ISBN 978-5-7889-0233-3. – Adobe Reader 6.0. – Official site of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Access mode: <https://сибюи.мвд.рф/>. – Heading from a title screen.

Collected articles include proceedings of the All-Russian scientific and practical conference devoted to the problems of teaching and educational training process in the educational organizations of higher education and to education of a healthy lifestyle, held at Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on March 11, 2017.

Collected articles are intended for teachers of Physical culture and Physical training, postgraduates of the police academy, postgraduate students and applicants carrying out research on specialty 13.00.04 – Theory and methodology of physical training, sports training, health-improving and adaptive physical culture and on specialty 13.00.08 – Theory and methodology of professional education.

The proceedings are published in authors' original version.

Youth, science and civilization : interuniversity collection of cadets' and students' reports. Issue 19 / Editor-in-chief N.N. Tsukanov; Siberian Law Institute of

ческий институт МВД России. – Электронные текстовые и графические данные 4,7 Мбайт. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – ISBN 978-5-0239-5. – Adobe Reader 6.0. – Официальный сайт Сибирского юридического института МВД России. Режим доступа: <http://www.sibli.ru>. – Загл. с титул. экрана.

В сборник включены тезисы докладов и сообщений курсантов, слушателей и студентов, прозвучавших на всероссийской межвузовской научной конференции, состоявшейся 18 мая 2017 г. в Сибирском юридическом институте МВД России. При публикации максимально сохранен стиль изложения авторов

Космодемьянская, Е.Е. Методика расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры : учебное пособие / Е.Е. Космодемьянская, М.Г. Ермаков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – ISBN 978-5-7889-0250-0. – 76 с.

В учебном пособии рассматриваются структурные элементы методики расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: криминалистическая характеристика, обстоятельства, подлежащие установлению, исходные следственные ситуации и система тактических задач в каждой из них, а также организационно тактические особенности производства отдельных следственных действий. Особое внимание уделено специфике расследования незаконного культивирования наркосодержащих растений методом гидропоники.

Учебное пособие предназначено для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России.

Токманцев, Д.В. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ : учебное пособие / Д.В. Токманцев. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – 80 с.

the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. – Electronic text and graphic data 4,7 Mb. – Krasnoyarsk : SLI of the MIA of Russia, 2017. – ISBN 978-5-0239-5. – Adobe Reader 6.0. – Official site of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <http://www.sibli.ru>. – Heading from a title screen.

The collection includes the brief outlines of cadets' and students' reports presented at the interuniversity conference, held on May 18, 2017 at Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The authors' style is maximally preserved in the publications.

Kosmodemyanskaya E.E. Methodology of investigation of illicit cultivation of plants containing narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors : tutorial / E.E. Kosmodemyanskaya, M.G. Ermakov. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – ISBN 978-5-7889-0250-0. – 76 p.

Structural elements of the methodology of investigation of illicit cultivation of plants containing narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors are considered in the tutorial: forensic characteristics, circumstances to be determined, the initial situations in investigation and the system of tactical tasks in every situation mentioned as well as organizational and tactical peculiarities of particular investigative actions. Special attention is given to the specific character of investigation of illicit cultivation of drug containing plants by hydroponics.

The tutorial is intended for the use by cadets and students of educational institutions of the MIA of Russia as well as by officers of drug law enforcement units of the MIA of Russia.

Tokmantsev, D.V. Criminal and legal characteristics of a violation of rules of the turnover of narcotic drugs or psychotropic substances : tutorial / D.V. Tokmantsev. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – 80 p.

В учебном пособии анализируются объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, рассматриваются проблемы квалификации данного преступления, даются рекомендации по их решению, приводятся примеры из судебной практики.

Пособие адресовано студентам (курсантам, слушателям) юридических вузов, будет полезным сотрудникам судебных и правоохранительных органов.

Основы личной безопасности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / В.А. Глубокий [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – 72 с.

В учебном пособии содержатся сведения об основных понятиях учебной дисциплины «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел», правовых гарантиях личной безопасности сотрудников при выполнении оперативно-служебных задач, приемах и способах профилактики воздействия на поведение сотрудников негативных психологических факторов экстремальных ситуаций, возникающих в процессе правоохранительной деятельности. Содержатся общие рекомендации по порядку действий личного состава при проведении отдельных специальных мероприятий, рекомендации по организации и проведению комплексных занятий по огневой и физической подготовке с сотрудниками органов внутренних дел.

Предназначено для курсантов и слушателей СибЮИ МВД России.

Галушин, П.В. Правовая статистика : учебно-практическое пособие / П.В. Галушин, В.В. Молоков, А.С. Шерстяных. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – 100 с.

В пособии рассматриваются основные вопросы учебной дисциплины «Правовая статистика». Изложение материала базируется на возможностях библиотеки статистических функций Microsoft Excel. Каждый раздел снабжен списком задач для самостоятельного решения.

Учебно-практическое пособие предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организации МВД России,

Objective and subjective aspects of corpus delicti of the crime provided for by the Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, problems of qualification of this crime, recommendations for solving them are considered; cases of court practice are given in the tutorial.

The tutorial is intended for law students (cadets, trainees) as well as for officers of court or law enforcement officers.

Basics of personal safety for law enforcement officers : tutorial / V.A. Glubokiy [and others]. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – 72 p.

The tutorial includes information on basic terms of the academic discipline «Personal Safety for Police Officers», on legal guarantees for personal safety of officers in the line of duty, means and methods of prevention of influence of negative psychological factors of emergency situations arising in the course of law enforcement activity on officers' behaviour. General recommendations on the procedural order for police staff in particular special operations and on organization and conducting integrated physical and firearms trainings for law enforcement officers are also presented in the tutorial.

The tutorial is intended for cadets and trainees of Siberian Law Institute of the MIA of Russia.

Galushin, P.V. Legal statistics : training manual / P.V. Galushin, V.V. Molokov, A.S. Sherstyanykh. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – 100 p.

The main issues of the academic subject «Legal statistics» are considered in the manual. The presentation of the subject is based on the possibilities of Microsoft Excel statistic functions pool. Every part of the manual includes a list of tasks for independent work.

The training manual is intended for cadets, trainees, post-graduates of educational institutions of the MIA of Russia, it will be useful for researchers in the field of criminology

будет полезным лицам, ведущим научные исследования в сфере криминологии. Может быть использовано сотрудниками органов внутренних дел, занимающихся сбором и обработкой статистической информации.

Железняк, Н.С. Некоторые особенности оперативной обстановки и противодействия наркопреступности в странах Латинской Америки : обзор / Н.С. Железняк. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – 52 с.

В обзоре содержится совокупность информации об оперативной обстановке о области борьбы с наркопреступностью в государствах Латинской Америки, а также меры по противодействию наркотрафику со стороны правоохранительных органов стран указанного региона.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей СибЮИ МВД России, сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России, а также лиц, организующих межгосударственное взаимодействие.

Железняк, Н.С. Оперативно-розыскная деятельность по делам о наркотиках в решениях высших судов Российской Федерации : обзор судебной практики / Н.С. Железняк. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – 156 с.

Предназначен для ученых, профессорско-преподавательского состава, докторантов, аспирантов, адъюнктов, курсантов и студентов образовательных учреждений юридического профиля, руководителей и сотрудников органов и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, иных заинтересованных лиц.

Методика расследования организации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : методические рекомендации / С.И. Земцова [и др.] – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – 57 с.

В методических рекомендациях рассматриваются особенности расследования орга-

and may be used by law enforcement officers involving in the statistic information collection and processing.

Zheleznyak, N.S. Some peculiarities of operational situation and counteraction to drug-related crime in countries of Latin America : review / N.S. Zeleznyak. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – 52 p.

The information about the operational situation in the field of combating drug-related crime in countries of Latin America, as well as measures on counteraction to drug trafficking undertaking by law enforcement agencies in countries of the above-mentioned region are presented in the review.

The review is intended for teaching staff, cadets and trainees of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, officers of drug control units of the MIA of Russia and for those ones responsible for interstate cooperation.

Zheleznyak, N.S. Operational-search activity on drug cases in the decisions of higher courts of the Russian Federation : review of court practice / N.S. Zheleznyak. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – 156 p.

The review is intended for scientists, teaching staff, doctoral students, postgraduates, cadets and students of legal educational institutions, heads and officers of operational-search units and other persons concerned.

Technique of investigation of organization, maintenance of dens or systematic allocation of accommodation for using narcotic and psychotropic substances or their analogues: methodological recommendations / S.I. Zemtsova [and others]. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. – 57 p.

The following issues are considered in these methodological recommendations:

низации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, предмет доказывания по уголовным делам данной категории, тактика производства следственных действий, возможности отдельных видов судебных экспертиз.

Предназначены для сотрудников следственных и оперативных подразделений территориальных органов внутренних дел, а также для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, обучающихся по соответствующим образовательным программам

Наркоситуация в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности в 2016 году : аналитические материалы. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. – 56 с.

В аналитических материалах представлена обзорная информация о наркоситуации в государствах – членах ОДКБ за 2016 год.

peculiarities of the investigation of organization, maintenance of dens or systematic allocation of accommodation for using narcotic and psychotropic substances or their analogues, circumstances in proof in criminal cases of this type, tactics of investigative actions proceeding and the possibilities of particular types of forensic examinations.

The methodological recommendations are intended for officers of investigative and operational units of territorial internal affairs bodies, as well as for cadets and trainees of educational institutions of the MIA of Russia.

Drug situation in the territory covered by the Collective Security Treaty Organization in 2016 : analytical data. – Krasnoyarsk: SLI of the MIA of Russia, 2017. –56 p.

Information on drug situation in Member – States of the Collective Security Treaty Organization during 2016 is presented in this review.

**ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК СИБИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ» ЗА 2017 ГОД**

**LIST OF PUBLICATIONS IN THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL
JOURNAL «VESTNIK OF SIBERIAN LAW INSTITUTE
OF THE MIA OF RUSSIA» IN 2017**

**Теория и практика правоох-
ранительной деятельности**

Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Некоторые вопросы исполнения наказания в виде исправительных работ (№ 4(29), с. 39-44).

Винокуров В.Н., Тепляшин П.В. Проблемы квалификации незаконной добычи песчано-гравийной смеси (№ 1(26), с. 19-24).

Власов В.А. Основание и условия гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов: некоторые вопросы теории и практики (№ 3(28), с. 22-26).

Власов В.А. Противодействие незаконному обороту этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей пищевой продукции и спиртосодержащей непищевой продукции: некоторые актуальные вопросы теории и практики (№ 1(26), с. 12-18).

Димитрова Е.А. Проблемы правового регулирования и организации контроля органами внутренних дел за исполнением возложенной судом обязанности в рамках части 2.1 статьи 4.1 КоАП РФ (№ 2(27), с. 13-19).

Железняк Н.С. Жилище как объект оперативно-розыскной деятельности (сравнительно-правовой анализ) (№ 3(28), с. 7-14).

Железняк Н.С. К вопросу о корректировке предписаний, регламентирующих задачи оперативно-розыскной деятельности (№ 1(26), с. 7-11).

Железняк Н.С. К вопросу об уточнении терминологии в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (№ 4(29), с. 7-13).

Железняк Н.С. О необходимости корректировки положений статьи 15 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" (№ 2(27), с. 7-12).

**Theory and Practice of Law
Enforcement Activity**

Alexandrova O.P., Budanova L.Yu. Some issues of punishment execution in the form of corrective labor (№ 4(29), p. 39-44).

Vinokurov V.N., Teplyashin P.V. Problems of qualification of illegal sand-gravel mining (№ 1(26), p. 19-24).

Vlasov V.A. The basis and conditions of civil and legal liability for the harm caused by illegal acts of law-enforcement officers: some issues of theory and practice (№ 3(28), p. 22-26).

Vlasov V.A. Counteraction to illicit trafficking in ethyl alcohol, alcohol, alcohol-containing food and alcohol-containing non-food products: some topical theoretical and practical issues (№ 1(26), p. 12-19).

Dimitrova E.A. The issues of legal regulation and organization of law enforcement agencies' supervision over the execution of court judgment within the framework of Part 2.1 of Article 4.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (№ 2(27), p. 13-19).

Zheleznyak N.S. A dwelling as an object of operational-search activity (comparative and legal analysis) (№ 3(28), p. 7-14).

Zheleznyak N.S. To the issue of updating provisions regulating the objectives of the operational-search activity (№ 1(26), p. 7-11).

Zheleznyak N.S. To the issue of clarification of the terminology in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (№ 4(29), p. 7-13).

Zheleznyak N.S. On the necessity of updating provisions of Art. 15 of the Federal Law «On Operational-Search Activity» (№ 2(27), p. 7-12).

Зиненко Ю.В. К вопросу о проблеме определения тяжести вреда здоровью при расследовании насильственных преступлений (№ 3(28), с. 27-31).

Иванов А.Ю. Об особенностях административной ответственности за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения (№ 3(28), с. 32-36).

Калугин А.Г. К вопросу о процессуальной форме изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела (№ 3(28), с. 15-21).

Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность физических лиц с особым конституционным статусом (иностранцы, лица без гражданства): законодательные коллизии и дефекты реализации (№ 4(29), с. 14-19).

Мальков С.М. Военный порядок и военная служба как элементы объекта преступления и основания систематизации преступлений против военной службы (№ 4(29), с. 27-34).

Монид М.В. Деятельность органов предварительного следствия МВД России в «зеркале» ведомственной статистики (№ 4(29), с. 20-26).

Монид М.В. К вопросу об организации профилактической деятельности при расследовании уголовных дел (№ 2(27), с. 20-24).

Ступина С.А., Юсупова О.А. Некоторые вопросы ответственности сотрудников полиции за причинение вреда в результате применения огнестрельного оружия (№ 4(29), с. 45-54).

Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Проблемы, возникающие при рассмотрении и разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора (№ 1(26), с. 25-32).

Шашин Д.Г. Изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, содержащих сведения ограниченного распространения, при проведении оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (№ 4(29), с. 35-38).

Zinenko Yu.V. To the issue of determining the severity of health damage in the investigation of violent crimes (№ 3(28), p. 27-31).

Ivanov A.Yu. About peculiarities of administrative liability for offenses in the sphere of traffic safety (№ 3(28), p. 32-36).

Kalugin A.G. To the issue of procedural form of seizure of items and documents at the stage of initiation of a criminal case (№ 3(28), p. 15-20).

Kondrashev A.A. The constitutional and legal responsibility of individuals with specific constitutional status (foreign citizens, stateless persons): legislative collusions and short-comings of implementation (№ 4(29), p. 14-19).

Malkov S.M. Military law and order and military service as elements of object of crime and the grounds for systematization of crimes against military service (№ 4(29), p. 27-34).

Monid M.V. The activities of the bodies of preliminary investigation of the MIA of Russia in the mirror of departmental statistics (№ 4(29), p. 20-26).

Monid M.V. To the issue of organization of preventive activity in criminal investigations (№ 2(27), p. 20-25).

Stupina S.A., Yusupova O.A. Some issues of police officers' liability firearm-related harm (№ 4(29), p. 45-54).

Shabanov V.B., Budanova L.Yu. The problems emerging while considering and deciding by a court the issues related to the execution of a sentence (№ 1(26), p. 25-32).

Shashin D.G. Seizure of documents, items, materials and messages containing restricted access information in the course of operational-search action inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles (№ 4(29), p. 35-38).

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Галушин П.В. Выявление латентных связей в социальных сетях в целях противодействия незаконному обороту наркотиков (№ 1(26), с. 54-58).

Земцова С.И. К вопросу о тактике допроса лиц, входящих в структуру интернет-магазина, осуществляющего незаконный сбыт «дизайнерских» наркотиков (организатора, оператора, курьера и закладчика) (№ 2(27), с. 31-37).

Космодемьянская Е.Е. Сравнительный анализ криминалистически значимых признаков преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (по материалам следственной и судебной практики) (№ 1(26), с. 40-47).

Космодемьянская Е.Е., Прейс Н.Г. Возможные алгоритмы действий в различных ситуациях расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (№ 2(27), с. 25-31).

Костенко Н.С., Горина А.А. Особенности применения досудебного соглашения о сотрудничестве в раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (№ 3(28), с. 37-40).

Лисихина Н.В. К вопросу о проблеме смертельных отравлений различными психоактивными веществами в свете мониторинга наркоситуации (№ 4(29), с. 62-66).

Мельников Е.Б. Методические вопросы криминалистического исследования аналогов наркотических средств и психотропных веществ (№ 1(26), с. 33-39).

Новоселов Г.Н., Моисеев Н.А., Свистильников А.Б., Дьяков Н.В. Некоторые вопросы борьбы с новыми потенциально опасными психоактивными веществами (№ 3(28), с. 41-46).

Ступина С.А. Психическое насилие как способ совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (№ 3(28), с. 47-52).

Токманцев Д.В. Квалифицирующие признаки нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (№ 1(26), с. 48-53).

Counteraction to the drug threat: problems and the ways of their solution

Galushin P.V. Identification of the latent connections in social networks to counteract drug trafficking (№ 1(26), p. 54-58).

Zemtsova S.I. To the issue of tactics of questioning persons being a part of a structure of an online store that illegally sells designer drugs (a founder, an operator, a courier and a person who delivers drugs to a stash) (№ 2(27), p. 31-37).

Kosmodemyanskaya E.E. A comparative analysis of the elements of criminalistics significant signs of crimes connected with illicit drug trafficking (based on materials of investigative and judicial practice) (№ 1(26), p. 40-47).

Kosmodemyanskaya E.E., Preis N.G. Possible algorithms of actions in various situations of investigating illicit cultivation of plants containing narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors (№ 2(27), p. 25-30).

Kostenko N.S., Gorina A.A. Peculiarities of the application of pretrial agreement on cooperation in the disclosure and investigation of crimes in the sphere of drug trafficking (№ 3(28), p. 37-40).

Lisikhina N.V. To the issue of lethal poisoning with different psychoactive substances in the light of monitoring the drug situation (№ 4(29), p. 62-66).

Mel'nikov E.B. Methodological issues of the forensic examination of psychotropic substances and narcotic drugs analogues (№ 1(26), p. 33-39).

Novoselov N.G., Moiseev N.A., Svistil'nikov A.B., D'yakov N.V. Some issues of combating new potentially dangerous psychoactive substances (№ 3(28), p. 41-46).

Stupina S.A. Mental violence as a way of committing a crime in the sphere of illicit drug trafficking (№ 3(28), p. 47-52).

Tokmantsev D.V. Classifying characteristics of violation of rules of trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances (№ 1(26), p. 48-53).

Цуканов Н.Н. К вопросу о перечне категорий лиц, которые не могут быть направлены полицией на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения (№ 4(29), с. 55-61).

Шинкевич В.И., Бен Е.Н., Молоков В.В. Состояние наркопотребления в Красноярском крае и предложения по профилактике незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ: по результатам социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации (№ 2(27), с. 38-47).

Зарубежный опыт

Боровик П.Л. Методологические вопросы подготовки и использования электронных учебных изданий в образовательном процессе учреждения высшего образования (№ 2(27), с. 61-69).

Свиридов Д.А. Теоретические аспекты методики расследования незаконной предпринимательской деятельности в социально-экономических условиях Республики Беларусь (№ 2(27), с. 48-54).

Тармаева В.И., Тармаев Б.П. О первых ювенальных судах в США (№ 4(29), с. 67-70).

Трифонов В.В., Каранкевич А.И. Стрессоустойчивость как элемент готовности сотрудника органов внутренних дел к эффективной реализации специальных мер административного принуждения (силового воздействия) (№ 1(26), с. 59-64).

Урусов А.А., Рэнцен У. Сравнительный анализ материально-бытового обеспечения осужденных в России и Монголии (№ 3(28), с. 61-65).

Шабанов В.Б., Санташов А.Л., Лукьянович А.Л. Факторы, обуславливающие обеспечение безопасности осужденных в местах лишения свободы (№ 2(27), с. 55-60).

Шабанов В.Б., Харевиц Д.Л. Провокация преступления в ФРГ: проблемы теории и практики (№ 3(28), с. 53-60).

Tsukanov N.N. To the issue of the list of categories of persons who cannot be sent by police to undergo medical examination for determining drug intoxication (№ 4(29), p. 55-61).

Shinkevich V.E., Ben E.N., Molokov V.V. The present state of drug using in Krasnoyarsk Territory and proposals on prevention of illegal distribution of narcotic drugs and psychotropic substances: according to the results of sociological surveys within the annual monitoring of drug situation (№ 2(27), p. 38-47).

Foreign Experience

Borovik P.L. Methodological issues of preparation and use of electronic educational publications in the educational process of higher education institution (№ 2(27), p. 61-69).

Sviridov D.A. Theoretical aspects of a technique of investigation of illegal business activities in the socio-economic conditions of the Republic of Belarus (№ 2(27), p. 48-54).

Tarmayeva V.I., Tarmayev B.P. On the first juvenile courts in the USA (№ 4(29), p. 67-70).

Trifonov V.V., Karankevich A.I. Resistance to stress as an element of readiness of a law enforcement officer to effective implementation of special measures of administrative coercion (№ 1(26), p. 59-64).

Urusov A.A., Rentsen U. Benchmarking analysis of material and domestic ensuring of convicts in Russia and Mongolia (№ 3(28), p. 61-65).

Shabanov V.B., Santashov A.L., Lukyanovich A.L. Factors determining the security of convicts in detention facilities (№ 2(27), p. 55-60).

Shabanov V.B., Kharevich D.L. Provocation of crime in FRG: problems of the theory and praxis (№ 3(28), p. 53-60).

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Арский А.А. К вопросу об использовании лексики наркоманов в молодежной среде (№ 1(26), с. 65-70).

Бойко Ю.Н., Коновалова О.В. Проблемы подготовки кадров советской милиции в Енисейской губернии в 1920-1924 гг. (№ 3(28), с. 78-85).

Глубокий В.А. Методика тренировки сотрудников органов внутренних дел к выполнению нормативов по общей физической подготовке (№ 2(27), с. 76-80).

Демин А.В. Концепт налогового мониторинга в новой модели налогового администрирования России (№ 1(26), с. 77-85).

Дубец Е.К. Возмещение расходов арбитражного управляющего (№ 1(26), с. 71-76).

Митюков М.А. «Первый шаг» к развитию новых федеративных отношений в России (начало 1990-х гг.): размышления спустя десятилетия (№ 3(28), с. 66-77).

Никитенко И.В. Миграционная безопасность азиатской части России: частная парадигма криминологического исследования (№ 4(29), с. 71-77).

Петухов А.Ю. Проблемы формирования информационной компетентности сотрудника полиции в рамках первоначальной профессиональной подготовки (№ 4(29), с. 78-81).

Тимко С.А. Новая процедура мониторинга общественного мнения о деятельности полиции: критический взгляд (№ 2(27), с. 70-75).

Алгоритмы высшей школы

Байкин Р.Ф. Интегрирование элементов метода круговой тренировки в методику проведения практических занятий по огневой подготовке (№ 3(28), с. 97-101).

Евтихов О.В., Жильцов А.В. Профессионально-управленческая компетентность и проблема лидерства младших командиров учебных групп образовательных организаций МВД России (№ 4(29), с. 87-92).

Крачинская О.В., Лиховидова Е.П. Патриотическое воспитание будущих сотрудников правоохранительных органов (из опыта работы с курсантами Волгоградской академии МВД России) (№ 1(26), с. 86-89).

Views. Reflections

Arskiy A.A. To the issue of the use of drug addicts' jargon by youth (№ 1(26), p. 65-70).

Boyko Yu.N., Konovalova O.V. The issues of staff training for soviet militia in Yeniseisk province in 1920-1924 (№ 3(28), p. 78-85).

Glubokiy V.A. Methods of law-enforcement officers' training to implement the physical fitness standards (№ 2(27), p. 76-80).

Demin A.V. The concept of tax monitoring in the new model of tax administration in Russia (№ 1(26), p. 77-85).

Dubets E.K. Reimbursement of expenses of a bankruptcy commissioner (№ 1(26), p. 71-76).

Mityukov M.A. «The first step» in the development of new federative relations in Russia (the beginning of the 90s): reflection after decades (№ 3(28), p. 66-77).

Nikitenko I.V. Migration safety of the Asian part of Russia: the private paradigm of criminological research (№ 4(29), p. 71-77).

Petukhov A.Yu. Problems of formation of police officer's informational competency in the frame of the initial professional training (№ 4(29), p. 78-81).

Timko S.A. A new procedure for monitoring public opinion of policing: a critical view (№ 2(27), p. 70-75).

Algorithms of Higher School

Baikin R.F. The integration of circle training elements into methods of conducting practical instructions on shooting training (№ 3(28), p. 97-101).

Yevtikhov O.V., Zhiltsov A.V. Professional and administrative competence and the issue of junior commanders' leadership in study groups at educational institutions of the MIA of Russia (№ 4(29), p. 87-92).

Krachinskaya O.V., Lihovidova E.P. Patriotic education of future law enforcement officers (based on the cadets' education experience of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia) (№ 1(26), p. 86-89).

Куприянчик Т.В., Арская М.В. К вопросу о коммуникативных профессионально обусловленных ситуациях в контексте обучения иностранному языку для специальных целей в неязыковом вузе (№ 4(29), с. 82-86).

Силантьев В.В. К вопросу о подготовке полицейских, привлекаемых к проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, путем моделирования ситуаций на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России (№ 4(29), с. 93-102).

Силантьев В.В., Евтушенко А.А. Применение защитного снаряжения при обучении боевым приемам борьбы курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России (№ 2(27), с. 81-85).

Шинкевич В.Е., Маслодудова Н.В., Шерстяных А.С. Выраженность феномена патриотизма в курсантской среде Сибирского юридического института МВД России (№ 3(28), с. 86-96).

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Астахова А.О. Социально-правовая обусловленность института административного надзора (№ 2(27), с. 86-93).

Бабин С.В. Направления совершенствования деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России в сфере охраны и обеспечения общественного порядка (№ 2(27), с. 94-102).

Будникова А.Б. Декриминализация побоев: ожидания и результаты (№ 3(28), с. 110-114).

Годовикова Д.Е. Проблемы участия педагога/психолога при проведении допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего по уголовным делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности (№ 2(27), с. 108-111).

Карлов А.Л. Письменная (скрипто-конвенциональная) форма процессуального соглашения в уголовном процессе России: общие подходы и оригинальная интерпретация (№ 4(29), с. 98-102).

Koupriyanchik T.V., Arskaya M.A. To the issue of communicative professionally conditioned situations in the context of teaching a foreign language for special purposes at a non-linguistic higher educational institution (№ 4(29), p. 82-86).

Silantiev V.V. To the issue of training of police officers assigned to participate in counterterrorist operations in the North Caucasus region of the Russian Federation by simulating situations during their physical training at educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia (№ 4(29), p. 93-97).

Silantiev V.V., Evtushenko A. A. The use of protective gear in teaching cadets and trainees fighting techniques at the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (№ 2(27), p. 81-85).

Shinkevich V.Ye., Maslodudova N.V., Sherstyanykh A.S. The presence of patriotism phenomenon among the cadets of Siberian Law Institute of MIA of Russia (№ 3(28), p. 86-96).

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

Astakhova A.O. Social and legal conditionality of the institution of administrative supervision (№ 2(27), p. 86-93).

Babin K.V. Directions for improving the activity of the road patrol service of the State Traffic Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of protection and maintenance of public order (№ 2(27), p. 94-102).

Budnikova A.B. Decriminalization of beatings: expectations and results (№ 3(28), p. 110-114).

Godovikova D.E. The problems of a pedagogue's/psychologist's participation in examining a child witness or victim in criminal cases on crimes against sexual freedom and integrity (№ 2(27), p. 108-111).

Karlov A.L. Written (script and conventional) form of procedural agreement in criminal proceedings in Russia: the general approaches and initial interpretation (№ 4(29), p. 98-102).

Поляков Н.В. Документирование лжеэкономической деятельности фирм-однодневок, используемых для осуществления незаконной банковской деятельности (№ 1(26), с. 98-104).

Пряник К.В. Процессуально-криминалистические аспекты работы следователя с носителями электронной информации (№ 2(27), с. 103-107).

Репин А.В. Тактика преодоления противодействия в ходе допроса по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств (№ 1(26), с. 90-97).

Фомин С.А. Становление и развитие использования методов статистического анализа в изучении преступности и преступников в дореволюционной России (№ 3(28), с. 102-109).

Чугаев В.В. Английское просвещение о месте главы государства в системе государственного управления (№ 4(29), с. 110-115).

Шишкин П.Е. О некоторых вопросах административной ответственности в области оборота гражданского пневматического оружия (№ 4(29), с. 103-109).

Аннотации, рецензии, отзывы

Аннотированный указатель новых изданий СибЮИ МВД России (№ 4(29), с. 120-125).

Отзыв ведущей организации на диссертацию Звоновой Анны Вениаминовны «Уголовно-правовые средства противодействия наркопреступности в местах лишения свободы», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – 234 с.) (№ 3(28), с. 115-120).

Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, подготовленной С.Л. Баншиковой по теме «Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию» (№ 1(26), с. 105-108).

Polyakov N.V. Documenting false economic activity of short-lived companies used for carrying out illegal banking activities (№ 1(26), p. 98-104).

Pryanik K.V. Procedural and forensic aspects of an investigator's work while examining electronic storage devices (№ 2(27), p. 103-107).

Repin A.V. The tactics of overcoming resistance in the process of interrogation on cases related to illicit trafficking of narcotic drugs (№ 1(26), p. 90-97).

Fomin S.A. Formation and development of using methods of statistical analysis in the study of crime and criminals in prerevolutionary Russia (№ 3(28), p. 102-109).

Chugaev V.V. English awareness about the position of a head of state in the system of governmental authority (№ 4(29), p. 110-115).

Shishkin P.E. On some issues of administrative liability in the sphere of trafficking civilian pneumatic weapon (№ 4(29), p. 103-109).

Abstracts and Reviews

Annotated list of new publications issued at SLI of the MIA of Russia (№ 4(29), p. 120-125).

Report of the external reviewer on the thesis named «Criminally legal means of counteraction to drug-related crime in penitentiaries» written by Zvonovaya Anna Veniaminovna presented for a Candidate of Juridical Sciences degree with a specialization 12.00.08 in criminal law and criminology, criminal and penal law (Vladimir city, Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service, 2017. – 234 p.) (№ 3(28), p. 115-120).

Review on the abstract of the thesis «Administrative liability for non-performance of obligations to maintain and educate underage children by parents or minors' legal representatives» performed by S.L. Banshchikova and submitted to conferring an academic degree of the Candidate of Juridical Sciences (№ 1(26), p. 105-108).

Отзыв официального оппонента о диссертации Зорькиной Анны Александровны «Неосторожные преступления несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (№ 3(28), с. 121-124).

Отзыв официального оппонента о диссертации Саблиной Майи Александровны «Исполнитель преступления в институте соучастия», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (г. Москва, 2016. – 233 с.) (№ 4(29), с. 116-119).

Отзыв официального оппонента о диссертации Трубицына Даниила Александровича «Криминологическая характеристика и профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера (по материалам Ямало-Ненецкого автономного округа)», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (г. Тюмень, 2016. – 216 с.) (№ 2(27), с. 112-115).

Перечень публикаций в научно-практическом журнале «Вестник Сибирского юридического института МВД России» за 2017 год (№ 4(29), с. 126-133).

Report of the official opponent on the thesis named «Negligent crimes committed by minors: criminal law and criminological aspects» written by Zor'kina Anna Aleksandrovna presented for a Candidate of Juridical Sciences degree with a specialization 12.00.08 in criminal law and criminology, criminal and penal law (№ 3(28), p. 121-124).

The review of official opponent on the dissertation of Sablina Maja Aleksandrovna «The person committing the crime in the institute of complicity» submitted for conferring an academic degree of a Candidate of Law on the specialty 12.00.08 – Criminal law and Criminology; Criminal and Penal law (Moscow, 2016. – 233p.) (№ 4(29), p. 116-119).

The review of official opponent on the dissertation of Trubitsyn Danilo Aleksandrovich «Criminological characteristic and crime prevention of small indigenous peoples of the North (on the materials of Yamal-Nenets Autonomous Area)» submitted for conferring an academic degree of a Candidate of Law on the specialty 12.00.08 – Criminal law and Criminology; Criminal and Penal law (Tyumen, 2016 – 216p.) (№ 2(27), p. 112-115).

List of publications in the scientific and practical journal «Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia» in 2017 (№4(29), с. 126-133).

Приглашаем к сотрудничеству!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: государство и право, правоохранительные органы, уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминология, криминалистика, государство и право отдельных стран, а также рецензии и отзывы ведущих организаций на диссертации и авторефераты диссертаций, рецензии на монографии, учебники, иные издания, представляющие интерес для научной общественности.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам теории и практики раскрытия и расследования преступлений, в том числе в зарубежных странах, противодействия незаконному обороту наркотиков, специальной, оперативно-боевой, физической подготовки сотрудников правоохранительных органов; совершенствования образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего образования, а также отражающие результаты научных исследований, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс Респечати 70589.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе на сайте института в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу: <http://сибюи.мвд.рф>, а также в научной электронной библиотеке по адресу: <http://www.elibrary.ru>.

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

2. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

3. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

4. К письму **отдельным файлом** прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

5. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– приставный библиографический список, оформленный в соответствии ГОСТ 7.1-2003 (в алфавитном порядке).

6. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8–16 страниц;

– сноски на литературу оформляются отсылками к приставному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

7. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются.

8. При публикации статьи в журнале автор передает издательству право на распространение статьи (включая информацию об авторе) любым не запрещенным законодательством способом, в связи с чем в конце рукописи в свободной форме дается разрешение на публикацию в сети Интернет. Например: "Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю. Личная подпись автора".

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник Сибирского
юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – И.А. Медведев, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, д.ю.н., доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

А.В. Жильцов – к.ю.н., начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Т.В. Куприянич – к.п.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Н.Г. Логинова – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

С.М. Мальков – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.В. Панов – к.п.н., доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.В. Пономарева – д.ю.н., профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

О.А. Суров – к.ю.н., доцент, начальник Учебного центра (филиала) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа;

В.Е. Шинкевич – д.с.н., доцент, действительный член Академии педагогических и социальных наук профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – I.A. Medvedev, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of the Administrative Law and the Administrative Activity, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Tatyana V. Koupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nadezhda G. Loginova, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Ass. Professor of the Department of Criminal Procedure, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Evgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Physical Training, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Oleg A. Surov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Head of the Training centre (branch) of SibLI of the MIA of Russia in Managua, the Republic of Nicaragua;

Vladimir Ye. Shinkevich, Doctor of Sociology, Ass. Professor, Full Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Редакторы номера Ю.В. Леонтьева, Е.А. Никитина
Дизайн и верстка: В.Е. Рыбин, М.Н. Соколова

Подписано в печать 11.12.2017.
Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 17.
Тираж 150 экз.
Заказ 502

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
Отпечатано в типографии НИРИО
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.